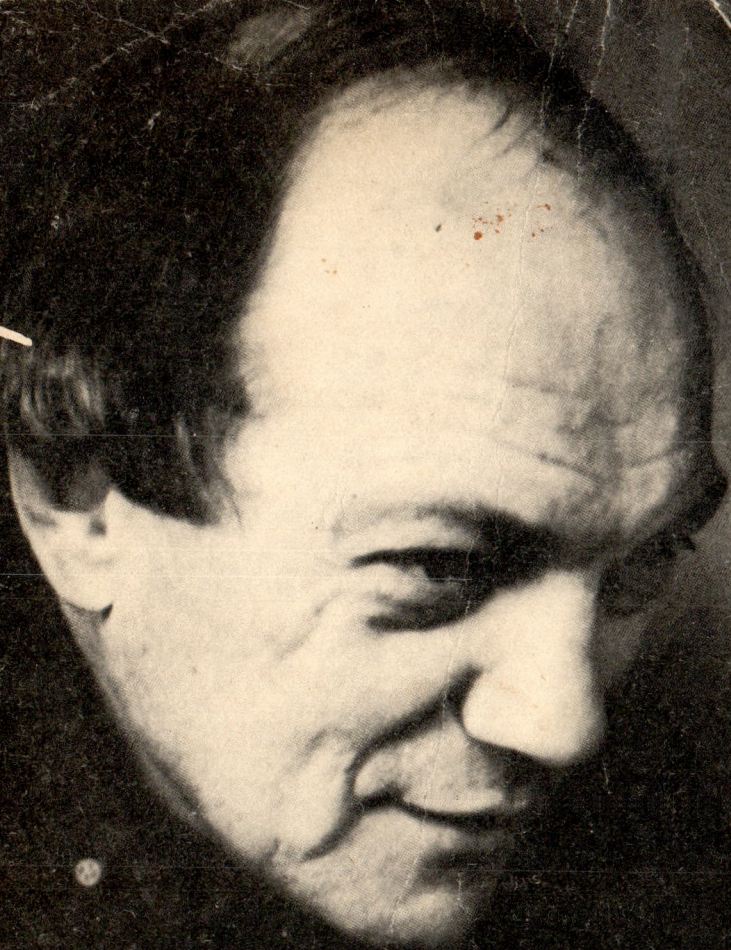

Анаторий Магунин

Ex Libris

Меня убили
скотина Пела

Анатомий Глазунин

Меня убили
скотина

ПЕЛА

«Ex Libris»

Издательство
Советско-Британского
совместного предприятия

СЛОВО/SLOVO

Москва. 1991

ББК 84Р6
Г 52

Художник
ВЛ. МЕДВЕДЕВ

Г 4702010201 — Без объявл.
М 128(03)—91
ISBN 5—85050—306—4

© СП «Слово», 1991
© Вл. В. Медведев, оформле-
ние, 1991

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОИХ ДРУЗЕЙ:

*АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА, АНАТОЛИЯ КУЗНЕЦОВА,
ВИКТОРА НЕКРАСОВА, СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА —
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ УМЕРЛИ В ЭМИГРАЦИИ*

Последний день своей жизни Говоров хотел прожить в свое удовольствие, но опять накопились дела. Так называемые его дела заключались в том, что по счетам и квитанциям с Говорова требовали деньги, которых уже не было, и, наоборот, он пытался выбить деньги там, где ему были должны, но почему-то не спешили платить. С тех пор как он стал безработным, игра шла в одни ворота: пособие, которое ему причиталось, все уменьшалось, а счета и квитанции все увеличивались. По ошибке или недоразумению ему могли прекратить выплачивать пособия, и с большим трудом их удавалось восстанавливать, а вот если и были ошибки в счетах, то всегда в пользу хозяина квартиры или, скажем, телефонной станции. И Говоров к этому привык, считал, по закону подлости так и положено, что каждый конверт со штампом учреждения обязательно должен принести какую-то пакость (и отправители старались оправдать эти ожидания, тут они не ленились, работали засучив рукава). Словом, кому прикажете жаловаться? Жаловаться можно было только Господу Богу, но Господь этих жалоб упорно не слышал, видимо, у него набирались заботы поважнее.

Отношения с Богом у Говорова были сложные. Воспитанный в Советском Союзе в духе воинственного атеизма, Говоров начал думать о Боге только тогда, когда ему стало плохо. И Говоров понимал, что в этом есть элемент нечестности — где раньше был Говоров, когда все шло нормально? Правда, в свое оправдание Говоров мог сказать, что всю жизнь жил по принципу: здоровому мужику, с руками и ногами, с хорошей головой стыдно просить кого-нибудь о чем-нибудь и надо

рассчитывать только на себя. Теперь же сам факт, что он обращался к Богу за помощью, можно было расценивать как полную сдачу позиций или как попытку протыриться без очереди к тому, на кого и так большой спрос.

Тринадцать с половиной лет тому назад, когда Говоров уехал в эмиграцию, он ничего и никого не боялся и ни к кому не взывал. Все сложилось само собой. Он сразу получил большой аванс за книгу и вскоре добился постоянной работы. Жизнь во Франции не казалась раем, но была весьма привлекательной, особенно если вкалываешь и ни от кого не зависишь. Пожалуй, единственным разочарованием были счета: не за рестораны, гостиницы или от модных портных (в эти привлекательные владения нога Говорова не ступала) — нет, элементарный счет за газ, электричество, воду, за страховку, ремонт машины или вызов слесаря-сантехника. По сравнению с московским бытом здесь было все чудовищно дорого. Говоров вздыхал и аккуратно выписывал чеки. Он научился воспринимать счета как большое семейство — каждый подходит к столу и требует кусок хлеба. Приходилось отрезать и давать. А куда денешься? Все хотят есть.

Но когда кончилась зарплата (красивые голубые чеки из «Чейз Манхеттен банка») и Говоров сел на пособие по безработице, ситуация изменилась. Уже не домашние добродушные родственники вежливо протягивали ложку, нет, уличные наглые бандиты ударами вытрясали его кошелек. Счет за телефон — удар дубинкой по голове, плата за квартиру — удар под дых, обязательная профилактика машины — зубодробительный апперкот. После очередной оплеухи Говоров шатался, но удерживался на ногах. Потом стал сгибаться, закрывать лицо руками, а удары сыпались, ужесточались. Потом Говоров понял: это не только злонамеренный заговор против него, а наглядная демонстрация того, что жить, просто жить, существовать на свете Говорову не по карману. Ведь Говоров не мог плюнуть на все, стать свободным человеком, бродить по улицам, питаться подаванием и ночевать под мостом. У него был определенный образ жизни, обязательства перед близкими, две семьи, которые он тянул, а значит, надеяться на спасительную передышку, когда он соберется с силами (и соберет деньги), было глупо. Оставался один выход:

заклучить последний—решающий контракт, выпи- сать последний крупный чек и тем самым разом и нав- сегда закрыть все счета. Именно это Говоров и соби- рался сделать сегодня.

Однако сначала надо было урегулировать мелкие подянки, которые почта преподнесла ему вчера. Боль- ничная касса отказывалась платить, ибо он неправиль- но заполнил формуляр. Сам виноват. Но исправить де- ло нехитрое. Что касается письма из префектуры поли- ции, то, прочтя его, он еще раз удивился их изобретате- льности (их — то есть злых сил, ополчившихся на него). В городе, где все ездили наперекосяк, на перекрестке перестраивались из четвертого ряда в первый, проезжа- ли красный свет, со свистом обгоняли его старую тач- ку,— так вот, именно его, дисциплинированного, остро- рожного водителя засек радар за превышение скорости: вместо 60 км.— 81 км.! И штраф на 230 франков. А Го- воров старался, чтоб на еду за неделю уходило макси- мум 300 франков. Как после этого прикажете жить, го- спода хорошие?

Оставить все это на Киру, пусть расхлебывает, было бы не по-мужски. Вчера он целый день бегал по городу, устал, вечером по телеку показывали детектив, хоте- лось провести вечер спокойно, выпить, поужинать, без- заботно уснуть. Так он и поступил, и правильно сделал. За ночь пришло решение. Он напишет в префек- туру, что в тот день он дал машину своему при- ятелю из Нью-Йорка, вот фамилия, а адрес он не помнит.

Префектура, конечно, пришлет вызов ему, владель- цу машины, чтоб сличить с фотографией радара. Но прийти в префектуру уже будет некому, извините, месье Говоров отбыл в места, откуда не возвращаются. И префектуре придется поверить, и они отстанут от Ки- ры.

И еще предстояла встреча с Актер Актерычем. Но это как раз не так плохо, угадывалась даже ка- кая-то справедливость—ведь не каждому судьба посылает под занавес народного артиста СССР. Сло- вом, действие произойдет на высоком сценическом уровне.

Итак, все обдуманно, взвешено, подписано. Без при- ступов малодушия и паники. Ни Кира, ни Денис не бу- дут свидетелями никаких кошмарных сцен. Он погу-

ляет с Актер Актерычем по Парижу, а потом пригласит его в шикарный ресторан. Там они погудят на всю катушку, как когда-то гудели в ВТО или Центральном Доме литераторов в Москве. Потом они обнимутся, залягутся пьяными слезами, распрощаются. Актер Актерыч уйдет в свою гостиницу, а Говоров, прежде чем расплатиться, спустится вниз, чтобы позвонить по телефону. В шикарных ресторанах во всех этих помещениях чистота и порядок. Конечно, пьяному море по колено, но все-таки желателен относительный комфорт.

Он услышал плеск воды в ванной комнате. Не открывая глаз, можно было сказать: время — без пяти восемь, и Денис уже встал. И все же пора продрать глаза. Через щели в закрытых ставнях утро стреляло узкими полосками света. На часах без пяти восемь. Значит, короткими перебежками, просыпаясь и опять проваливаясь в забытье, он проспал семь с половиной часов. И принял лишь одно снотворное. Нормально. Правда, внутри что-то дрожало, но к этому он привык за последние годы, это он снимет таблеткой транквилизатора. И еще в голове звучал мотив старого фокстрота. Забавно, что именно сегодня, но так даже веселее. Будем подыматься под бодрый ритм. Впрочем, надо подождать, пока Денис уйдет в школу. Сейчас ему лучше не сталкиваться с сыном.

Он медленно обводил взглядом свою маленькую комнату, которая служила ему спальней и кабинетом, фиксируя каждую вещь, вбивая ее, как молотком, навечно на свое место. Старая икона на стене, рядом фотографии: Киры и Дениса, Киры совсем молоденькой, пятилетнего Дениса на велосипеде, Говорова и Виктора Платоновича (снимок сделан во время записи на Радио, они сидят за столом, друг против друга, у каждого микрофон). Книжный шкаф с отборными томами любимых писателей. У окна письменный стол, на нем лампа с голубым пластмассовым абажуром и стопками бумаг — нет, не рукопись: счета, квитанции, письма из налогового управления и прочая муть. На стене, справа от стола, фотография мамы. Это копия портрета, который вмурован в нишу крематория. Фотографии московской семьи Говорова: Наташка, его первая жена, Аля (их дочь), Аля, Наташка и Говоров (снимок двадцатилетней давности), Лизка (дочь Али, его внука).

Наверху другого книжного шкафа — копилка, шахматы, шахматный компьютер, Лизкина кукла. На первой полке книги с автографами или книги, где были автографы, но их вырвали во время прохождения московской таможни (тогда как раз ввели правило: нельзя, мол, вывозить автографы за границу — но таможенники, как обычно, халтурили, вырвали автографы Евтушенко, Рождественского, а на книги Катаева, Эренбурга, Симонова не взглянули, автографы остались). На третьей полке — книги Говорова, русские и переведенные на другие языки, в том числе две — на японский. Всего тридцать три книги. Появление каждой из них когда-то определяло его жизнь, подстегивало его честолюбие, уж не говоря о том, что когда-то книги его кормили... Нижний ящик шкафа закрыт на замок, но в нем ни денежных купюр, ни акций. Там рукописи Говорова, его архив, письма от друзей, от Али и Наташки, рисунки Лизы, а в глубине спрятана черная коробка. Сегодня он переложит коробку в чемоданчик и возьмет с собой.

Хлопнула входная дверь. Говоров вскочил, бросился к окну, но через щели ставень ничего не было видно — свет слепил. Пока открывал окно и подымал ставни, Дениса уже след простыл.

Говоров вышел в большую комнату. Из-за занавески, за которой спала Кира, выпрыгнула Бася, закрутилась по ковру, распушила хвост, разлеглась. Говоров присел на корточки, начал гладить кошку, приговаривая: «Бася, Бася, ты снялася в платье бело-голубом...» В ответ Бася заурчала. Их обыкновенный утренний ритуал.

Шумела вода в туалете. Денис, балбес, опять слишком сильно нажал на ручку бачка. Говоров поправил ручку, вода перестала течь.

В ванной он открыл краны, почистил зубы, посмотрел на себя в зеркало. Нормальная рожа, только глаза злые.

Он перемешал песок в Басиной коробке, принес себе чистое белье и синюю, лучшую свою рубашку.

В голове продолжал наяривать фокстрот. Лет в семнадцать лихо под него бацали. Как же он назывался? Не помню.

Говоров принял ванну, встал под душ — горячий и холодный, аккуратно вытерся свежим полотенцем,

тщательно побрился. Бритву почистил, продул лезвия, положил в шкафчик.

В зеркале отражалась нормальная рожа, причесанная, ухоженная, но какая злость в глазах, так нельзя, мадам и месье, ты убьешь кого-то взглядом по дороге! Он подмигнул роже. Рожа не отреагировала. Он показал язык. Изображение в зеркале осталось неподвижным. Что за чертовщина!? Хоть руками раздвинь щеки, изобрази улыбку! На этот раз зеркало повторило его движения, и рожа искривилась ухмылкой.

На кухне Говоров зажег газ, поставил на плиту чайник, убрал тарелку Дениса в раковину, смел со стола крошки.

Он взял радиоприемник и перенес в свою комнату. Кира, по обыкновению, будет дрыхнуть до одиннадцати, и ее не надо будить. (А почему не надо? Сегодня все можно: сдерни скатерть со стола, шмякни на пол кастрюлю, запусти сковородкой в чайный сервиз! Пусть Кира встанет и сделает ему завтрак!) Четким жестом Говоров придушил свист закипавшего чайника, налил чай, неслышно ступая по ковру, прошел с чаем к себе, плотно закрыл дверь и уж только тогда включил радио.

«На северной и южной автостраде,— заботливо сообщил диктор,— гигантские пробки. Профсоюзы грозят забастовкой на транспорте. Тайфун обрушился на Филиппины: двести погибших и три тысячи пропало без вести. Доллар поднимается. Сборная Франции по футболу проиграла сборной Гренландии. Монако и Андорра предоставили Румынии кредит на пятьсот миллионов франков. В Англии большой спрос на попугайчиков...»

В общем, в мире кипели страсти. Но нигде не было спроса на Говорова, никто не собирался предоставлять ему кредит хотя бы на пятьдесят тысяч. Зато можно было утешиться, что его не смыло в море и он пока не пропал без вести.

Интересно, скажут ли о нем завтра по радио?

Хватит заниматься глупостями. Он должен уехать из дома, пока Кира не проснулась и пока не принесли почту, где наверняка очередная пакость.

Он написал деловые письма, запечатал их в конверт, сунул в чемоданчик (безукоризненный атташе-кейс, подарок ребят с работы, напоминание о былых време-

нах), положил туда же черную коробку из шкафа. Коробку не открывал. Все было проверено заранее. Потом он посидел минут десять за пустым столом. Достал из ящика два письма к Кире. Перечитал лишь одно, финансовое, в котором объяснял, на какие пособия она может рассчитывать и к кому должна обращаться. Спрятал письма в папку. Кира их найдет.

Всё.

Он вышел из квартиры, осторожно, но плотно приотворил за собой дверь, спустился на несколько ступенек, остановился, обернулся и посмотрел на дверь так, как будто видел ее впервые.

И тут его стукнуло: он забыл мешочек с мусором! Он всегда выносил мусор, спускаясь через черный ход к машине. Пришлось вернуться. Что было плохой приметой.

Сегодня он мог проезжать на красный свет, гнать по левой стороне, превышать скорость, вести машину в состоянии сильного опьянения, парковать ее где угодно и не бросать монеты в паркометр. Сегодня был день полной свободы!

Голоса из публики:

— Счастливчик, он может на каждом перекрестке плевать в рожу любому флику! И что флик! Ну подойдет, проверит документы, выпишет штраф за неуважение к властям! Так этим штрафом надо потереться на глазах у полицейского! Он же не подозревает, что нахальный водитель будет освобожден от штрафа по верховной амнистии Господа Бога!

— Я на его месте поступил бы иначе. Поехал на юг, в Ниццу. Бензин покупал бы только по кредитной карточке, платя за отель, ресторан, за дорогу — все в кредит, — у него же «Америкэн экспресс», солидная карта! В Ницце остановился бы в самом фешенебельном отеле, обедал в ресторане при гостинице, гулял по «Променад Англез», дышал свежим морским воздухом. Словом, хоть неделю пожил бы как люди. А потом — дело хозяйское, запись в номере, хлопни стакан виски и подписывай свой контракт. А когда придут счета, у не-

го же в банке ни сантима! Не с кого требовать деньги! Жена? При чем тут жена? Она скажет: «Да я Нищцу в глаза не видела, и вообще, он, злодей, меня бросил в нищете». Я знаю, русские в этих случаях говорят: «Пусть платит Пушкин». Тоже, кстати, был известный литератор...

— Нет, если ехать на юг, то в Монте-Карло. Снять угловую комнату с балконом в отеле «Париж» (две тысячи франков в ночь!), погулять по меню в ресторане (франков на девятьсот), разумеется, в счет «Америкэн экспресс», тут я с вами согласен. Но ведь у этого типа в кармане наличные, тысяча франков. Вот с ними в казино. И ставить только на номера! Таким отчаянным парням должно везти. Загребет двести тысяч в рулетку. Вернется домой как король. Если же проигрыш, тогда уж, конечно, стакан коньяка и пулю в лоб. Все равно красиво.

— «Америкэн экспресс» рекламирует путешествие из Парижа в Нью-Йорк и обратно на «Конкорде», с остановкой в отеле «Уиллдорф-Астория». Почему бы не прошвырнуться напоследок? А если будет катастрофа и «Конкорд» спикирует в океан, то семья получит колоссальную страховку от банка. Глупо упускать такую возможность.

— Людям, которым нечего терять, надо грабить банк. Подошел к окошку, наставил пушку и потребовал кассу. Сейчас все грабят банки, нет ничего проще, на прошлой неделе — помните, в газетах писали — школьники пришли. Если арестуют бедолагу, то чем он рискует? Наши тюрьмы — образцовые санатории, с трехразовым бесплатным питанием, цветным телевизором и спортивными залами. Отдохнет он там от всех забот, поправит здоровье. Глядишь, за примерное поведение выпустят лет через пять, как раз к пенсии. Но попасться так сложно! Ну, заснимет его кинокамера в банке, полицейские размножат фото, и кого искать? У него же чистое досье, ни в каких розыскных архивах его нет. Пока будут думать и гадать, он смется в Южную Америку. Верно, в банке теперь много не возьмешь, но для какой-нибудь Аргентины и этих денег хватит. Купит другой паспорт, приобретет себе ранчо, напишет мемуары, издаст их, разбогатеет. Аргентина — страна неограниченных возможностей.

— Да что говорить! Для предприимчивого человека есть тысячи вариантов. Ведь мы живем в свободном мире! Увы, месье-дам, клянусь, ничем этот парень не воспользуется. Ведь русские — рабы от рождения. У них свои комплексы вины, гипертрофированное чувство долга, загадочная душа. Обо всем этом, месье-дам, вы можете прочесть у ихнего писателя Толстоевского.

Париж называют фантастическим городом, и это верно. Правда, мало кто уточняет, что фантастичность города заключается в том, что в нем в любое время можно застрять в автомобильной пробке. Кажется, вы все предугадали и выбрали час, когда добропорядочные французы усердно протирают задом кресло в своем бюро и еще не настал момент аперитива, деловых встреч в ресторане, — словом, по идее, все машины должны стоять в паркингах, и вы несетесь с ветерком по пустым авеню. Однако неожиданно вы упираетесь в стихийную, никем не объявленную и непредвиденную манифестацию, какие-то лохматые ребята в белых халатах беснуются и кричат на площади, парализуя движение сразу на семи улицах. Вы пытаетесь узнать, откуда и почему это все свалилось, нервно крутите ручку приемника, находите ФИП — специальное радио, которое информирует о происходящем в Париже и окрестностях, но по ФИПу как ни в чем не бывало передают Вторую симфонию Брамса, а потом девица предлагает вам поиграть в какую-то глупую радиоигру, причем предлагает таким страстным голосом, с таким завораживающим придыханием, как будто ей сейчас, прямо в студии, задирают юбку.

Короче, чтобы пересечь площадь Италии, Говорову потребовалось минут пятьдесят. И еще минут двадцать он искал место для бесплатной стоянки, пока не втиснул машину в какую-то дыру на тротуаре бульвара Распай, около Американского студенческого центра. Таким образом, ушло то время, которое он планировал для тихой, одинокой прогулки перед встречей с Актер Актерычем. (А почему он не мог оставить машину поперек улицы, или на середине бульвара, или хотя бы на платной парковке у Монпарнаса? Не мог, неужели вы еще не поняли? Одна мысль, что после его исчезновения

у Киры будут дополнительные неприятности с полицией, внушала Говорову ужас.)

— Месье, у вас не найдется несколько мелких монет?

Клошар смотрел на него, как смотрят все парижские клошары, независимо и даже с некоторым вызовом. Говоров усмехнулся. Неужели он производит впечатление человека, у которого можно просить деньги? Впрочем, почему нет? Он только что запер дверцу своего «Пежо», на нем костюм от Сен-Лорана (костюм, купленный четыре года тому назад, однако ношенный в общей сложности всего месяц — не было особых поводов, а так Говоров предпочитал ходить в свитерах и куртках), в руке у него деловой атташе-кейс — словом, у клошара взгляд наметанный.

Раньше иногда он давал франк, потом стал объяснять, что он не банкир, месье, вы меня с кем-то спутали, потом говорил, что он сам безработный.

— Мой друг, я как раз собираюсь делать то же самое, что и вы, — ответил Говоров.

Клошар недоверчиво покачал головой и выругался. Не поверил. Подумал, что над ним издеваются. А зря. Сколько раз Говоров мысленно видел себя просящим милостыню на улице, это был повторяющийся кошмар его бессонных ночей. И вот — что скрывать, дамы и господа, — такой момент наступил. Но никогда Говоров не сможет преодолеть внутреннего страха обратиться легко и небрежно к прохожему, не унижаясь даже перед самим собой, — дадут, спасибо, не дадут, черт с ними. И ведь так можно было кое-что набирать, хотя бы на жратву для семейства. Однако не дано было Говорову переступить через этот порог. Он твердо знал, что судьба русского писателя связана с бедами и лишениями — это пускай, но ни в каких случаях русскому писателю нельзя стоять с протянутой рукой.

День не соответствовал событию. Погода в Париже взяла летний отпуск. Низкое ноябрьское солнце било в верхние этажи, и раскрывающееся окно стреляло в Говорова слепящим зайчиком. Ажурные металлические решетки балконов опоясывали добропорядочные

буржуазные дома, построенные в начале века, и делали их похожими на многопалубные океанские лайнеры, по прихоти Творца бросившие якорь в самом центре города. Когда Говоров бывал тут вечерами, ему часто казалось, что он, как отставший от экипажа матрос, слоняется на ветру и под дождем по пустынному пирсу, а в этих океанских крепостях, намертво пришвартованных к бульварам, идет своя, благополучная, устроенная жизнь, играет тихая музыка, официантки в накрахмаленных передниках разносят публике блюда, и звенят бокалы на пиру, куда для Говорова закрыт доступ.

Сейчас здесь было буднично оживленно, обыкновенный парижский дневной коктейль, взбитый из пестрой туристской толпы, рекламы, столиков кафе на тротуарах, витрин магазинов, прилавков с устрицами и ракушками на завитках морской капусты и густо замешанный на бензинном чаде автомобилей, штурмующих перекрестки. Лишь стоящий особняком, торчком, роденовский зеленый халат, из которого выглядывал позеленевший от злости Бальзак (и как тут не озвереть, граждане, когда день и ночь у тебя на макушке сидят голуби, воркуют, суки, и гадят прямо на лоб?), напоминал Говорову, что всегда, во все времена торжествовала суета сует, что даже этот французский классик, у которого в прихожей издатели сучили ногами от нетерпения, и он умер в нищете и долгах, а значит, доля писателя терпеть и нести свой крест — потом ему все зачтется.

Увидев Говорова, Актер Актерыч изобразил немую сцену, и будь ей свидетелем ушлый театральный критик, тот бы расшифровал, что это смесь Ноздрева и Чичикова в эпизоде... Говоров не был ни ушлым, ни театральным, но сразу понял: в их планах что-то сорвалось. Так и оказалось. У Актер Актерыча оставалось всего полтора часа свободного времени, и вечером — выступление в посольстве, обязательство, старик, а в пять часов пресс-конференция в Обществе франко-советской дружбы, никак, старик, не отвертеться, хорошо еще, что посольские товарищи обещали провести его по магазинам, ты же, старичок, занят, я бы тебя даже и просить об этом не стал, ужас сколько надо купить шмоток

домой и, главное, разной дряни для всех секретарш в министерстве и управлении, не подмажешь — не поедешь, иначе в следующий раз забудут поставить печать на нужную бумагу — и соси лапу в Москве, ты, старик, уже забыл наши порядки.

Говоров тут же достал конверт с тысячью франками. Великолепным театральным жестом Актер Актерыч перехватил конверт, поймал буквально на лету, и исчез конверт, растворился в воздухе, любой бы фокусник позавидовал такой классной работе.

И почудилось Говорову, что важной для Актер Актерыча была не встреча со старым приятелем, а вот эта тысяча на шмотки, о которой они договорились еще по телефону. Но Говоров отогнал эту поганую мысль. В конце концов, ему тоже необходимо передать деньги в Москву, последние деньги, и Актер Актерыч не подведет, отсчитает Альке и Лизке хорошую сумму в рублях, по взаимовыгодному курсу. И даже если деньги послужили первопричиной их встречи, все равно грех обижаться на Актер Актерыча, ведь у того в кармане франков — кот наплакал. Понимать надо.

— Нет, ты не понимаешь, — говорил Актер Актерыч (они уже сидели за столиком в глубине кафе, не захотел Актер Актерыч у окна. Говоров и это понял — нельзя было, чтоб их заметили советские), — Госконцерт нас обкрадывает. Мы играем почти при полном зале. Это сколько же валюты? Подсчитай! А поселили нас в дрянной гостинице, туалет, извини, в коридоре. Телефоны в номерах отключили. За завтраки не платят. Ты что пьешь, кофе? Возьми мне пива. А завтраки здесь кусаются. Все кусается. На наши суточные в самой дешевой забегаловке раз в день можно поесть. А ведь всем надо в Москву привезти, не у всех друзья в Париже. Да, жрем холодные советские консервы, с вашим, как его, длинным хлебом. Хлеб вкусный. И я-то на полный срок, во всех спектаклях занят, а молодых ребят, которые только Чехова играли, им ни одного лишнего дня погулять по городу не дали. Посадили в самолет — и в Москву. Экономят. Хозрасчет. А когда еще парням повезет Париж увидеть?

По взгляду Актер Актерыча Говоров догадался, что тот голоден.

— Хочешь, я тебе закажу крок-месье? Это такая забавная хреновина из поджаренного хлеба с ветчиной.

— А ты будешь?

— Да я не хочу есть.

— Тогда и я не буду! — решительно отрезал Актер Актерыч.

М-да... Говоров забыл характер своего приятеля. Он достаточно тонок и подачек не принимает. Но хватит ли у Говорова денег на два крок-месье? Ведь когда он намечал вечернее гулянье — расплачиваться он не планировал. А в кафе надо выкладывать наличные. Отступить некуда. Рискнем. В крайнем случае оставлю в залог водительские права.

— Ладно, уговорил, — сказал Говоров, — за компанию и жид повесился.

— Кстати, дошел до тебя последний анекдот про еврея-отказника? — сразу повеселевшим голосом спросил Актер Актерыч. — Так вот, приходит еврей в московский ОВИР...

О Господи, подумал Говоров, что же они там с людьми делают? Ведь Актер Актерыч — человек очень известный в Союзе, небось на приемах в Кремле бывает, ему члены Политбюро ласково жмурятся, к министру дверь ногой открывает. Почет, уважение, квартира, машина — все есть у Актер Актерыча, но зависит он от маленького чиновника в министерстве, и этот чиновник решает, когда пускать его в за границу и какие суточные платить. Небось и этому чиновнику Актер Актерыч смешные байки рассказывает, костлявым секретаршам ручки целует и все равно — в Париж, как нищий, приезжает...

— Да, я знаю, ты потерял работу. Ужасно. В Москве я поговорю с С. Пусть что-нибудь для тебя придумает. Ведь я слушал твои программы по Радио. Никакой антисоветчины там не было.

Говоров промолчал. Он понимал, что Актер Актерыч не будет говорить с С. Негоже Актер Актерычу афишировать свои связи с эмигрантом. Правда, потом... Потом Актер Актерыч будет в первых рядах тех, кто возмутится советской бюрократией — мол, вовремя не помогли, не протянули руку, упустили. Потом будут хороший пафос и искренние слезы. А пока у Актер Актерыча свои дела, свои проблемы. Вот как

Актер Актерыч завелся, когда речь зашла о новом театре...

Давно ушел Актер Актерыч, а Говоров все сидел в кафе. И не счет его держал. Чтоб расплатиться, Говорову не хватило трех франков, так он их, извините, стибрил с соседнего столика, на котором оставили чаевые. Может, официант заметил, может, нет. Во всяком случае, ничего не сказал. Говоров сидел в кафе, потому что ему некуда было деваться. А здесь хоть в туалет пойдешь бесплатно. В голове прокручивался разговор с приятелем. Актер Актерыч как бы перенес Говорова в московскую жизнь, пожалуй, в ней и Говорову нашлось бы место... Вон какая там любопытная расстановка сил. И верховодить стали те, кто когда-то прятался за его спину... И было чувство досады, что не успел Говоров рассказать о том, как жил последние два года. А ведь хотел рассказать. И именно Актер Актерычу, кому же еще? Друзей в Париже не осталось. Однако Актер Актерыч выступал без перерыва, все полтора часа занимал сцену.

Когда-то советские интересовались здешним бытием, подробно расспрашивали, словно на себя эмигрантскую одежду примеряли. Потом интерес как-то разом исчез. Изменилась обстановка в Союзе, центр тяжести из Парижа и Нью-Йорка переместился в Москву. Ныне в любой советской газете публикуются такие страшные статьи — куда там западным «радиоголосам». Про них, эмигрантов, забыли, как забывают разведчиков, когда пробил час генерального наступления. В атаку пошли танковые корпуса, кому сейчас дело до вольных стрелков?.. А он по-прежнему мнит себя стратегом: танки, генеральное... Стратег хренов, без единого франка в кармане.

Можно было, конечно, не тянуть, кончить и здесь, но... так сразу? Он же спускался вниз, оценивал обстановку — тесно, грязновато, умывальник течет. Для наркоты, для алкоголика сойдет, но не для русского писателя. И потом, он хотел прожить целый день, прожить в свое удовольствие!

И все-таки странно, почему официант не подходит, не спрашивает, что еще он желает, — элегантный намек: не пошли бы вы на? Это в маленьких кафе на окраинах

Парижа люди сидят с газетой по многу часов, взяв всего чашку кофе. Теперь в центре другие нравы, борются, как когда-то в Союзе, за «оборачиваемость оборотных средств», то есть столики не должны простаивать. Если клиент ничего больше не заказывает — гнать его в шею!

Черт возьми, сообразил Говоров, да я же сегодня одет прилично, вот в чем дело! В глазах официанта я солидный клиент, явно иностранец, имел одно randevу, теперь жду другого. И если бы он заметил мой фокус с монетами, то подумал, мол, иностранец изволил пошутить. Попробуем проверить.

Говоров подозвал официанта и объяснил ему, что ждет представителя фирмы, но при себе у него нет французских денег, не успел разменять в банке, сейчас с удовольствием выпил бы бутылку шампанского, если примут к оплате карточку «Америкэн экспресс». Официант выслушал почтительно, сказал, что узнает у хозяина. Тут же вернулся:

— Патрон спрашивает, что подать к шампанскому?

Честно говоря, он не любил шампанского, предпочел бы ему любое вино, но с вином этот трюк не прошел бы, заказ на стакан коньяка вызвал бы панику в кафе, а шампанское всегда на французов производит магическое впечатление — значит, у человека удача! И счет сразу большой — почему бы не принять кредитную карту?

На секунду Говорову показалось, что в кафе заглянул Актер Актерыч и заговорщицки ему подмигнул, дескать, считай, что все идет, как планировали, гуляем вместе.

К Говорову вернулось спокойствие. Теперь он кум королю, а Кирочка простит ему этот кутеж. При всем ее сволочном характере она всегда одобряла траты на кафе и выпивку. Впрочем, зря он катит бочку на жену, ее скандалы и истерики — нормальная реакция на занудливость Говорова, на бесконечные указания «сделай так, не делай этого», на непрерывные подсчеты. Еще Денис заметил: «Родители, ведь если вы о чем-то между собой говорите, так только о деньгах!» Не прав Денис, хотя в последние два года именно так и было... Денис рос баловнем, ни в чем не знал отказа, Кира ему потакала: хочешь железную дорогу, велосипед, поездку летом в Ментону? Пожалуйста! И вдруг все нельзя. Но

Денис-то ни в чем не был виноват, виноват отец, раз потерял работу. И мальчик озлился на отца. И ведь курит марихуану тоже в знак протеста. В четырнадцать лет приложился к наркотикам! Правда, может, это не серьезно, Говоров застукал его лишь дважды. Нет у Говорова контакта с сыном... А может, все началось с приезда Алены? Ведь невооруженным глазом было видно, что больше всех Говоров любит свою старшую дочь. Ну, тоже не совсем так. Говоров, конечно, любил и Дениса, однако Алену он не видел одиннадцать лет, а Лизку, внучку свою, вообще никогда! И Говоров прыгал около девочек как сумасшедший, не замечая, что Денис ревнует. Теоретически Алена ему — сестра, а так — чужая тетка, свалившаяся из Москвы. Алена понимала Говорова без слов, она выросла в другой обстановке, знала цену каждой копейке, помнила отца молодым, веселым, а не старым занудой. А главное — для нее отец был писателем, почитаемым в Москве. Кем же был отец для Дениса? Днем отец на работе, вечером запирается в кабинете, что-то читает. Кира просила Говорова: играй с Денисом. Куда там! Все было некогда. Ребенка воспитывала мать. Ребенка воспитывала улица. А на улице Денис стыдился отца — говорит по-французски с акцентом и с ошибками... Для Алены книги отца — предмет гордости, а для Дениса — пустое место. Ведь Денис так и не выучился читать по-русски.

Если бы Алена и Лизка остались здесь, если бы Наташа приехала во Францию — не было бы сегодняшнего дня. Если бы да кабы, во рту росли грибы. А как бы он содержал две семьи в Париже? Ладно, опять заело, опять крутится одна и та же пластинка в голове. Хватит, все уже решено и подписано. Давай вспоминай что-нибудь приятное.

... Говоров в кабинете у министра культуры СССР Екатерины Фурцевой. Прием в честь молодых писателей. Все ребята пришли в костюмах и галстуках, а Говоров в промасленной автомобильной куртке — мол, нечего лебезить перед начальством.

Говоров в строгом костюме на официальном приеме в югославском посольстве в честь национального праздника. Посол (будущий председатель югославского правительства) предлагает Говорову совместную прогулку на лыжах. А за Наташкой неуклюже

ухаживает министр обороны СССР маршал Малиновский.

Но на этих всех приемах мухи дохли со скуки. То ли дело у Джона, в американском посольстве. Джон со своей женой красоткой Пегги такие вечера закатывали, ужин по-бразильски, ужин по-милански, все к Джону приходили: Вознесенский, Неизвестный, Аксенов, Актер Актерыч играл отрывки из московских капустников; а когда первый раз Джон привел Говорова к американскому послу в резиденцию на Спасо...

Не надо про американцев! Они его предали и продали два года тому назад. Но не те старые знакомые, а новые начальники на Радио, молодые убийцы (с электронными калькуляторами в карманах), для которых все русские, как китайцы, на одно лицо... Нет, давай вспомним твое первое выступление в Московском университете. В университет приехал с бригадой писателей (тогда модно было выступать бригадами), все мастиные, а ты — самый незаметный. Ведь только что твою повесть журнал напечатал. И вот вечер лениво течет, с трибуны ораторы байки рассказывают, студенты, чтобы время даром не терять, учебники почитывают, объявляют Говорова... И вдруг шквал аплодисментов, зал поднялся, Говоров застыл на трибуне с раскрытым ртом, ничего не понимает. Не понимает еще, что стал знаменитым писателем.

Запомнился много лет спустя ужин в ресторане «Прага» с Юрием Трифоновым, после того как у Говорова вышла книга в серии «Пламенные революционеры». И день рождения Андрея Дмитриевича Сахарова, который шумно отмечали диссиденты в сахаровской квартире на улице Чкалова.

А вот в Париже в гостях у Говорова Булат Окуджава с Олей. Булат поет свою новую песню: «Когда воротимся мы в Портленд, я первый сам взбегу на плаху. Но только в Портленд воротиться нам не придется никогда».

... Бутылка наполовину опустела, и за столиком появился Виктор Платонович.

— Зачем французскую бурду пьешь? Тяпнем лучше по сто грамм.

— Господи, Вика, с тобой-то всегда. Ведь только тебе могу рассказать...

— Знаю, начальничек, знаю, что достали тебя эти мудаки.

— Вика, это звучит дико, но я даже рад, что ты не дожид до закрытия отдела. Случись это при тебе, я бы тут же повесился.

— А помнишь, я всем объяснял? «Пока в Париже сидит Андрюха Говоров, моя семья может жить спокойно». Я был за тобой как за каменной стеной.

В кафе зажглись лампы. За окнами густели фиолетовые тени. Официант убрал пепельницу, полную окурков, поставил чистую.

С шампанским была плохая идея. Конечно, на какое-то время он расслабился, забылся, но теперь чувствовал себя раскисшим, усталым. Для чего ему шляться вечером по улицам? Хотелось скорее домой, в уютную квартиру, к Кире и Денису.

Говоров заказал кофе и снова закурил. Взять себя в руки. Отбросить все сантименты. Он должен сегодня довести все до конца.

... Всю жизнь он был должен, должен, должен. Должен был вкалывать ради денег, тянуть две семьи, должен товарищам, должен общему Делу, должен стране. А ведь он родился писателем и в принципе должен был заниматься только литературой.

Ни в коем случае нельзя себя жалеть! Чем он лучше других людей, наверно, более талантливых, с которыми судьба распорядилась гораздо круче? Почему Говоров решил, что именно ему должно повезти?

Царскосельскому Киплинг
Подфартило сберечь
Офицерскую выправку
И надменную речь.

...Ни болезни, ни старости,
Ни измены себе
Не изведал —

и в августе,
В двадцать первом, к стене.
Встал, холодной испарины
Не стирая с чела,
От позора избавленный
Петроградской Чека.

Надо уходить так, как уходил Гумилев. Офицерская выправка и надменная речь! А ты унижался, писал пи-

сьма этим сволочам американцам — дескать, на улице остаюсь, с детьми, внучкой... Ведь знал цену новым начальникам, сам издевался над ними. «На какой нью-йоркской помойке их выкопали!» — твои слова стали известны всему Радио.

Твой контракт ты подписываешь со своей страной. Он краток и ясен. Да, сейчас в Союзе твое имя не упоминается, ты никому не нужен. Ни властям, для которых ты по-прежнему эмигрант, бывший парижский начальник на зарубежном «радиоголосе». Они бы тебя приняли, если бы ты приполз, но они понимают — на колени ты не встанешь. И потом, ты многое знаешь, тебе известно, как создавались их легенды, ты в любой момент можешь раскрыть рот, несмотря на все благие намерения промолчать, — ты же всегда был неуправляемым. Ты не нужен и своим друзьям, которые теперь задают тон в журналах и газетах. Они сейчас герои в глазах читателей и сами в это уверовали. Но при твоём появлении им станет не очень уютно, ибо ты помнишь, кто писал хвалебные оды, кто радостно аплодировал вручению Ленинской премии за «Целину» и «Малую землю», кто просто стыдливо помалкивал. Ты и на эту безобидную роль — стыдливо помалкивать — не согласился. Ты уехал и на протяжении двенадцати лет орал по Радио то, что они только сейчас осмелились говорить. Вполне возможно, сейчас в их изложении это звучит более интересно и проникновенно, твои друзья — люди талантливые, кто спорит, но ведь, в сущности, они тебя повторяют! Однако кто из нынешних героев захочет подвинуться и уступить свое место?

После твоей смерти все изменится. О тебе заговорят, ты будешь необходим всем. Властям — как наглядный пример трагедии русского писателя в эмиграции. Врагам — как повод шпынять твоих друзей; мол, не уберегли. Другьям, другьям в первую очередь — как символ, как человек, опередивший перестройку на пятнадцать лет.

Они вспомнят твои фельетоны, написанные в эмиграции, используют их целенаправленно, метко и осторожно, чтобы ненароком не задеть себя.

Возможно, он не прав, резко отзываясь о друзьях. Извините. Но ему сейчас предстоит сделать несколько резких движений.

И страна, в свою очередь, выполнит условия контракта: будут переизданы его книги, может, издано то, что написано здесь. Наташка, Алена, Лиза смогут спокойно жить на гонорары от его переизданий. Кира с Денисом будут ездить в Союз — ведь отныне они не родственники изгоя, а семья пострадавшего уважаемого писателя. Конечно, нельзя ручаться заранее, логика поведения властей всегда была непредсказуемой, но Говоров верил, что условия контракта будут соблюдены. И потом, это в традициях страны — не жалеть денег на похоронные венки.

Значит, остается чисто медицинская операция.

Где?

В машине? Пачкать машину? Ведь Кира потом ее не продаст. В лесу? Сколько же времени он там пролежит? Собаки, бродяги, мало ли кто шастает по лесу.

Жалко, что сорвался вечер с Актер Актерычем: как хорошо было все задумано.

Впрочем, имелся запасной вариант. И утром, лишь только Говоров проснулся, было предчувствие, что он им воспользуется.

Обратный путь к своей машине он почти бежал (фокстрот в голове ожил, убыстрил темп), и глупо было сознавать, что и на этот раз он опять вынужден торопиться и нервничать. Но он должен успеть. Опять должен...

Голоса из публики:

— Это не так делается. Надо было обзвонить все редакции, собрать журналистов, прочесть им заявление, и уж тогда, на глазах у всех... На следующий день все газеты напечатали бы сенсационные фотографии. Сразу мировая известность.

— Я бы на его месте пошел сначала в советское посольство.

— А я бы в американское и поставил бы им ультиматум. Мол, так и так. Если не хотите скандала — добейтесь моего восстановления на работе.

— Лучше бы договориться с телевидением. Устроили бы специальную передачу. А там вдруг, в конце программы, звонок из Елисейского дворца: рады вам сообщить, что правительство назначает вас советником по культуре во французском посольстве

в Москве. Или — вам представлена от министерства пожизненная пенсия. Почему невероятно? Наши политики любят эффектный жест, особенно когда дело получает широкую огласку...

Говоров подъехал к гаражу, ключи от которого он сдал при увольнении, но сторож узнал Говорова, железная решетка на воротах пошла вверх. Говоров спустился на четвертый этаж и поставил машину на привычное место.

Когда он вошел в подъезд, консьержка приветливо улыбнулась. Из лифта вывалили служащие соседней конторы. «Добрый вечер, месье». Говорова еще помнили.

Он поднялся на пятый этаж, позвонил в левую дверь. Ему открыл журналист из польской редакции.

— Дорогой господин! Как поживаете? Давно вас не видел!

В коридоре уже орудовали уборщицы.

Он прошел коридор, свернул за угол и столкнулся нос к носу с Лицемерной Крысой. В ее глазах он прочел обычный текст: «Ты хотел меня уволить, а кончилось тем, что я оформляла твое увольнение». Впрочем, теперь, когда он появлялся в бюро, Лицемерная Крыса всегда встречала его с вежливой настороженностью. Она помнила вспыльчивый характер Говорова и ожидала всего — то ли он начнет крушить мебель, то ли вытащит из кармана приказ о назначении его шефом (последнего она боялась больше).

— Я договорился с Борисом, что забегу к нему в конце дня.

Брови Лицемерной Крысы изогнулись:

— Андрей, вы же знаете, после пяти он уходит.

— Жаль. Тогда я сделаю пару звонков.

Говоров старался приходить, когда Борис Савельев, единственный русский корреспондент, оставшийся в парижском бюро, бывал на работе. В отсутствие Савельева Крыса могла отколоть любой номер, например, запретить даже звонить по телефону. Когда-нибудь такой момент наступит, и Говоров к нему был готов.

Крыса явно что-то почувствовала, ведь она была смышленной, но пока тянула время.

— Как здоровье Киры?

— Серединка на половинку. А вообще ничего, спасибо. Как всегда, вы уходите последней?

— Вы же знаете, у меня масса дел. (Говоров не шел на обострение, и Крыса решила его не трогать.) Андрей, учтите, я через двадцать минут закрою бюро.

— О'кей, Беатрис, мне их достаточно.

Говоров проскочил мимо своего кабинета (теперь его занимал корреспондент венгерской редакции) и вошел в последнюю угловую комнату. Раньше она предназначалась для внештатников. Сейчас на столах валялись польские и венгерские газеты, старые французские справочники. Комнату превратили в склад?

Уборщицы придут сюда перед закрытием. А Лицемерная Крыса больше его не потревожит. Можно перевести дух и успокоиться.

Говоров сел за стол лицом к двери, скинул на пол бумажный хлам, поставил чемодан, вытащил черную коробку и из нее — пистолет. Он был заряжен еще со вчерашнего дня. Говоров взвел курок. Помедлил. Пошарил в ящичке стола, достал лист чистой бумаги, достал из своего кармана ручку, написал крупными буквами:

«МЕНЯ УБИЛ СКОТИНА ПЕЛЛ».

Задумался. Кого еще добавить? Ведь если бы не эти суки, не это жуткое и непоправимое сокращение его отдела — все было бы нормально, он бы продолжал работать. Алена с Лизкой остались бы в Париже, и к ним бы приехала Наташка...

Говорова качнуло, он как бы поплыл, вода заливала лицо...

Показалось, в дверях стоит Наташка — худенькая, застенчивая, как в год их свадьбы.

Говоров вскинул глаза. Вероника, симпатичная баба из румынской редакции, с ужасом смотрела на него, и рот ее уже раскрывался.

Но Говоров успел. Он успел сделать ей знак, дескать, не кричите, Вероника, все в порядке, — и, чув-

ствуя, что его лицо кривится, как от зубной боли, успел приставить дуло пистолета к своему виску.

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

Примерно месяцев 9 до ЭТОГО

Говоров проснулся в полпятого утра. Голова не болит. Никакого нервного трепыхания. Настроение бодрое. Поздравил себя: кажется, прихожу в норму.

Встал. Заглянул к Денису и Кире. Дрыхнут, как сурки. Откуда-то выпрыгнула Бася. Разлеглась. Выяснил с ней отношения — в чем, где и когда снялась. Вскипятил чайник. Выпил чай. Принял на всякий случай таблетку. Выкурил сигарету. Взглянул на часы. Ровно пять. Можно залечь и поспать пару часов.

Кира дура. На ночь завела разговор о кожаной куртке. Испортила ему настроение. Боря Савельев вторую неделю не может прислать ему газетную вырезку. Лень сделать со статьи копию и сунуть ее в конверт? Занятый человек! И что-то надо придумать с Денисом. Хамит: «Что ты мне протягиваешь руки? У меня нет конфеты!» Дурацкая фраза, от кого он научился? Завтра переться на вокзал, встречать Лену, сестру Киры. Господи, как ненавидит он Северный вокзал, с которого поезд увез в Москву его девочек. Только не надо вспоминать о Кóне. Кон — мудила. Ведь Вика предупредил: «Скверный парень, за два часа разговора ни о ком доброго слова не сказал». Опять надо донести какие-то бумаги в мэрию. Из русской нью-йоркской газеты — ни ответа ни привета.

Какой смысл ему экономить, дрожать над каждым франком, когда Кира одним махом выбрасывает три тысячи на куртку? И почему советские его цепляют, он уже давно не работает на Радио. Сводят старые счета? Что значит «сбежал в историю»? Он готов свои исторические книги переиздать хоть сейчас, в них не было конъюнктуры, он за них отвечает. И все-таки важно знать, в каком контексте он упомянут, Савельеву некогда оторвать жопу от стула, дойти до копировальной машины? (Говоров повернулся на второй бок. Плохо дело, кажется, пошло по второму кругу.) Денис кричит: «Не трогай меня, не хочу, чтоб ты меня трогал!» Слов-

но это не отец, а лягушка. Переходный, переломный возраст. Не любит телячьих нежностей. Приезжает Лена, потом Кира пригласит свою тетку, потом Райку, потом племянника, потом всех ее дальних родственников. Веселитесь, москвичи, гуляйте по «Тати» на Говоровское пособие по безработице! А как ей запретишь? Алена и Лиза жили два года в Париже. Кирка устроит скандал: на твоих деньги были, а на моих нет? И не объяснишь ей, что тогда просто деньги были. Лизка такая ласковая, тепленькая, самый вкусный на свете носик. Тю-тю-тю, телячьих нежностей, прав Денис. Но когда Алена была маленькой, таким удовольствием было целовать ее в нос. Он явно предпочитает девочек, а не хулигана Дениску. «Прощай, Франция», — сказала Лизка. Как взрослая. Он чуть не упал. Такая кроха, а все поняла. (Сучья таблетка. Не помогает. Надо попросить врача сменить схему.) Да никогда бы он не позвонил Кону, если бы Вика не сказал: «Кон передавал привет, хочет с тобой увидеться». Может, и впрямь хотел, пока Вика его пивом угощал, но с первых же слов стало ясно, что Кон испугался, в штаны наложил, из телефонной трубки пахнуло. Зато теперь, в советском журнале, храбро выпячивает грудь: вот, мол, как я дал отпор вражескому Радио! Из Нью-Йорка гробовое молчание. Глупо надеяться, что мэрия предоставит ему дешевую квартиру в «ашелеме». Люди годами ждут очереди или получают по благу.

Но даже если дадут что маловероятно лет через пять — десять никакой экономии в бюджете не будет Кира купит еще одну куртку или сапоги что значит с большой скидкой много чего продают со скидкой вон квартиры в двадцатом арондисмане можно выгодно купить через три года цена подскочит в полтора раза да где взять деньги. Кира полагает что у него печатный станок штампует пятисотфранковые банкноты штук по двадцать в день — тогда действительно никаких забот у Савельева много работы у всех много работы телефон не просыпается неделями но если честно кому охота с ним встречаться слушать жалобы и причитания нет он не жалуется и не скулит разве что по ночам в подушку он сам решил что нечего показываться людям другим настроение портить и все-таки Савельев должен понимать что он ждет этой газетной вырезки и что характерно враги его помнят враги не забыли упоминать

нают его имя в советской прессе только враги ругают а друзья где они в рот воды набрали жопа Савельев вторую неделю он ждет письма из редакции а если Савельев фотокопию в конверт положил передал Лицемерной Крысе а та специально не отправляет Денису будет большой подарок тетка приехала квартира маленькая как все разместятся Кира утверждает что Ленка не будет дома торчать конечно пойдет витрины облилизывать дневать и ночевать в «Тати» если бы только облилизывать ведь он миллионер что там осталось от «отступных» денег с Радио Ленке на кофту Ленке на юбку Алена за два года ничего себе не купила если купила то вначале пока он работал сущую ерунду успел собрать Лизке гардероб да через год через два все придется выбрасывать девочка вырастет вот что Денис делает с охотой так это боксирует с отцом ну еще футбол видимо не хочет чтоб относился к нему так же как к Лизке боится что он их перепутает удивительно вагон дернулся ни Лизка ни Алена не плакали держались молодцы если бы были слезы он был готов под колеса вида не подавал Алена это почувствовала завтра тот же вагон привезет из Москвы драгоценную родственницу на радость и ликование в Москве ведь как думают квартира есть машина есть холодильник полон значит у человека счет в банке как у Рокфеллера а ведь Кон когда-то писал хорошие книги о своих морских плаваниях он их хвалил на Радио Кон говорил что и ему нравятся его исторические романы цитировал а теперь в советском журнале дает отпор врагу сколько водки они в Москве выпили испугался что больше не выпустят за границу штаны потом в ванной отстирывал Кон и Жану Катала поднастрал а ведь как его любили в том доме меняются люди и в Союзе и здесь когда он парижской редакцией заправлял в Нью-Йорке его охотно печатали просили присылать еще сколько же он ждет этого проклятого чека хоть маленькие деньги но все-таки какая разница большие или маленькие нет таких денег Кира не смогла бы истратить

Говоров выругался, вскочил с постели, вышел в большую комнату. Тут пока сонное царство, но Денису время просыпаться. Да, несмотря на таблетку, Говоров завелся на полную катушку, уже не заснуть. Говоров прилип к оконному стеклу. На улице синело, голубело. Густел поток машин, ехали еще с зажженными фарами.

Из подъездов вываливались люди. Деловые, бойкие, целеустремленно к метро. Все спешили на работу.

Говорову предстоял день. Надо было обладать дьявольским терпением, чтобы жить.

II

За два года до ЭТОГО

Борис Савельев сказал:

— Я прошу тебя обязательно пойти сегодня вечером в университет на лекцию Абрикосова. Может, он даст нам интервью.

— А разве ты не идешь? — удивился Говоров.

— Иду, но хочу, чтобы мы были вдвоем.

С тех пор как с помощью Говорова Савельев стал координатором парижского бюро, у него, пожалуй, впервые прорезались начальственные интонации, и Говорова покорило.

— Во-первых, это слишком жирно — двум корреспондентам идти на одну лекцию, мы и так завалены работой. Во-вторых, ты передашь Абрикосову привет от меня, и он с тобой по-другому будет разговаривать, может, согласится и на интервью. В-третьих, если бы Абрикосов хотел меня видеть, он бы сам мне позвонил. Я тебе объяснял сто раз: каждого советского человека перед поездкой за границу предупреждают, что вокруг него будут крутиться эмигранты, что возможны провокации. Если Абрикосов увидит меня, да еще с магнитофоном, ему будет крайне неудобно. Ведь в Москве мы были в хороших отношениях. А тут получается, что я собираюсь записать его выступление и передать по нашему Радио, на которое в Союзе очень плохо смотрят. То есть объективно я ему кидаю подлянку. Мое правило: ни с кем из советских не встречаться, если они сами этого не желают.

— Ну и гордый ты, Андрей.

— Это не гордость, а элементарное чувство собственного достоинства.

Все было так, но была еще одна тонкость. Последнее время советские не так шарахались от журналистов с зарубежных «голосов», некоторые даже соглашались на интервью, и получить такое интервью считалось

успехом. Но пусть Борис набирает очки у начальства, тем более что он любит отличиться — Говорову это не нужно, он помнит, как на встрече в Копенгагене Григорий Бакланов, главный редактор журнала «Знамя», дернулся, когда Говоров стал доставать магнитофон. Говоров это заметил и тут же застегнул сумку. Бакланов хоть не сказал ни слова, но дал понять: нельзя смешивать их старые отношения с нынешней службой Говорова. Потом в их главной конторе, в Гамбурге, шипели — дескать, что же Говоров не смог привезти ни одного интервью. Не то чтобы не смог — не захотел, ибо видел, что советские к этому еще не готовы. А упрашивать — значит унижаться. Этого нельзя было делать, ведь в Москве они были на равных. Странно, однако, что Борис, зная все это, настаивал. И знал он также, что у Говорова сейчас нет просто времени: Кира в госпитале, Лизка больна, он разрывается между домом и работой — какие, к черту, еще лекции в университете?

Весь вечер Говоров просидел в госпитале, убеждал Киру решиться на операцию. Врач объявил, что операция неизбежна. Но потом одна медсестра сказала, что это не очевидно и, может, надо продолжать курс антибиотиков, вдруг рассосется, а Кире только и нужен был повод отказаться — раз есть хоть два процента надежды, зачем спешить?

Договорились, что все решит завтрашний день. Говоров вернулся домой поздно, подавленный и усталый, и Алена его встретила словами: «Савельев просил срочно позвонить».

— Андрей, — сказал Савельев, — приезжай прямо ко мне, есть разговор.

Говоров подумал, что, наверно, Абрикосов у Савельева, идет советско-эмигрантское братание, не хватает лишь его для полного кайфа.

— Не могу, у Лизки температура 39. Алена уложила Дениса, валится с ног. Пейте без меня.

— Ты не понял, — сказал Савельев, — это серьезно. Я не хотел говорить по телефону, поэтому я и звал тебя в университет. Ладно, слушай. Завтра все твои ребята получают письма об увольнении. Весь твой отдел сокращают. Я не имел права это тебе сообщать. Но теперь уж все равно.

— О Господи, — вздохнул Говоров, — очередной

кретинизм американцев. Кажется, я догадываюсь. Ведь они оставили на Радио прежнее начальство, просто понизили и распахали по другим местам. Но надо свести с концами бюджет. Вот и придумали выход: чтоб сохранить чиновников-дармоедов — уволить журналистов.

— Ты тоже получишь письмо.

— Какое? Я-то тут при чем?

— Опять ты ничего не понял, — глухо произнес Савельев. — Сокращают весь отдел. Вместе с тобой.

Дальше были какие-то жалкие слова с обеих концов телефонного провода.

Г о в о р о в: Этого не может быть! После смерти Вики я же остался единственной престижной фигурой на Радио, единственным, кого знают и помнят в Союзе. И потом! За все годы работы я получал только благодарности. Как они могут увольнять так внезапно, поворовски, не предупреждая? Или им надоело, что я с ними ругаюсь и спорю? Убирают человека, который отстаивает свое мнение? Они же знают, что у меня на руках две семьи. Я четыре года боролся за выезд Алены и Лизы. Что же мне теперь делать с девочками?

С а в е л ь е в: Я тебя отбивал как мог! Но это решение Пелла, а он никого не слушает. По новому закону, во Франции можно увольнять по экономическим причинам. Конгресс не дал прибавки к бюджету, а у тебя высокая зарплата. Мне дико неудобно перед тобой, но если бы я тебя предупредил, то меня бы выбросили с работы без всяких отступных, которые получишь ты.

Г о в о р о в положил трубку.

— Извини, — сказала Алена, — но твой Савельев сука. Не понимаю, как он молчал все эти дни. А ты его считаешь своим другом.

— У него четверо детей, — ответил Говоров.

С тех пор как Киру увезли в госпиталь, все жили вместе. Квартира девочек пустовала. Конечно, Лизка, пользуясь присутствием публики, ходила на голове. Говоров старался не обращать внимания на вопли Лизки и Дениса. Его даже успокаивало, что все собрались под одной крышей. И как бы Алена одна справилась с Лизкой, когда у той подскочила температура?

В час ночи он отправил Алену спать. Сам остался на

кухне. Обещал Алене, что поужинает, но не мог ни пить, ни есть. — Истлевали сигарета за сигаретой. И как дым от сигареты, поднимающийся к потолку, несся к небу — к Богу, к черту, к Пеллу, в высшие инстанции, небесные и земные, равнодушные и холодные — беззвучный плач Говорова.

Если бы не Алена, если бы не дети, чье ровное сопение доносилось из комнаты, он бы выл в полный голос. Никогда в жизни его так не оскорбляли и не унижали. Даже в Союзе, разругавшись и расплевавшись с начальником, он уходил со службы сам, по собственному желанию. А тут — его увольняют люди, мало понимающие в работе Радио, не знающие, не любящие страну, для которой Радио вещает. Говоров предлагал переделывать программы, чтоб успевать за событиями в стране, чтоб соответствовать перестройке в Союзе. И вот результат — перестроились. Теперь в Гамбурге никто не посмеет вякнуть против любых, самых дурацких приказов администрации. Если не посчитались с Говоровым, кто же высунет нос? Будет как в казарме — ать, два! В 53 года его выбрасывают на улицу. В этом возрасте ему не найти работы во Франции. А куда еще ему податься? Кому он нужен в Америке без знания английского? Но что за бред собачий! Он на Радио лучший специалист по Советскому Союзу. Два года назад его приглашали в Гамбург на должность главного редактора. Его постоянно приглашали в Гамбург на повышение. Что же с тех пор изменилось? Может, глупо, что он тогда отказался? Но он не хотел в Гамбург. И девочек он смог вытащить из Москвы только потому, что жил во Франции. Теперь все поломано. Жизнь поломана. И даже не потому, что ему предстоят материальные лишения, нищета, очереди на бирже труда вместе с неграми и арабами — он ничего не имеет против негров и арабов, но он привык к другому социальному статусу, он гордился, что сразу пошел работать и не обивал пороги благотворительных организаций, — нет, страшно другое: он не сможет удержать девочек во Франции, попросту не сможет их прокормить. И в один прекрасный момент ему придется сказать Алене — возвращайся в Москву. И больше никогда не видеть ни ее, ни Лизку. И теперь уже точно — никогда не встретиться с Наташкой.

Все эти мысли, повторяясь, прокручивались в его

голове, но доминировал страх, элементарный страх. И, стараясь не поддаваться панике, Говоров пытался понять: чего же он боится? Ну да, в Союзе ему приходилось работать в газетах, в кино, но в основном он жил как вольный художник, в постоянной неопределенности, завися от случайных заработков. Сейчас он возвращался к прежнему положению. Вроде бы не привыкать. Но в Москве он себя чувствовал как рыба в воде, он знал все ходы и выходы, он был дома. А здесь он в чужой стране. В сущности, ведь он не жил во Франции, он жил на Радио и в узком кругу русской эмиграции. О проблемах французской внутренней и социальной жизни он читал в газетах, смотрел по телевидению. Однако эти проблемы его не касались. Благодаря Радио он был привилегированным чиновником, от которого многие зависели, который давал хлеб другим, но о своем хлебе не беспокоился — регулярно в конце месяца он получал зарплату. То есть ему было гарантировано какое-то материальное благополучие, Радио заботилось о его пенсии, о его будущем. И вот к этому гарантированному состоянию он привык. Он привык к спокойной жизни. Он не был готов к тому, что все может измениться.

Поневоле взвоешь.

Но он не один. С ним Денис, Кира, Алена, Лиза. Ради них он должен бороться. У него есть друзья в Гамбурге и в Вашингтоне. Нет, господа, так просто его не слопать. Мы еще повоюем.

Он заснул только к утру, а через несколько часов начались звонки в дверь. По голосам он понял, что это пришел врач к Лизе. Следующий звонок, и Алена заглянула в комнату:

— Тебе заказное письмо с уведомлением о вручении.

— Распишись за меня. Я сейчас встану. Что с Лизкой?

— Ангина. Я бегу в аптеку.

Говоров умылся, оделся и только потом вскрыл конверт.

Администрация Радио сообщала, что по причине сокращения бюджета и падения курса доллара увольняется весь персонал отдела культуры парижского бюро. По этому поводу его приглашают для беседы через

неделю. Письмо было датировано позавчерашним днем и подписано Лицемерной Крысой.

Можно догадываться, с какой радостью она его составляла, с каким скрытым ликованием она наблюдала за Говоровым уже вчера.

Говоров приехал на работу к двенадцати. В коридоре мертвая тишина. Вся Восточная Европа забила в глубь своих кабинетов. Секретарша поздоровалась с Говоровым похоронным голосом.

Статья для радиожурнала и комментарии были написаны еще заранее, и Говоров сразу прошел в студию.

— Са ва, Жан Мари?

— Са ва, Андрей!

Техник, как обычно, невозмутим и деловит. Они сделали журнал, и Говоров отпустил Жана Мари на обед. Потом он заглянул к Савельеву. Вид у Бориса был убитый. Но сначала Говоров спросил, получилось ли интервью с Абрикосовым.

— Получилось, все о'кей, пойдет в твой журнал. Сперва Абрикосов держался настороженно, но когда я передал привет от тебя, разом помягчел. Тебе тоже привет, взаимно. И интересовался, как ты жив. О последних событиях я не упоминал.

Вот так надо работать, подумал Говоров. Об истории с приветами, то есть благодаря чему или кому Абрикосов заговорил в микрофон, никто не узнает — на Радио останется авторство Савельева. Еще один гвоздь в твой гроб: не Говоров, а Савельев сделал образцовый материал для журнала. Впрочем, сам виноват, Борис усиленно тебя тащил в университет. Хотя сейчас это уже ничего бы не решило.

— Ладно,— сказал Говоров,— а теперь расскажи все по порядку.

Савельев выразительно взглянул на телефон и пригласил Говорова в кафе.

Опять тайны мадридского двора! Обычно Говоров смеялся над предположениями Савельева, что их телефоны прослушивает КГБ. И не потому, что это было технически невозможно — как раз технически это было возможно,— но зачем КГБ слушать их глупости, у них что, других дел нет? И потом, все равно все их передачи шли в эфир и в Союзе аккуратно записывались службами перехвата. Видимо, Борис боялся, что их слушают ребята из другой организации. Американцы? Тем луч-

ше, пусть знают где надо, что в руководстве Радио сидят болваны. Говоров не уставал это повторять вот уже несколько лет. Доигрался? Все может быть. В любом случае Савельев в эти игры играть не хотел. Савельеву здесь работать. Что ж, пошли в кафе.

В кафе Борис никаких сенсационных тайн не сообщил, кроме того, что проблема увольнения обсуждалась уже месяц. В Париже об этом знали Савельев, Беатрис (Лицемерная Крыса) и адвокат. Почему такое резкое сокращение штатов? Во-первых, Конгресс категорически отказался дать дополнительные ассигнования. Каждый год давали, а на этот раз — баста. Во-вторых, американцы давно подсчитали, что парижские внештатники стоят дикие деньги из-за того, что им оплачивают все социальные нужды, плюс гонорары в Париже выше, чем в Нью-Йорке и Гамбурге. В-третьих, все попытки уволнять в Гамбурге, сам знаешь, кончились плачевно, немецкий суд восстанавливал всех на работе. Новый закон об увольнении во Франции им пришелся очень кстати. Твой Ширак, за которого ты голосовал, провел этот закон. Почему увольняют тебя, штатного сотрудника? У американцев своя логика. Если убирают весь отдел, то зачем оставлять его начальника? И потом, извини, ты вел самоубийственную политику. Ты же сам говорил, что никто, кроме Юры, не годится. Ты же сам предлагал выгнать Самсонова и Путаку, ты не брал в свой журнал передачи Краснопевцовой. Все видели, что отдел не работает.

— Но мой журнал регулярно шел в эфир! Из чего-то я его составлял! И потом, я исходил из интересов дела. Нельзя сейчас, когда в Союзе все меняется, допускать к микрофону людей, которые брызжут ненавистью к стране. Да, я предлагал заплатить им по миллиону и уволить, а на их место взять новых авторов.

— Как видишь, твое предложение об увольнении нашло благоприятную почву. А остальное в Гамбурге просто не захотели услышать.

— Значит, наказали человека, который подал здравую мысль?

— Не совсем так. Ты говорил это мне. Ты говорил это по телефону Матусу. Ты даже дирекции, Уину и Лоту, когда ты видел их здесь десять минут, успел сказать.

Но это все разговоры, колыхание воздуха, ля-ля... Вот если бы написал официальный рапорт...

— Одно дело — говорить в коридоре, другое — требовать увольнения в письменной форме. Лишать людей куска хлеба? Как бы я к ним ни относился, извини, на такое я не способен.

— Благородная позиция, но объективно получилось, что ты покрывал их плохую работу. Что же мы теперь имеем? У них всех есть дополнительные заработки, помимо Радио, один ты — на улице.

— Но ведь можно было меня вернуть на прежнюю должность. Как парижский корреспондент, я получил кучу благодарственных телексов за свои статьи.

— От кого? Прежнего начальства давно нет. Кто ж помнит? Ты думаешь, я им этого не говорил? Когда-нибудь тебе расскажут, как я тебя защищал. Нынешнее руководство... Можно процитировать товарища Говорова? Цитирую: «Для американцев в Гамбурге мы, русские, как китайцы, все на одно лицо». И в этом они последовательны. Или ты не веришь собственным словам?

Что-то от меня останется в парижском бюро, подумал Говоров. Хотя бы то, что я всех приучил говорить «товарищ», а не «господин». Но до чего же мы дожили? Оказывается, меня надо было защищать! И все, что я сейчас говорю, похоже на жалкие рыдания. И если бы не мои девочки, я бы плюнул им в рыло. Но я должен, должен драться ради них.

Кажется, Борис его понял.

— Послушай, Андрей. Все, что я сказал, это мои личные предположения. Официально к твоей работе нет претензий. По тем же причинам не могут перевести тебя в Гамбург. Это будет стоить еще дороже.

То есть так, мимоходом, отметалась его последняя надежда.

— А если позвонить Матусу?

— Он за тебя пальцем не пошевелит. Но попробуй. Мой совет — иди к адвокату. Пока нет прецедента: Радио не выиграло ни одного судебного процесса.

Сутки не прошли со вчерашнего дня, а как все изменилось! Говоров просит у Савельева совета, Говоров надеется, что Савельев может еще что-то придумать.

Нет человека, есть согбенная фигурка, жадно заглядывающая в глаза. И все потому, что по почте пришло письмо с уведомлением. Кто-то черкнул пером, кто-то небрежно наступил каблуком на муравья. Даже мокрого места не осталось...

Говоров набрал номер Матуса, главного редактора в Гамбурге. По первому звуку его голоса Говоров понял, что Матус ждал его звонка и уже определил для себя позицию. Говоров тут же решил: никаких упреков, никаких выяснений отношений, он должен быть спокойным, даже несколько добродушным.

— Володя, разумеется, поезд ушел, и все остальное — детский крик на лужайке. Тем не менее, вопрос: никому не пришло в голову предложить мне переехать в Гамбург в отдел культуры или просто корреспондентом?

— Не-е-ет, не пришло.

— Почему?

— Ну-у, нет ставок, нет свободных мест.

— Будь здоров, Володя.

— А-а-ндрей, я тебе жела-аю...

— Чтоб я не подох с голоду, — смеясь, подхватил Говоров и шмякнул трубкой.

И вот только теперь он постучал в дверь соседнего кабинета, за которой затаилась Лицемерная Крыса. Что будем делать — орать или бить морду, — Говоров еще не знал.

— Беатрис, объясните мне, пожалуйста, ваше чудное послание и вообще все, что вы состряпали за моей спиной.

Но из глаз Беатрис вдруг полились слезы. Первый раз Говоров видел ее плачущей.

— Андрей, мне так больно, так тяжело... Ведь я вынуждена была оформлять все это, а вы ни о чем не подозревали... Мы проработали вместе больше 10 лет... Думаете, я не человек? Но мне сказали: если я вам дам малейший намек, меня саму уволят из бюро. Я маленький чиновник... Мы много говорили с Борисом, как вам помочь, но мы были бессильны... Через неделю придут Уин и Лот специально для переговоров с вами. Если позволите, хочу вас предупредить... За все годы работы я насмотрелась на американских начальников, но эти... Новое поколение... У них вместо сердца — компьютеры. Они только считают... Борис сказал,

что Кире предстоит операция. Как это все вы выдержите?

Он сделал несколько звонков в Америку, и там они произвели впечатление взрывов дальнобойных снарядов, перелетевших океан. Ведь, как правило, оттуда привыкли звонить и писать Говорову с просьбами — помощи, советуй, защити, попробуй устроить в штат того-то, дай подработать тому-то...

Потом он прочел «Монд», просмотрел пачку советских газет и журналов, взял с собой то, что показалось интересным (внимательно изучит вечером дома, может, найдет тему для корреспонденции на завтра), но не покидало ощущение, что он действует по инерции, как курица, которой отрубили голову и которая продолжает еще куда-то бежать.

В последнее время у них разладилось с Кирой, особенно после приезда Алены и Лизы. Кира считала, что Говоров стал обращать меньше внимания на Дениса и на нее. Они почти перестали ходить в гости, перестали принимать, а ведь это ее последние лучшие годы, — и крутилась заезженная пластинка мелких упреков, колкостей, завуалированных обвинений, которые он легко угадывал и, в свою очередь заведясь, отвечал тем же. Семейная жизнь превратилась в тупую позиционную войну. А может, просто начала сказываться разница в возрасте: ей еще хотелось повертеть задом (объективно говоря, очень неплохим) на публике и некоторых безумств, а ему — чтоб дома были порядок и чистота и чтобы каждая вещь лежала на своем месте. Взаимное раздражение накапливалось, перерастало почти в ненависть, и только после того, как они оба выкрикивали, все, все, все, что они думают друг про друга, наступала разрядка, облегчение, даже какая-то нежность — и так до следующего раза.

Вот и сейчас, по дороге в госпиталь, продираясь через предпиковые автомобильные заторы и фестиваль красных светофоров, Говоров кипел, как вода в радиаторе его машины. Это все Кира виновата! Надо было откладывать на покупку квартиры, а не шастать летом по побережью и коллекционировать шмотки от Кардена. Теперь у них ничего не скоплено на черный день! Надо было соглашаться на Гамбург, а не талдычить: «Париж, Париж! Подохну со скуки в Германии!» Надо было не тыркать его по вечерам с выяснением отноше-

ний — он бы больше писал, и, может, тогда ему бы предложили Гамбург. Надо было не тянуть с обследованием, он же предупреждал — а в ответ слышал: не люблю врачей! И вот допрыгалась! Операция неизбежна! Надо было, надо было, надо было... И пожалуй, было обидней всего — Говоров и это понимал, — что теперь он не имеет права даже намекнуть на катастрофу, Кира и так в диком страхе и напряжении, всю тяжесть случившегося Говоров должен нести один.

Кира встретила его с радостью. Послушай, Андрюша, опять приходила та медсестра, есть вариант, вернись домой, приму еще один курс антибиотиков, воспаление может рассосаться, ведь если мне все вырежут, значит, никогда больше, надо подождать, послушай, Андрюша...

Окна напротив багровели в отсвете заката.

Говоров сидел с гипсовой улыбкой. В какой-то момент в нем все расколосось, крик подпер к горлу, еще мгновение — он бы заорал, но, поймав взгляд Киры, вспомнил: именно так несколько часов назад он сам смотрел на Савельева, знал, что бесполезно, но искал хоть какую-то тень надежды.

В палате вспыхнули неоновые лампы. Принесли ужин. Кирина соседка слева стонала, не открывая глаз. Ей подложили судно. Соседка справа опустошила весь поднос, крякнула и включила телевизор.

— Оставь мне несколько газет, может, удастся почитать, — сказала Кира и, помолчав, добавила: — Если бы ты мог видеть себя со стороны. Какое страшное у тебя лицо. Не ожидала, что будешь так нервничать из-за меня. Иди домой, поцелуй Дениса и девочек. Конечно, я согласна на операцию.

Через два дня позвонил из Вашингтона Аксенов.

— Вот что мне удалось узнать. Действительно, они давно хотели закрыть Париж. Слишком дорого стоит. Но то, что тебя уволили, это безобразие, недомыслие гамбургских чиновников. Тут все возмущены. Из «Вашингтон пост» будут звонить Пеллу. Я тоже напишу ему письмо. Даже в Белом доме озадачены. Я говорил там с бабой, в руках которой русские дела. Она сказала: «Это очень в духе Пелла. Он человек толковый, но хам».

— На следующей неделе приедут Уин и Лот для переговоров со мной. В бюро мне все объясняют, что это чисто формальный шаг, необходимый для французского законодательства. Все уже решено заранее. Поэтому я им скажу несколько ласковых слов.

— Не надо. Не иди на обострение. Может, нам удастся что-нибудь сделать.

Вообще, и в бюро и дома телефон не остывал. Отметились все парижские друзья Говорова. Начинался разговор со слов: «Они там что, с ума сошли?», а кончался: «Какие суки американцы!» Однако самое удивительное — звонили из Гамбурга. Русская редакция собиралась писать коллективный протест против увольнения Говорова. Спрашивали, не возражает ли он. Говоров не возражал, даже несколько растрогался. Конечно, Пелл только подотрется этой коллективкой, ведь именно при Пелле сложился новый принцип отношений начальства к журналистам: раз русские чего-то хотят — значит, это априори плохо, даже подозрительно. Радовала не столько поддержка, а то, что ребята осмелились высказать свое недовольство. Может, еще не все потеряно и Радио устоит, вопреки Пеллу. Между прочим, Говоров никогда не жаловал гамбургских редакторов, со многими он основательно поцапался, ругая их за некомпетентность, за халтуру, за то, что служат флюгерами при любом начальственном идиоте. В свою очередь, из Гамбурга доносились упреки Говорову в высокомерии и самоуверенности. Прямо скажем, любви к Говорову не было. И тем не менее...

Короче, Говоров решил, что не будет встречаться с господами Уином и Лотом. Он возьмет бюллетень. Имеет право. Он две ночи не спит, марширует по комнате, курит и азартно обличает американцев. По идее, не они его, а он, Говоров, должен был увольнять Уина и Лота — за слепое подчинение Пеллу, за дурость, казарменный стиль, за то, что они просто не ориентируются, не представляют себе, кто есть кто ни в Союзе, ни в эмиграции. Разговор с ними ни к чему хорошему не приведет. Говоров сорвется и устроит словесный мордобой. И тогда никаких шансов остаться на Радио. Нет надо послушаться Аксенова и выждать. Вдруг давление из Вашингтона что-то изменит. Но будет ли оттуда

какая-то команда? Ведь недаром Беатрис обронила: «Думаете, Пелл не согласовал где надо? Ему предоставлены широкие полномочия. В крайнем случае он пригрозит, что подаст в отставку. И тогда кого предпочтут в Вашингтоне, вас или Пелла?»

Теоретически, господа-товарищи,— при его-то занятости и заботах, разумеется, теоретически! — Говоров еще посматривал на баб, потому что в госпитале он чуть ли не сразу отметил медсестру-брюнетку с хорошенькой мордашкой, молоденькую, спортивную, в отличие от большинства француженок, весьма упитанную, но в меру — в общем, не будь дома лазарета, не будь Кира на операции (в больнице всегда думаешь, что болеют, жалуются на здоровье только наши жены, а ядерные медсестры — никогда!) — так вот, не будь того и этого и окажись Говоров с этой дамочкой на необитаемом острове или в отпуске на побережье, в гостинице, в окно бьет дождь, а они с ней скачут в баре, то, может быть, господа-товарищи, теория и перешла бы в практику. Но вот сейчас, переспрашивая у медсестры, как прошла операция (он уже звонил из бюро в госпиталь и знал, что вроде все нормально), Говоров поймал себя на том, что смотрит на медсестру с ревностью и завистью — да не на ее формы, округло выступающие, высвечивающиеся под белым халатом, не как мужик на женщину, а как на человека, который еще десятки лет будет приходить в госпиталь, весело говорить подружкам «са ва», заниматься привычным делом, словом, работать — а Говорова этого права лишают, ему скоро метаться дома в четырех стенах, он становится изгоем, несчастным бедолагой, почти что прокаженным — безработным!

Капельница. Тонкие прозрачные трубки уходят под одеяло, черные от крови трубки свисают с кровати. Желто-зеленое, неподвижное, почти мертвое лицо Киры.

Медсестра объяснила, что хирург провел операцию блестяще. Разрезали живот сверху донизу, все вырезали, зашили, теперь действие наркоза кончается, надо терпеть. Всего-то...

Но ведь это не бессловесная мясная туша, это Кирка, его жена, мать Дениса, которую он впервые увидел семнадцатилетней девочкой в короткой юбке, едва прикрывающей загорелые ноги. Она пробирается из небытия в огненную боль, но он ничем не может ей помочь, даже дать глоток воды — пить нельзя. Говорову остается лишь молиться — и он просит у Бога послать ему любые испытания и несчастья, Говоров все выдержит, но чтоб Алена, Денис и Лизка были здоровы, чтоб Кира выжила, выздоровела, чтоб забылось все это, как страшный сон. Кира должна жить, что он будет делать без Кире? В остервенении и ослеплении Говоров слал грозные кары другим — пусть сдохнет его московская редакторша Успелова, пусть сдохнет Лицемерная Крыса Беатрис, да, он принимает все громы и молнии на свою голову, но чтоб Кира жила, за что ей?

В немом удивлении выслушивал Бог эту странную мольбу, а может, наморщив лоб, делал пометки в своем вечном блокноте: «Хорошо, учтем, приплюсуем Говорову это, но вычтем с него то и то, чтоб ничего лишнего рабу грешному не досталось», — в небесной бухгалтерии должны сходиться дебет с кредитом, там тоже сокращение бюджета, там тоже должен быть порядок.

Взяв бюллетень, Говоров чувствовал неудобство только перед Савельевым. На Бориса свалились все дела. Но с другой стороны, Борису надо привыкать работать одному. Впрочем, Борис не роптал и даже ставил его в известность о своих переговорах с Гамбургом. Зато Беатрис впала в настоящую панику, она названивала Говорову каждый день и убеждала обязательно прийти на встречу. Обычно для нее приезд начальства был равнозначен национальному празднику и маленькому землетрясению: все должны были быть с мытой шеей, в парадной форме и одновременно трястись от почтения. Отказ Говорова явно нарушал намечающийся сценарий.

— Андрей, — взывала Беатрис, — они же очень занятые люди! Но они приезжают главным образом из-за вас.

— Я болен.

— Посмотрите внимательно ваш бюллетень. Вам прописан постельный режим?

— Нет.

— Вы можете выходить из дома в определенные часы?

— Да.

— Вот и приходите в бюро.

— Беатрис, я в состоянии нервного срыва. Я могу вспылить и наговорить глупости.

— Помилуйте, Андрей, они к этому готовы. Они будут очень внимательны к вам. Они мне объясняли, с каким тяжелым сердцем они принимали это решение.

Опять она про сердце. Ей бы кардиологом работать. Конечно, эти два пидора приедут с похоронными физиономиями, но с жесткими инструкциями. Потом доложат Пеллу — мол, Говоров орал, как зарезанный, а мы сохраняли выдержку, или наоборот, Говоров покорно и дисциплинированно наблюдал из могилы, как мы его засыпаем землей, сам подмахивал лопатой. После разговора в бюро они пообедают в рыбном ресторане (для этого на Радио есть средства) и с чувством выполненного долга пойдут развлекаться к парижским блядям... Есть, правда, неувязка: если ты их называешь пидорами, то при чем тут бляди? Не важно. Пусть скажут Пеллу, что нэ хрена им было мотаться взад-вперед, из Гамбурга в Париж. Выброшенные на ветер деньги. И пощечина Пеллу. Он это поймет. Хотя ему, наверно, все равно. Он напишет победную реляцию в Конгресс. Есть экономия в бюджете! Все оценят, какой Пелл хороший начальник. Однако когда Пелл был назначен в Гамбург, ему не понравилась вилла бывшего директора Радио. Догадываюсь, что домик был совсем не плохим. Может, жена Пелла закапризничала. И виллу перестроили. Вполне бы хватило этих денег на годовой бюджет парижского бюро. Но кого сейчас интересуют такие подробности. Удобства чиновничьей номенклатуры — прежде всего. Совсем как в Союзе. Такая же бюрократическая мафия. И так хочется все проорать этим пидорам! Но он должен думать о детях. Впрочем, дети об этом никогда не узнают.

На встречу с Уином и Лотом пришел только Путака. Как потом передали Говорову, их беседа длилась

три минуты. Путаке объяснили, что ему до пенсии остается два года, поэтому волноваться нечего, он будет получать пособие по безработице. Пожалуй, для Путаки это был лучший вариант.

Самсонова кормил журнал, Краснопевцева работала в газете, Юра подзарабатывал в издательстве. Увольнение с Радио было ударом по его заработку, но не трагедией. Тем не менее американцы ожидали, что будет какое-то выяснение отношений. Они целый день слонялись по коридорам, отобедали с Борей Савельевым. Нет, больше никто не появился в бюро. Молодцы, ребята, показали характер. Уину и Лоту ничего не оставалось, как в тот же вечер уехать в Гамбург. Что они будут рассказывать Пеллу про этих сумасшедших русских?

Позвонил художник Егор Задорнов, сказал, что весь русский Париж убежден: это результат тайного сговора американцев с Москвой.

— Бред,— ответил Говоров.

— Подумай,— настаивал Задорнов,— давно идут переговоры об отмене глушения, и Москва выдвигает свои условия. Одно из них — убрать с Радио известные имена. Хорошо, я знаю, как ты к ним относишься. Согласен, Путака — жалкий тип, Иванов — мальчишка, Свечкин — слишком заумный. Но у Самсонова авторитет как у писателя и редактора журнала. Юрка — хороший поэт, его постоянно упоминает Бродский. Краснопевцева — знаменитая диссидентка. После вашего увольнения на Радио останутся рядовые журналисты, которые будут послушно выполнять указания американцев. Вот это Москве и надо. Увидишь, через полгода Радио перестанут глушить.

...В русском Париже «рука Москвы» до сих пор была дежурной фразой. К тому же, когда у эмигрантов что-то не получалось, всегда был велик соблазн свалить все на Москву, дескать, не мы сами виноваты, прохлопали ушами, а помешали интриги на высшем уровне, Москва нажала на французов (немцев, японцев, гвинейцев и т.д.), и только поэтому дело сорвалось. Однако Говоров не стал спорить. По-

сле того, что случилось, Задорнов звонил каждый день, и Говорову приятно была эта демонстрация дружбы.

Позже он задумался над версией Задорнова. Действительно, как бы он ни относился к Самсонову и Краснопевцевой, ему никогда не приходило в голову попытаться их в чем-то переубедить. Допустим, с Юрой можно было работать, Говоров добился, что Юра стал мягче в своих оценках, перестал сводить личные счеты с московскими поэтами, тогда как про Самсонова и Краснопевцеву он знал заранее, какая будет у них реакция на то или иное событие. То есть они тоже, как и он, были людьми неуправляемыми. Значит, если взглянуть с точки зрения начальства, если Радио должно дудеть в одну дуду, то их увольнение было неизбежно.

Если и шел какой-то закулисный торг (а все могло быть в этом лучшем из миров), то американцы ради того, чтобы снять глушение, согласились бы уволить половину сотрудников Радио. Невзирая на имена. Уволили бы из парижского бюро и Виктора Платоныча, и Галича — если бы они дожили до этих дней. Картина ясна: если на одной чаше весов соображения высшей политики, а на другой — какой-то Говоров, у американцев рука не дрогнет.

Говоров теряет не только место. Он теряет трибуну. Он знал, что, несмотря на вой в эфире металлической пилы, его внимательно слушают в Союзе. Все его московские приятели, жалуясь на глушение, неизменно спрашивали: кстати, а что ты тогда про меня говорил? То есть все каким-то образом доходило до адресатов. И Говоров гнул свою линию. Когда-то, вопреки сопротивлению американцев, ему удавалось пробивать свои фельетоны про Брежнева. Теперь их могли бы печатать в «Правде», на первой полосе. Но тогда какой был стон в Гамбурге! Ведь на Радио было предписание, строго запрещавшее высмеивать советских политических лидеров. А то, что вся страна издевалась над Брежневым в многочисленных анекдотах, это американцев не колыхало. Опять же, высшие дипломатические соображения, поцелуи Картера крупным планом!

Говорову казалось, что он понимает настроения в Союзе. Именно поэтому, когда началась горбачевская перестройка, Говоров сразу ее поддержал и резко

сменил тон своих культурных программ. Может, как раз это и не понравилось какой-то инстанции в Москве. Ведь годами из зарубежных «радиоголосов» создавался образ врага. В интересах пропаганды требовалось сохранить этот образ. То есть в Москве Говоров не нужен был как союзник — только как недруг. И Пеллу поставили условие.

Все могло быть так. Могло быть иначе. Но Говорова не покидало ощущение, что, стараясь угадать мотивы решения Пелла, он разбирает законы высшей математики, бином Ньютона. На самом деле ничего этого Пеллу известно, тот овладел лишь двумя правилами арифметики, сложением и вычитанием, и, не мудрствуя лукаво, отбросил костяшки на примитивных бухгалтерских счетах.

Он получил заказное письмо с уведомлением о вручении. Беатрис сообщала, что после той беседы, на которую его приглашали, его увольняют с 15-го числа по экономическим условиям вследствие сокращения бюджета и падения курса доллара. Согласно закону, следующие два месяца он может работать, а может и не работать. Через два месяца с ним произведут окончательный расчет.

Говоров приехал в бюро и сделал сразу два журнала из тех материалов, которые оставались у него в запасе. Теперь хотя бы он был чист перед своими авторами. Впрочем, уволенные на таких же условиях, как и он, никто из них больше писать для Радио не собирался.

Далее была странная неделя. Говоров прокомментировал полемику в «Литгазете» (как ему показалось, весьма удачно и по существу — он вскрыл то, о чем в «Литгазете» умалчивали), дал репортаж с двух парижских выставок. В дневных программных телексах, что ложились на его стол, корреспонденций Говорова не было. Но Борис Савельев уверял: все в порядке, его материалы идут в эфир.

Между тем возобновились звонки. Джон из вашингтонского бюро поздравил Говорова — мол, им точно стало известно, что его переводят в Гамбург.

— У меня в кармане письмо, что я уже уволен! — изумился Говоров.

— Не знаю,— сказал Джон,— я передаю тебе то, о чем у нас говорят.

Позвонили из «Русской газеты». На летучке главный редактор сказала, что о Говорове не надо беспокоиться, он переезжает в Гамбург. Не было тайной, что у редакторши, американской чиновницы, прямая связь с Вашингтоном.

Позвонили из Гамбурга. Письмо составлено, его подписали все русские журналисты. С этим письмом делегация от профсоюза пошла к директору русской службы Уину. Уин сказал, что вопрос о Говорове будет пересматриваться.

— Что бы все это значило? — спрашивал Говоров у Савельева.

Борис поиграл пальцами рук.

— Одно могу сообщить. Вчера по телефону Уин мне признался. Они не ожидали, что твое увольнение вызовет такую волну. Попробуй спросить у Беатрис.

Выслушав Говорова, Беатрис пошла пятнами.

— Мне официально ничего не известно. Но вы правы, Андрей. Американцы дураки, они сами не знают, чего хотят. Ведь столько затрачено работы, чтобы провести это увольнение!

Тут Говоров должен был сказать: «Лицемерная Крыса, значит, ты первая с энтузиазмом рыла мне яму!» Но Говоров, увы, промолчал. Не тот был момент, чтобы идти на обострение.

Почувствовав, что проговоришься, Беатрис расплылась в сладчайшей гримасе.

— Скажите вашим друзьям, пусть поторопятся. Что-то изменить можно только в оставшиеся полтора месяца. И будьте спокойны: если я узнаю хорошую весть, я позвоню вам даже среди ночи.

Впервые после операции Кира встретила его улыбкой. Осмысленно расспрашивала о Денисе, девочках, о доме. И, глядя на ожившую Киру, Говорову показалось, что он сам оттаивает, что тот жуткий холод, который его сковывал все эти дни, сделал автоматом, механической куклой, уступает место человеческому теплу. Слава Богу, Кире лучше! Может, это добрый знак, может, кончается черный период? Ведь все кругом упорно говорят о переводе в Гамбург. Вдруг? Вдруг друзья Ак-

сенова, американские журналисты, нажали на Пелла, вдруг после письма русской редакции Уин и Лот сообразили, что малость погорячились, шибко резанули, вдруг звонок из Белого дома? И тогда он скажет Кирке: если б ты знала, из какой дикой ямы мы вылезли, в какую бездонную пропасть ухнули, но вот чудом зацепились, выкарабкались. И они запакуют чемоданы, свалят в контейнер мебель и отправятся на казенную квартиру в Гамбург, хором распевая под стук колес поезда старую военную песню: «В Германии, в Германии, в проклятой стороне...»

— Ночами я плохо сплю,— рассказывала Кира,— конечно, мне дают снотворное, но я как-то прохожу сквозь них, они меня не задевают. А ты? Что-то случилось? Неприятности на работе?

Говоров не отвел глаз, но сделал соответствующую рожу.

— В общем, да. Ведь мой отдел сократили. Уволили всех внештатников.

Кира задумалась.

— Жалко ребят. С другой стороны, у тебя теперь будет свобода действий. Можешь привлечь новых авторов — молодых писателей, парижских профессоров. Ведь ты этого хотел?

...Придет время, и он ей скажет:

— Неужели ты до сих пор ничего не поняла. Меня уволили!

Посоветовали обратиться в профсоюз журналистов, где раз в неделю адвокат давал бесплатные консультации. Прием начинался в два часа. Говоров приехал на полчаса раньше и оказался первым в очереди.

Маленькое обшарпанное помещение, узкие коридоры. Ничего общего с солидными, обставленными антикварной мебелью приемными платных адвокатов. В четверть третьего в коридоре сгрудилось человек двадцать. Стульев не хватало. Адвокат еще не пришел.

В полтретьего адвоката не было. В коридоре тихо переговаривались. Судя по всему, у всех одна проблема — увольнение.

В три часа Говоров заглянул в комнату секретарши.

— Почему нет адвоката?

— Он обедает,— последовал беспристрастный ответ.

Никогда не мог Говоров предположить, что французские журналисты, обычно самоуверенные и напористые, будут так безропотно ждать. Но, видимо, все уже чувствовали себя в шкуре безработных.

Адвокат, раскрасневшийся колобок, явился лишь в полчетвертого, в сопровождении двух толстых дам. Все трое в прекраснейшем игривом настроении. В коридоре густо запахло вином.

Правда, с Говоровым адвокат был любезен и деловит, быстро просмотрел все бумаги. Нет, ничего невозможно сделать, увольнение произведено согласно букве закона. Подавать в суд? Бессмысленно. Суд вас не восстановит на работе. Требовать возмещения морального ущерба? Но вам ведь заплатят компенсацию. Понимаю, надолго не хватит, однако в глазах какого-нибудь электрика, члена общественного суда, сумма очень солидная. Ваша квалификация? М-да, перспектив не вижу. Разве что какая-нибудь советская газета вас наймет собственным корреспондентом в Париже. А что, с эмигрантами советские не сотрудничают? Но говорят, что в России теперь перестройка, либеральные времена... Понимаю, так далеко еще либерализация не продвинулась. Вот если бы вы были поваром! На поваров в Париже большой спрос.

— Тебе дважды звонил какой-то Герд из Вашингтона,— сказала Алена,— будет звонить завтра вечером.

Говоров присвистнул.

— Аля, «какой-то Герд» — это директор русской службы «Голоса Америки».

Ребенок наморщил лоб.

— Папа, в Америку мы с Лизой не поедem. Маму туда не выпустят. Потом, в Вашингтоне преступность и наркотики.

— Дура Алка,— вмешался Денис,— Америка — это шикарно. Там двадцать телевизионных программ.

— Ребята,— взмолился Говоров,— нас пока еще никто никуда не приглашает.

Но за ночь Говоров уже мысленно переехал в Вашингтон.

— Герд сам звонил тебе домой? — переспросил Савельев.

— Сегодня я жду его звонка.

— Помню, в Гамбурге он говорил, что ты лучший журналист на Радио. Если они совсем прикроют Париж, я попрошусь к тебе на «Голос», возьмешь?

Два вечера подряд Говоров не спускал глаз с телефона. Герд не звонил. На третий день Говоров связался с ним из бюро. Герд извинился, сказал, что помнил про звонок, но подвалила масса дел, завертелся. А тебе, Андрей, надо срочно учить английский. «Голос» — государственная организация. Для всех одни правила. Ты должен сдать экзамен по-английски. Ты должен сдать его лучше, чем любой американец, который претендует на работу у нас, ибо американцу, естественно, предпочтение. Мы не можем сделать для тебя исключение. Экзамен анонимный. Только после того, как ты на экзамене наберешь больше очков, чем другие, отдел кадров передаст твое дело в мои руки. Тогда уж я постараюсь. Андрей, я твой друг. Но мои возможности ограничены. А почему Уин и Лот не предложили тебе Гамбург? Что они против тебя имеют?

Говоров ответил, что не знает, для самого загадка, и поблагодарил Герда за заботу.

Говоров учил французский в школе и в институте. Потом почти его забыл. В Париже он начал французский с азав. Ходил в «Альянс франсэз». За двенадцать лет он овладел языком, но весьма посредственно. Если к чему-то Говоров был абсолютно не способен, так это к языкам. Выучить за год английский и сдать экзамен лучше американцев — задача для Говорова невыполнимая. И Герд это знал. Но Герд был хорошим парнем и хотел как-то проявить к Говорову внимание. А может, сделать жест, который ни к чему его не обязывал, — для собственного душевного спокойствия.

Алена купила Лизке ролики. Лизка, наверно, надеялась, что стоит пристегнуть ремни, и она сможет так же лихо кататься, как Денис. Денис — виртуоз, на роликах исполняет цирковые номера, но с Лизкой ему скучно. Денис умчался. Лизка упала.

Вечером, узнав об этой истории, Говоров пришел в ярость. Остолопы! У девочки могло быть сотрясение мозга! Куда ты смотрела! Куда ты смотрел!

В результате у всех глаза на мокром месте. Говоров опомнился. На кого он кричит? Ведь это его дети. За ними самими нужен материнский присмотр, да где матери?

Говоров взял Лизку и спустился во двор. Приладил ей ролики. Ну, давай, катайся, только осторожно. Не спеши. Держись за меня.

Лизка делает неуклюжие шаги, теряет равновесие. Говоров ее подхватывает. Отпускать ее страшно — упадет, расшибет нос. А как ее по-другому научишь? В конце концов, они находят вариант: Говоров бегаёт по кругу, а Лизка сзади держится за его руки. Получается поезд.

— Ту-ту, — радуется Лизка, — поезд Москва — Ленинград. Давай, деда, давай быстрее, давай, папа!

Все же в доме его называют папой, и Лизка путается, иногда говорит вместо «деда» — «папа». Родного отца она никогда не видела. Вернее, видела совсем маленькой. Не запомнила. Тот, паскуда, бросил Алену, когда Лизке и года не исполнилось. Исчез за горизонт. Правда, исправно посылал алименты, тридцать рублей в месяц. А Лизка знает, что у каждого ребенка должен быть папа. Папа должен помогать маме, папа должен любить Лизку, укладывать ее спать, рассказывать ей на ночь сказки. Сейчас все это делает деда. Может, он и есть папа?

Лизка неугомонная. «Ту-ту, поезд Москва — Париж, давай, деда, давай, папа, еще один круг!»

Смеркается. Слышны лишь шарканье роликов об асфальт да обрывки телевизора из распахнутых освещенных окон. Говоров переходит на шаг, у него дрожат губы. Он чувствует в своих ладонях тепло Лизкиных рук и понимает, что это счастливейший момент его жизни. Но уже другая картина неотвратимо вырисовы-

вається в його воображенні. Поезд, тільки другий поезд, Париж — Москва. Говоров едва успеваєт распахать в купе чемоданы, соскакивает на ходу из вагона, за стеклом последний раз мелькает Аленино лицо... Потом он приходит в квартиру девочек, которую надо отдавать хозяину и освобождать от мебели. Он помнит, как они с Аленой все покупали, а теперь все это надо распродать за гроши, да кто купит? Беспорядок, тарарам, дверцы шкафов распахнуты, на полу старые Лизкины рисунки. Но покинутая квартира еще наполнена воспоминаниями, еще звучит чуть картавый Лизкин голосок, кажется, откроется дверь, и прибежит Лизка с улицы, включит телевизор, чтоб смотреть свою любимую Доротею... И упадет Говоров на кровать, и уткнется в подушку. И с этого дня останутся ему считанные месяцы, ибо не выдержать ему потерю девочек, вторую разлуку с Аленой, невозможность ощущать в своих ладонях горячие Лизкины руки. Бог смилуется над Говоровым, подведет черту и перевернет страницу.

* * *

За двойной дверью, охраняемой двумя секретаршами, сидел бог Радио по имени мистер Пелл. Как и все служивые, он был надежно изолирован от всего земного, даже птицы телефонных звонков, то и дело врывающиеся в приемную, застревали в ушах секретарши и замертво, вместе с трубкой, падали на рычаг. К Пеллу могли прорваться лишь архангелы из Конгресса (но они кружили слишком высоко, чтобы снизойти до Пелла) да ангелы смерти из подземелья отдела кадров. Пелл был велик тем, что никого не принимал. К нему приходили только по вызову, коим он достаивал лишь избранных в адских куцах Радио. Свистящим шепотом в коридорах рассказывали историю бывшего директора русской службы Джина Горохова. Год тому назад Джин Горохов (естественно, давно уже заслуживший кличку «Шут гороховый») получил от Пелла записку — он уволен с должности. Джин, бледный, разом похудевший — и приобретший даже какие-то черты интеллигентности, — два дня изображал в приемной Пелла роденовского мыслителя, на обед не отлучался, однако в райские чертоги допущен не был и лик святейшего так и не смог лицезреть. Отправили беднягу на длитель-

ное поселение в Брюссель, в чистилище отдела статистики, где до сих пор Джин аккуратно подсчитывает месяцы, оставшиеся ему до пенсии.

В этот день, как обычно, Пелл утомленно парил над кучевыми облаками бумаг, плотно обложившими его стол. В некотором отдалении от стола, как два нашкочивших школьника, напряженно торчали на стульях Уин и Лот. Пелл рокотал, Уин и Лот опасно втягивали головы в плечи. Тем смельчакам, что заглядывали в приемную, секретарши объясняли, что мистер Пелл занят — идет совещание по вопросам экономии бюджета.

— Почему вы мне подсовываете дело Говорова? — ронял с небес Пелл. — Что это за коллективное письмо? Но то вы директора, чтоб регулировать подобные проблемы. Надеюсь, никто в знак протеста не уходит с Радио? Впрочем, жалко, нам бы не мешало сократить еще несколько штатных единиц. На звонок из Вашингтона не обращайтесь внимания. Говорите, что мы ищем решение. В Вашингтоне жара, подходит время летних отпусков. Через месяц они забудут про этого парня.

— Есть письмо Аксенова, — подал голос Уин.

— Кто такой Аксенов? — громыхнул Пелл.

— Известный писатель, живет в Вашингтоне.

— Вы заметили, — рассердился Пелл, что все русские — писатели. Хоть бы один был говновозом.

Уин хихикнул, но Лот вдруг заартачился:

— У Аксенова связи.

Пелл возвел руки к потолку:

— Как мне надоели эти русские! Когда мы наконец от них избавимся? Ладно, ответьте Аксенову. Сошлитесь на французский закон. Дескать, мы бы и рады найти компромисс, но французский закон нам этого не позволяет. И если у Аксенова связи, пусть подыщет Говорову работу в Америке. С Говоровым все? О'кей, подвели черту, закрыли дело. И чтоб больше я этой фамилии не слышал. А теперь вернемся к бюджету. В вашем фонде для командировок осталось около ста тысяч долларов. Если вы не израсходуете эти деньги до октября, Конгресс их срежет.

— Но ведь был приказ об экономии, — заикнулся Уин, а Лот пошел дальше:

— Нельзя одной рукой увольнять, а второй посы-

вать журналистов в командировки. Или нет на Радио денег, или они есть.—Потом, словно испугавшись собственной отваги, поспешно добавил:—Я-то понимаю, что это другие деньги, но в редакциях не поймут.

— Понимать должны вы, а не редакции,— оборвал Пелл.—Если Конгресс срежет, в будущем году вы останетесь без командировочного фонда. Значит, так: подождем, пока увольнение вступит в силу, а потом объявим, что каждый может ехать куда хочет.—Пелл усмехнулся.—Кстати, это подбодрит русских. Вы же сами говорили, что после увольнений в Париже они в панике. Надо уметь работать с аппаратом. Кто у нас остался в парижском бюро? Савельев? Отправьте этого типа на три недели в Австралию. Зачем так далеко? А как иначе вы истратите деньги? Он журналист и пусть найдет там темы для корреспонденций.

Тем временем в приемной случилось ЧП. Позвонил Говоров из Парижа, сказал, что ищет Лота. Конечно, секретарша, взявшая трубку, была в курсе событий. Она знала, что Пелла нельзя беспокоить. Но Говоров требовал не Пелла, а Лота. Секретарша давно служила на Радио и привыкла к тому, что у всех прежних директоров к Говорову было особое отношение. Этот человек из Парижа почему-то имел право говорить с любым начальником. Ну как тут угадаешь: соединять или нет?

Секретарша робко приоткрыла дверь кабинета и положила. Мертвая пауза. Лицо Лота наливалось краской. Но всемогущий Пелл вдруг театральным жестом показал Лоту на телефон: дескать, валяйте, а мы посмотрим.

Очень вежливо, вкрадчивым голосом Лот осведомился о здоровье Говорова. Да, мы рады, что вы чувствуете себя лучше. Да, мы очень озабочены вашей судьбой. Дочка приехала из Москвы? Да, мы в курсе. Понимаем, вам будет тяжело. Мы бы всей душой, но французский закон, он жесток. Восстановить вас на работе через год? Пока маловероятно, но мы подумаем об этой возможности. Мы бессильны, на Радио нет денег. Да, разумеется, если увеличат бюджет, мы вспомним о вас в первую очередь. Увы, конкретно я ничего не могу обещать. А почему вам не попробовать на «Голосе»? Есть прекрасные курсы английского языка. Нам самим обидно терять опытного журналиста. Конечно, мы еще

раз все обсудим. Ваша жена в госпитале? Передайте ей. Мы надеемся. Держитесь. Не падайте духом. Наилучшие пожелания. Звоните мне когда угодно. Это вам спасибо. Всегда к вашим услугам.

Лот положил трубку. Уф! Уин сделал ему сочувственную гримасу, а Пелл снисходительно поаплодировал с небес.

* * *

Пожалуй, именно с этого времени Говоров стал выделять в парижской толпе — в магазинах, в метро, на улице — людей, которых он раньше не замечал. Не по одежде — одеты они были, как все, прилично или небрежно — а по некоторой замедленности в движениях и затаенному страху, растерянности в глазах Говорову казалось, что они его тоже узнавали, как по особым приметам узнают друг друга члены тайного ордена или больные неизлечимой болезнью.

Пожалуй, именно с этого времени им овладело беспокойство, но без свойственной герою Пушкина охоте к перемене мест. Когда-то Говоров любил путешествовать, он объездил на машине пол-Европы — теперь призывы туристских агентств провести отпуск на Канарских островах или уик-энд в Пицце воспринимались как издевательство. Говоров еще приходил в бюро и лишь сидя за своим столом, занимаясь привычным делом, обретал некоторую уверенность. Но это тоже было как транквилизаторы, как снотворное, на несколько часов. Его кабинет, его работа — это уже не принадлежало ему, вот-вот будет отобрано. Затянувшееся прощание, как с Аленой и Лизой, которые пока присутствовали в его жизни и, может, не догадывались, что должны будут уехать, но Северный вокзал и вагон Париж — Москва маячили невдалеке. Верный признак конца: телефон на его рабочем столе — обычно он подпрыгивал, как чайник на огне, выплевывая трели звонков, — нынче он нехотя чирикал пару раз в день. Изменились интонации голосов его собеседников. В течение десяти лет русский Париж отвечал ему с радостной готовностью — звонок от Говорова означал предложение заработка. Сейчас с ним разговаривали, как со служащим похоронной конторы — скучные фразы, вздохи, соболезнования.

...Странный был сосед в доме Говорова. Деловитый, решительный господин что-то постоянно перетаскивал из багажника в багажник своего автомобиля, часами мыл, драил, чистил кузов, садился за руль, прогревал мотор — и никуда не уезжал. Говоров считал его тихим сумасшедшим, и вот недавно, здороваясь, встретился с ним взглядом... Нет, какой же он псих? Это будущее Говорова.

Кира выписалась из госпиталя, но была очень слаба. Ее приходилось возить туда на консультации и анализы. Девочки перебрались в свою квартиру, и Говоров метался между двумя домами — покупал продукты, переносил книги, вещи, кастрюльки с едой (что-то вкусное Кира и Алена соответственно пересылали Лизке и Денису), укладывал спать, целовал носы, рассказывал сказки взрослым и детям. В бюро он почти не заглядывал, все свободное время отнимали домашние заботы. Иногда Говоров себя спрашивал: как же он раньше умудрялся еще и работать?

Поздно вечером, когда все утихомиривались, он садился к столу, отодвигал непрочитанные журналы и раскладывал на картах пасьянс. Нервничал и сердился, когда пасьянс не сходился. На что он загадывал? Вот если сойдется, значит, в самый последний момент вынырнет какой-нибудь спасительный вариант...

Борис Савельев держал его в курсе дел. Борис теребил Гамбург, напоминая: через три недели, через две, через десять дней увольнение Говорова вступит в силу — придумайте что-нибудь! Однажды он позвонил Говорову. Только что был разговор с Уином, по программным делам, и Уин сказал: «Мы знаем, что Андрей Говоров в беде. Сам Уин сказал, никто его за язык не тянул!

В тот же вечер Говоров разложил три пасьянса. Два не сошлись, но третий сошелся!

Именно с этого времени Говоров стал ежедневно подходить к церкви. Никогда не заходил. Он же числился по православной епархии. Его Бог из другого ведомства. Впрочем, полагают, Бог один. И вообще, Говоров некрещеный, не имеет права соваться в чужие владения. Незаметно для других Говоров замирал, поворовски вымаливал внимание свыше. Обращался по-

французски. Бог, помогите нам, сделайте что-нибудь. Нет, кажется, с Богом положено на «ты». Хорошо, Бог, прошу не за себя, за своих детей, за Лизку. Понимаю, наверно, все так говорят, спекулируют детьми, бьют на сострадание. И как это Богу надоело слушать. Но ведь я не требую чудес! Такая естественная просьба: оставь меня на работе.

Случайный прохожий кашлял за спиной, и Говоров ускорял шаг.

И пришел тот роковой день (а куда ему было деться? потеряться по дороге?), когда увольнение Говорова вступило в силу. Говоров явился в бюро, собрал бумаги из ящиков своего стола. Лицемерная Крыса, возведя глаза к потолку, вручила Говорову чек на весьма приличную сумму (но не на такую, о которой шли разговоры, значительно меньше) и поинтересовалась, что будет с книгами и журналами, оставшимися в его кабинете.

— Они принадлежат редакции,— ответил Говоров.

— Но теперь русской редакции практически нет,— ослепительно улыбнулась Беатрис,— вы можете кое-что взять себе. А если Савельев откажется перетаскать журналы в свою комнату, я все выброшу. Мне надо очищать помещение.

Говоров заглянул к Савельеву.

— Боря, посмотри по моим полкам. Я отбирал советские журналы в течение многих лет. Помнишь, за ними выстраивалась очередь. Это же ценный архив!

— Кому он сейчас нужен?— вздохнул Савельев.— Садись и слушай. У меня четкое ощущение, что они там в Гамбурге совсем спятили. Знаешь, что они мне сегодня предложили? Командировку в Австралию! Я спросил: почему Австралия? Уж лучше Новая Каледония, все-таки французская территория. Они, не раздумывая, согласились.

— На меня нет денег, а тебя посылают за тридевять земель? Это мне пощечина, плевков.

— Все проще. У них горит командировочный фонд. Вот как они хозяйничают. Позор.

Говоров отметил, что на этот раз Борис не боялся

молчащих телефонов, и Борис, как бы предупреждая обязательный вопрос, поспешно добавил:

— Андрей, я, конечно, спросил Уина — что будет с тобой? И Уин сказал всего два слова: «Такова жизнь».

Потом все оказалось совсем не страшным. Вежливые, разговорчивые дамы на бирже труда, короткое собеседование с чиновником, который просмотрел анкету Говорова и недрогнувшей рукой в графе «квалификация» поставил ноль; и никаких очередей с неграми и арабами, как боялся Говоров, раз в месяц надо было подписывать получаемую из биржи карточку и отправлять ее обратно по почте — вот и все формальности; затем было посещение АССЕДИКа (непонятно, как назвать эту контору по-русски, в Союзе таких организаций не существует), красивая бабенка с вострым взглядом оформила соответствующие бумаги, улыбнулась, и скоро пришло извещение, что Говорову будут платить пособие по безработице, равное половине его зарплаты, в течение полутора лет, дальше полгода какой-то смехотворный минимум, потом все кончится — но до этого д а л ь ш е, до этого п о т о м надо было еще дожить. В богатой Франции на социальное дно спускали мягко, на тормозах. Почти три миллиона французских безработных имели шанс найти что-нибудь, зацепиться за какие-то курсы, за какое-то временное ремесло, тем более что специалисты предсказывали благополучную экономическую конъюнктуру. Но не было этого шанса у русского писателя Говорова, чей возраст переступил предел, до которого берут на работу, и чья квалификация по французским меркам равнялась нулю. Однако можно было утешиться тем, что случаются ситуации гораздо хуже, например, когда человек заболел раком и ему остается жить считанные месяцы — а тут два года, да сравнительно в добром здравии. Словом, на месте Говорова любой бы оптимист возликовал: «Счастье привалило!»

— Тут у публики возникли вопросы. Можно?

— Пожалуйста, задавайте. Говоров не гордый, он на все (и за все) ответит.

— Русский потерял работу в 53 года, а застрелился в 55. Но ведь это самый лучший возраст для мужчины, как работника, разумеется.

— Совершенно верно. Если бы Говоров в свое время согласился уехать в Гамбург на место главного редактора, он бы спокойно руководил редакцией до пенсии. Не было бы претензий к его работе и в Париже, останься он на прежней должности, особенно если бы ему позволили переформировать отдел. А вот овладеть новой профессией, да в чужой стране... Если и овладеешь, предпочтут молодых, и, наверное, будут правы. Вот попытался Говоров стать почтальоном, и мизерная зарплата его не смущала, и разносил бы письма не хуже других. Однако на открывшуюся вакансию набежало столько желающих! Взяли двадцатипятилетнего парня.

— Эмигрируют люди и в более преклонном возрасте. И как-то не пропадают...

— Хотелось бы посмотреть статистику, ежели такая существует. В принципе, когда презжает человек с именем, его на первых порах поддерживают — и пресса им интересуется, и вообще пахнет политикой. Найдет он сразу что-то — все будет в порядке. Но года через два о нем никто не вспомнит, он уже автоматически перешел в рядовые эмигранты, которые тут вам так надоели. Читайте советские газеты, в данном случае они пишут все точно.

— Может быть, русскому писателю повезло бы больше, если бы он прямо поехал в Америку?

— Русская пословица гласит: там хорошо, где нас нет. И потом, это разговор о прошлогоднем снеге.

— Неужели русскому журналисту нельзя найти работу на Западе?

— Смотря какому. В Лондоне над кандидатурой Говорова долго чесали затылок. У него была репутация сильного работника. Но взбунтовался русский отдел культуры, куда Говорова прочили. Так они все там числились в гениях, а приди Говоров, пришлось бы под него подлаживаться. Как сказал его друг в Лондоне, знающий тамошнюю кухню: «Не захотели мыши kota». А формальный повод для отказа? У Говорова нет английского.

— Были бы у Говорова такие же трудности в Советском Союзе?

— Вот там все было бы наоборот. Там возраст здорово помогает. После пятидесяти, когда человек начинает беспокоиться о семье, о детях, дорожить заработком, когда уже не те силы и нет прежней уверенности в себе — вот тогда писателя толкают в гору. В пятьдесят пять лет, если бы Говоров не высовывал носа на собраниях, его бы избрали членом правления. А к шестидесяти, когда бы перо притупилось да болезни подступили, дали бы Говорову журнал. Дотяни же он до семидесяти, потеряй способности ориентироваться в событиях и людях (еще лучше вообще перестать узнавать окружающих) — быть бы Говорову неприменно секретарем Союза писателей. Не знаем, как в России пошло после перестройки, — до этого Говоров не дожил, — но раньше именно так все и происходило.

— В последние годы были ли у Говорова заветные желания, естественно, кроме как найти работу?

(Голоса из публики подсказывают: «Выиграть в лото! Угадать «картэ» в порядке!»)

— Были. Первое — выжить. Не получилось. Второе — встретить на улице мистера Пелла и плюнуть ему в морду. Не довелось.

— Известно, что все русские, особенно писатели, пьют. Но согласитесь, во Франции для Говорова был кайф. Ну да, водка, она и французу не по карману, зато столовые вина отпускаются по бросовым ценам!

— В этом отношении во Франции действительно лафа. Говоров пил самый дешевый в мире алкогольный напиток. В аптеках он покупал пузырьки с чистым спиртом. Единственная сложность — нельзя было покупать в одной и той же, начинали смотреть подозрительно. Говоров составил график обхода ближайших аптек. В каждой появлялся не чаще чем раз в две недели. Все равно заметили, но лишних вопросов не задавали. А дальше технология проста: спирт разбавляется водой (в пропорции пять к шести), настаивается на сухих мандариновых корочках, и получается фирменная водка, которая еще в Москве называлась по имени ее изобретателя «говорухой». В Москве чистый спирт как валюта, попробуй достань! За пузырь спирта самый неприступный человек в Союзе, слесарь-сантехник, вам в три минуты кран починит, только намекни. Ваше

шампанское, бургундское, коньяк и арманьяк — для России звонкие, но пустые слова. В России спирт король! До сих пор пол-Москвы завидует Говорову: хоть не очень у него сложилось во Франции, зато пил по-королевски!

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

В последние месяцы жизни каждую ночь

Говоров выступал в Конгрессе:

— Половина бюджета более пятидесяти миллионов на содержание бюрократии например когда меня в командировку в Нью-Йорк я с удивлением что там в нашем бюро четыре директора у каждого свой офис своя секретарша что они мне никто не смог в Гамбурге на каждого журналиста в общей сложности по одному начальнику мало того еще специальный штат чтоб эту свору для чего Радио чтоб передачи кто передачи журналисты но видимо а у меня давно впечатление что Радио только для удобства американских наша контора в Гамбурге это их теплое насиженное каждый из них там огромную зарплату на деньги, которые на оплату жилья бюрократии можно три парижских бюро по капризу начальства им дома и квартиры и в то же время куций бюджет для внештатников кто и как программы это никого не. Пелл где его самоуверенность где его пузо он перед Конгрессом когда с должности с мокрыми штанами что он в советской жизни что он о России? Вот попросите его показать на карте где находится Владивосток?!

— Позор мистеру Пеллу! — гневно прогудел конгрессмен из Айовы, — все знают, что Владивосток в штате Индиана!

...И по московскому телевидению:

— Заслуга «голосов» огромна и эта тема еще своего исследователя без «голосов» нет и гласности но не надо их ведь все «голоса» в руках чиновников и бюрократия не только в Советском Союзе всюду хотя бы Радио на котором я десять лет постепенно под разными предложениями все самостоятельно мыслящие чиновник в принципе иметь дело с «чего изволите» так ему удобнее в Америке по традиции наиболее способные кадры

в бизнес средние слои государственного аппарата это болото прекрасные слависты в университетах знающие понимающие журналисты в газетах но на Радио постоянный конкурс на по всем помойкам когда чиновник абсолютно всюду его как на пенсию к нам исключения конечно и у нас хорошие администраторы которые за дело но ведь они не их еще резче и быстрее в конце концов до гопкомпании Пелла Уина и Лота.

— Несколько лет назад вы бы говорили так по советскому телевидению? — вкрадчиво спросил ведущий.

— Несколько лет назад меня бы не пустили в Москву.

— Почему? Как раз в то время...

— Знаю. Выступали перебежчики и шпарили по бумажке, составленной в КГБ, мол, на Радио все шпионы, диверсанты, военные преступники, убивавшие в газовых камерах еврейских младенцев. Моя беда, что я не совпадаю со временем. Я работал на Радио, когда оно считалось бякой, и критикую его теперь, когда оно вроде стало хорошим и его прекратили глушить. Но Радио не менялось, просто у него были другие проблемы, и весьма болезненные. И я всегда говорил одно и то же, правда, не в микрофон, что верно, то верно. Давайте я вам прочту один из моих фельетонов про Брежнева. Понимаю, что сейчас этой темой никого не удивишь, но ведь он датирован 1978 годом и, думаю, не устарел. Кстати, его напечатали в газетах, но по Радио не передавали. Тогда наши мудрые начальники спустили указание, дескать, нельзя иронизировать над Брежневым, это оскорбляет патриотические чувства слушателей.

— Так это же была типичная цензура! И как вы отреагировали?

— Я им сказал, что они идиоты.

— Странно, что вас не уволили раньше.

— Иногда мне тоже так кажется.

...На приеме в честь три премьер-министра для мебели два короля под закусон Галя в брильянтах и лисице Слава в манишке пиликает на скрипочке привет Слава привет Андрей и вдруг как его сюда пустили Матус извивается с протянутой рукой сияет как подфарник.

— Андрей, как я рад за тебя!

Говоров убрал руку за спину:

— С подонками и засранцами не разговариваю.

Говоров не любил таких сцен и был бы рад, если бы Матус провалился сквозь землю, однако паркет в зале, сделанный в прошлом веке... Публика заинтересовалась. Матус погас.

— Андрей, это глупо. Ты зол на меня, но это не я, это все Пелл.

— Не мог Пелл не спросить мнения у главного редактора. Я бы на твоём месте...

— Но ты не захотел быть на моём месте!

— Ты должен был объяснить мою семейную ситуацию. У тебя самого сын в возрасте Лизки. Ты способен ему сказать: возвращайся в Москву, твой папа не может тебя прокормить? А мне пришлось расстаться с Лизкой, мне пришлось сказать эти слова Алене. Разве в человеческих силах пережить такое?

К Матусу вернулась улыбка. Сцена уже не выглядела ужасной. Стоят двое русских, мирно беседуют на непонятном для окружающих языке.

— Ну, даешь, Андрей. Ты слишком много требуешь от американцев. Да Пеллу плевать на твою семейную ситуацию, он не обязан в нее вникать, у него была своя головная боль с бюджетом!

...Верно. Не обязан. Но Пелл должен был знать — на то есть статистика, — что увольнение на Западе человека после пятидесяти лет морально равносильно смертному приговору, обрекает на безработицу и нищету. За что?

Нет, Пелл знал. Поэтому и готовил увольнение втайне, как убийство из-за угла. И убежден, паскуда, что останется безнаказанным.

Поехать в Гамбург. Застрелить эту жирную скотину. Подождать около дома. У проходной на Радио. Или. Ну, тут много вариантов. Хелло, мистер Пелл, как поживаете? Не припоминаете? Я Андрей Говоров. И четыре пули в живот. За Лизку. За Алenu. За Дениса. За Киру. За всех, кого когда-то где-то на земном шаре выбросили на улицу. А потом Уину и Лоту: «Хватит мокнуть в луже! Вставайте, я больше не стреляю. Вызывайте полицию».

Говоров часто обдумывал эту поездку в Гамбург. В деталях. С подробным диалогом. Тешился сладкой мечтой. Не купит он билет и не снимет в Гамбурге гостиницу. И не потому что боялся — чего бояться? Евро-

пейской тюрьмы с газетами, книгами, цветным телевизором? Там его еще какой-нибудь профессии обучат, например, шить перчатки, и как раз до пенсии он дотянет — тоже, между прочим, решение проблемы. Нет, тут срабатывал инстинкт волка, которого гонят на красные флажки: лучше под пули, но за флажки не положено! Традиция, впитанная с молоком матери. Кодекс чести российской культуры. Русского писателя можно убить, и это, увы, случилось не однажды. Но русский писатель никогда не может быть убийцей.

Говорову предстояло уйти без сатисфакции.

III

За четыре года до ЭТОГО

Виктор Платонович сидел в студии у техника-режиссера Толи Шафранова и распивал с ним чай, что было давно сложившимся ритуалом: к приходу Виктора Платоновича Толя химичил какую-то особую заварку. Обычно чаепитие перерастало в бесконечный треп на философские, театральные или литературные темы, пока взбешенный Говоров не врывался в студию с воплем: «Ребята, ваше студийное время кончается!» Толя делал вид, что он тут ни при чем, а Вика невозмутимо отвечал одной и той же фразой: «Андрей, зануда, опять работать заставляет».

На этот раз Говоров не торопил. Закрывшись в своем кабинете, он перечитывал скрипт, который Вика принес для записи. Вика комментировал стенограмму обсуждения в Московском Доме литераторов романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». На этом собрании, состоявшемся почти тридцать лет тому назад, Бориса Пастернака исключали из Союза писателей. Стенограмму опубликовал один эмигрантский журнал, и потом про нее все забыли. Когда Вика раскопал этот материал, Говоров сразу одобрил заявку — разумеется, о таких вещах надо напоминать нашим слушателям. Говоров был уверен, что Виктор Платонович напишет со свойственным ему тактом и деликатностью, но Вика, что называется, повело... Врезал всем. И за дело — постыдное, мерзкое было собрание. Однако вся беда в том, что выступали и честные, порядочные люди. Что

тогда потянуло их за язык? Борис Слуцкий рассказывал Говорову, как его заставили выступать. Убедили, что Пастернаку никто не поможет, вопрос решен на самом верху, а вот спасти московскую писательскую организацию от разгрома — мол, у Хрущева давно на нее чешутся кулаки — Слуцкий может. Потом Слуцкий всю жизнь мучился, не мог забыть позора. Слуцкий умер, но остались другие. Надо ли их казнить сейчас, не подонков, а тех, кто тридцать лет отмывался? У Виктора Платоновича репутация безупречная и авторитет лучшего военного писателя. Его удар будет тяжел. В Москве обидятся. Власти и так делают все для того, чтобы порвать связи между Союзом и эмиграцией, постоянно выставляют нас врагами и клеветниками. Надо ли нам самим ссориться с нашими теперешними единомышленниками? С другой стороны, Говоров всегда очень осторожно редактировал Вику — только когда Вика повторялся или по забывчивости путался в фактах. Говоров не считал себя вправе навязывать Вике свою точку зрения — достаточно ему потрепали нервы редакторы в Союзе.

Говоров набрал номер студии:

— Толя, попроси Вику зайти ко мне.

Вика пришел, ворча и матерясь. Начальничек, тра-та-та, лень самому с кресла встать, тра-та-та. У нас свежая заварка стынет. Но, увидев свой скрипт на столе, сразу сменил тон, завелся.

— Ты прочел? Потрясающий документ, ус...ться можно! Мы сейчас с Толей как раз обсуждали. Ну Ошанин и прочие — хрен с ними. Но Слуцкий? Сергей Сергеевич Смирнов? Смирнов, такой милейший человек, всем помогал. Автор «Брестской крепости»... Я чуть с ума не сошел. А Солоухин? Мы его с тобой хвалим, а он требовал высылки Пастернака в эмиграцию!

— Вика, нам же понравилась статья Солоухина в «Литературке»... Давай вычеркнем Солоухина?

— Ни за что! Смотри стенограмму. Он выступал с таким пафосом. Явно не по принуждению, а по убеждению.

— Вика, перед моим отъездом из Москвы Сергей Петрович Антонов дал мне почитать свою повесть про метростроевцев. Хорошая книга. Не знаю, когда в Союзе ее смогут опубликовать.

— Ты с ним много водки выпил?

— Не много, но пил, Викочка, Антонов ни в чем не замешан, подписывал письма в защиту Солженицына. Антонов — человек приличный, доброжелательный. Ну было, бес его попутал...

— Я сам люблю рассказы Антонова, но он был с теми, кто угробил Пастернака.— Виктор Платонович потемнел лицом.— Нет, Андрей, упоминать, так всех. И не проси.

— Скажи еще, как Самсонов: «Страна должна знать своих героев»...

— В данном случае — должна! — И после паузы: — Кстати, недавно я встречался с Самсоновым.

— Вика,— взмолился Говоров,— тебе не надо передо мной оправдываться. Я не партийный товарищ, и ты волен встречаться с кем угодно. Просто я не желаю иметь с Самсоновым ничего общего. Между прочим, он поступил мудро, когда взял твоего сына на работу. Вот кто умеет делать себе репутацию. Ладно, о'кей, я приготовил тебе газеты. Материалы последнего пленума Союза писателей. Все та же гопкомпания: Марков, Михалков, Проскурин, Кузнецов...

— Опять писатели в долгу перед народом и партией?

— Именно. Прочти, вдохновишься. В следующую среду сядем с тобой к микрофону, поклевещем. А сейчас — вот твой скрипт, в девственной чистоте, иди в студию, записывайся.

— Это называется «пошел к едреной матери». В обед мы с Толей спустимся в кафе. Присоединяйся к нам.

— Вика, не могу! У меня в два часа Петя Путака, и мне еще надо писать корреспонденцию.

— О чем?

— Французские ученые о Сахарове. По материалам сегодняшних газет.

— В общем, с тобой не поговоришь. Нет, Андрей, ты безнадежен. Прикипел задницей к креслу, не сдвинуть.

— Передай Толе, чтоб не задерживался в кафе. У него гора невычищенных пленок. Савельев прибежит жаловаться.

Савельев заглянул еще до обеда.

— Андрей, надо что-то делать с Толей. Он все утро чесал языком с Викой. У меня работа стоит. Ни одно интервью не готово.

— Боря,— ответил Говоров,— Вика приходит к нам не только записываться. Он сидит дома в четырех стенах, ему все обрыдло, он хочет общаться с людьми. Он приходит к нам потрепаться, такова российская традиция. Ведь в Париже нет Дома литераторов. А что он видит у нас? Ты пишешь корреспонденции или вишишь на телефонах. Я сижу, зарывшись в газеты. Ни ты, ни я не разговариваем с Викой — мы с ним работаем. Прочли скрипт — спасибо, Вика, иди в студию. Настоящее внимание к Вике проявляет только Шафранов. И чаем напоит, и посочувствует, и послушает, и новости расскажет — кто, кого, каким способом. У Вики в запасе тьма историй, он в этом отношении клад, ему необходимо высказаться, а может, просто вразумить нас, мудаков!

— Ты уж слишком, Андрей! Когда у меня есть время, я с удовольствием слушаю Вику, но я завален корреспонденциями, интервью, письмами... В пятницу я пишу два материала.

— Боря, мы будем царапать себе плешь: мол, пропустили, прошляпили Вику!

— Согласен. Однако у Беатрис любимчик Жан Мари.

— Все наши авторы хотят работать с Толей. Поэтому он не успевает.

— Правильно. Почему Беатрис строчит доносы в Гамбург на Шафранова? Как, ты этого не знаешь или делаешь вид? Ну да, ты у нас небожитель, отдуваться перед начальством приходится мне. Так вот, Беатрис не нравится, что все предпочитают Толю. И она потихоньку копает под него.

— Скажи Беатрис, что только за Виктора Платоновича мы должны платить Толе дополнительную зарплату.

— Вот это ты ей сам скажешь!

В обеденный перерыв Говоров отлучился на десять минут из бюро — купить в ближайшей булочной два горячих пирожка. Всегда покупал одно и то же. При его

появлении продавщица сразу засовывала киш и фрианд в электрическую печку. Наверно, в булочной его так и прозвали: «месье киш и фрианд».

Вернувшись в кабинет, Говоров лакомился пирожками, прихлебывая кофе, и, готовясь к корреспонденции, не торопясь читал французские газеты. Кайф!

Но к двум часам оживали телефоны и начинали скрестись в дверь.

Сегодня пришел Петя Путака. Принес два скрипта. Говоров один подписал, а второй...

— Петя, значит, кроме трех ленинградцев, в Союзе вообще нет поэтов?

— А ты что, Евтуха и Вознесенского принимаешь всерьез?

— Не полностью, но принимаю. К тому же существует Ахмадулина, Окуджава, Мориц..

Путака состроил пренебрежительную гримасу.

— Мориц идет после Краснопевцевой.

— Совсем красиво.— Говоров старался не терять ровного, спокойного тона.— А Самойлов, Левитанский?

— Военное поколение — говно! — отмахнулся Путака.

— Ты прелесть, Петя. Могу себе представить, как бы хохотали в Москве, если бы я твою передачу пустил в эфир.

— Мы во «Вселенной» все так считаем! — повысил голос Путака.

— Мне нас...ть на вашу «Вселенную». Так и передай Самсонову. О советской поэзии, без моего особого разрешения, ты больше писать не будешь. Ищи себе другие темы.

— Это новое указание из Гамбурга? — забеспокоился Путака.

— Это мое мнение. И его достаточно.

— Я позвоню в Гамбург. У меня есть кому звонить! Я скажу, что ты блокируешь «Вселенную».

— Я блокирую глупости, которые идут от вашего журнала. Впрочем, вот телефон. Звони.

— Андрей,— заныл Путака,— я, может, слишком резко. Давай что-нибудь вычеркнем.

— Мы и вычеркнули. Весь скрипт.

Теперь на Путаку было жалко смотреть.

— Андрей, если я не запишу на этой неделе свою

четвертую передачу, мне Беатрис не засчитает ее в зарплату. Потеря денег. Мы и так в долгах. Фаина болает...

— Вот этот разговор мне понятен. Дождись сегодняшнего «Монда» и найди там какую-нибудь статью для перевода. Пустим ее в пятницу как корреспонденцию. Я предупрежу Савельева.

Когда Путака осторожно прикрыл за собой дверь, Говоров подумал: «Ну вот, нажил себе еще одного врага. Впрочем, вся редакция «Вселенной» давно ищет повода меня куснуть. Хорошо, что пока я им не по зубам!»

С Беатрис он столкнулся в коридоре, и та нежнейшим, воркующим голосом спросила:

— А правда, Андрей, что вы разрешаете Шафранову пить чай в рабочее время с Виктором Платоновичем?

— Может, мы должны запретить Толе ходить в рабочее время в туалет?

— Андрей, вы понимаете, о чем я говорю. Толя может пить чай, кофе, водку — меня это не касается. Но он болтает с Виктором Платоновичем час, два, а поляк и венгр ждут студии. И мы запаздываем с отправкой русских пленок.

— Беатрис, у Шафранова объем работы в два раза больше, чем у Жана Мари. В этом легко убедиться, пролистав студийные журналы. Посылайте нерусских авторов в другую студию. А главное, Беатрис, беседы с Виктором Платоновичем — это тоже наше общее дело.

— Я очень уважаю Виктора Платоновича. Но я администратор и должна следить за работой студий. Здесь не кафе и не благотворительная организация. Американцы платят зарплату Шафранову как технику, а не за разговоры с авторами. Пусть Толя приглашает Виктора Платоновича к себе домой. Когда придет мистер Пук...

— Беатрис, это долгий разговор, а я пишу корреспонденцию. Скажу одно: и мистера Пука, и вас, и меня, и всех гамбургских начальников-дармоедов можно выгнать с Радио вонючей метлой, и от этого мало что изменится. Нас слушают в Союзе потому, что к ми-

крофону подходят такие люди, как Виктор Платонович. После смерти Галича Виктор Платонович — единственная престижная фигура в Париже. Виктора Платоновича надо встречать с оркестром, а мистер Пук должен подносить ему кофе на блюдечке. Короче, не трогайте Шафранова.

Беатрис ответила ему долгим взглядом, и по выражению ее лица Говоров догадался, что она пропускает несколько заранее приготовленных фраз.

— Андрей, я не злая. Но с меня спросят за дисциплину. В Гамбурге перемены. Новый президент привел с собой другую команду. Джордж Вейли, при котором вы могли делать все что хотели, уволен на пенсию. В Гамбурге все являются на работу в восемь сорок пять, а вы приезжаете в бюро после одиннадцати. Джордж понимал, кто такой Виктор Платонович. Я не уверена, что новая администрация будет его также ценить. Пока Виктор Платонович за вашей спиной...

— На нашей с вами памяти, Беатрис, с Радио прогнали пять президентов и шесть директоров русской службы. Прогонят и этих.

— Говорят, что мистер Пелл — человек с характером.

— Когда мистер Пелл сможет за меня написать хоть одну корреспонденцию, тогда мы с ним поговорим.

В принципе Говоров курил мало, но когда писал — не выпускал сигарету изо рта. Мог за час опустошить полпачки. Чем проще была работа, тем труднее она давалась Говорову. Кажется, ничего хитрого: перевести несколько абзацев из французской прессы, переложить их, как слоеный пирог, своими объяснениями, накатать начало, приклеить патетическую концовку — и все дела! Любой профессиональный журналист такие корреспонденции должен толкать левой погой за тридцать минут. Но Говорова убивали общие информативные предложения. Да, такого-то числа французские ученые (перечислить несколько наиболее известных имен) собрались там-то, чтобы... Такой-то сказал. Такой-то заявил. Такой-то напомнил. Все правильно. Точный перевод с французского. Но когда перечитываешь эти фразы, написанные собственной рукой, хочется повесить-

ся с тоски. А ведь святое дело, митинг в защиту Сахарова! Люся * рассказывала, как они с Андрей Дмитричем берут транзисторы и уходят в ближайший лес, чтобы лучше слышать западные радиоголоса. В Горьком напротив их дома установили глушилку. В последний ее приезд в Париж, когда Говоров пришел к ней в гостиницу, Люся повторяла: «Ребята, если Запад нас забудет, если Радио перестанет упоминать имя Сахарова, Андрей Дмитриевич погибнет, его просто уничтожат физически!» Надо отдать справедливость Радио, оно Сахарова не забывало. В Гамбурге числились даже специалисты по Сахарову. Говоров из Парижа сделал о нем не меньше сорока передач. Все слова уже были сказаны и пересказаны. Как найти что-то новое? Помнится, в одну из годовщин высылки Сахарова в Горький у советского посольства в Париже собралось всего лишь двадцать человек. Обычно на митинг протеста приходило несколько сотен, а тут — или французам надоело, или виной был сильный дождь. И тогда Говоров обратил внимание на старого профессора математики, который стоял без зонта, с непокрытой головой. Что заставило этого старика, мировую величину в науке, в поздний час, в непогоду дежурить у посольства? И репортаж получился. Но сейчас полная муть: такой-то заявил, такой-то сказал, собрание единодушно приняло... Говоров нервничал и проклинал себя и всех на свете... В пригороде Горького сквозь визг электрической пилы и грохот дробильных машин Люся различит его голос и скажет: «Андрей, это Говоров, слушай!» «Конечно, глупо надеяться,— писал Говоров,— что воздушные шары, запущенные в честь академика Сахарова с площади Трокадеро, долетят до Горького. Однако, возможно, долетит мой рассказ об этом событии...» Хоть одна живая фраза. Уф! Теперь скорее в студию. Толя запишет и передаст корреспонденцию по телефону в Гамбург. Неужели завтра Говорову опять навесят актуалку? Надо позвонить в Гамбург и предупредить, что он работает над большой статьей для своего радиожурнала. Хоть раз в неделю он имеет право писать что-нибудь стоящее, то, что может сделать именно Говоров, а не любой?

Когда-то, когда он был писателем, у Говорова сложился определенный стиль работы. Бурным финишем,

---

* Елена Боннэр, жена Сахарова.

работая ночами, он заканчивал книгу, и голова освобождалась. Да, начинались редакционные хлопоты, нервотрепка по пробиванию рукописи, ругань с редакторами, но внутренне Говоров отдыхал. На Радио этой передышки у него не было. За сегодняшней сделанной статьей неотвратимо маячила завтрашняя, и Говоров уже думал о ней.

Оставалось мечтать о последней корреспонденции, после которой он засядет за «нетленку», и будет писать о женщинах и рысаках, о великом искусителе и блаженном обманщике, о том, как летят гуси и как поезд шел, спотыкаясь на станциях.

Он ничего не хотел сообщать Шафранову о разговоре с Беатрис. Очередная интрига Лицемерной Крысы. Зачем нервировать парня? Но когда складывали журнал, в котором стоял материал Виктора Платоновича, посвященный Пастернаку, получился перебор на две минуты. Надо было что-то сокращать. Толя предложил выбросить пару абзацев из статьи Путаки.

Словно в шахматной партии, Говоров просчитал возможные комбинации. Дело было не в минутах, а в человеческих отношениях. Ведь он специально подобрал программы так, чтоб сокращение было необходимо. Говоров знал, что он хочет выбросить. Но инициатива не должна исходить от него, иначе Толя расскажет Вике, и тот обидится. Виктор Платонович — не просто друг Говорова, он его единственный союзник в литературном Париже. Обидеть Вика — значит толкнуть его в объятия к Самсонову. Сам же Вика сказал, что их контакты возобновились. Придется играть по-другому.

— Ты знаешь, на днях мне пришлось поставить Беатрис на место.

Говоров в красках передал всю сцену и охотно выслушал, что Шафранов думает по этому поводу. Конечно, Лицемерную Крысу давно пора повесить. Потом Говоров сказал, что, будь его воля, он бы вообще Петю Путаку не допускал к микрофону. Петя по третьему разу повторяет одни и те же темы. Исписался. Но связаны с ним договором, четыре передачи в месяц. Или мы их берем, или мы по французскому закону обязаны их оплачивать. Если Путаке платить, а его скрип-

ты выбрасывать в корзину, в Гамбурге взвоят. Скрипт, что стоит в журнале, и так сильно сокращен. Еще раз его трогать — совсем ничего не останется от Путаки. Толя, ты, как режиссер, помозгуй, может, вырезать у Вики, мне все там нравится, однако надо найти эти проклятые две минуты.

Кажется, теперь Шафранов что-то понял. Но играть была его очередь.

— По-моему, Платоныч слишком круто расправился с теми, кто еще жив...

— Угу, — сказал Говоров.

— Столько времени прошло, люди изменились...

— Угу.

Давай говорить объективно. «Владимирские проселки» Солоухина — хорошая книга.

— Угу. Но Солоухин — крепкий мужичок.

— А вот Сергей Антонов смертельно обидится. Конечно, влип он тогда. Но с тех пор... Вроде бы ни в чем не замешан... Если выбросить про Антонова — это примерно две с половиной минуты.

— Толя, я как-то был в сомнении, но раз ты такого мнения — давай режь.

Решение приняли совместно, теперь Толя не протрется. Смутно вспомнилось какое-то застолье с Антоновым. Начали в ресторане Дома литераторов, потом куда-то поехали... Когда стало известно, что Говоров эмигрирует, Антонов дал ему почитать свою рукопись. Оказал доверие. Не побоялся.

В Париже Говоров не царь и не бог. Но если от него зависит что-то сделать по справедливости, он это делает.

* * *

Кира не считала францушек красотками, совсем нет, и если она сама наведет марафет и не торопясь пройдет по улице, то к ней еще клеятся. Но чему она дико завидовала, так это их здоровью. В сорок лет шастают по городу энергичные и бодрые, как спортсменки-перворазрядницы, прыгают с электрички в метро, успевают не только на работе и дома, но и вечером в ресторане хвостом покрутить. Кире спуститься в метро — пытка, начинается сердцебиение и головокружение. Лекарств у нее столько, что впору хоть самой от-

крывать аптеку. Полночи она мучается, глотает разную дрянь и поэтому лишь к приходу Дениса из школы с трудом продирает глаза. Хорошо, что Денис привык, подает ей в постель сок и кофе, и уж потом Кира встает разогревать Денису еду. И каждое утро что-то болит — то грудь, то голова, то ноги. Всевозможные анализы она сто раз делала, а врачи ничего понять не могут. Даже с давлением они не могут справиться, давление у нее скачет на ровном месте. Московская подруга ей написала: «Если сорокалетний человек просыпается и не чувствует никакой боли, значит, он уже умер». Для московской жизни это не шутка. В России вообще сорокалетним бабам пора на свалку: бесформенные, рыхлые тетки с букетом болезней. А во Франции в сорок лет впервые рожают и жизнь начинают заново. Но ведь Кира — московская девочка, и ее молодость — это водка, сигареты, аборт. Один аборт в советской больнице — без обезболивания! — любую заграничную бабу инвалидом сделает. Противозачаточные средства — вспомнить страшно — на уровне каменного века. Эксперимент шел в масштабах государства, цель — увеличить поголовье трудящихся. А вот потом, когда сама захочешь ребенка, тут-то страху и натерпишься. Кто из ее подруг смог родить потом? Андрею казалось, что она ничего не боится: может уйти из дома, может бросить работу, может спать с женатым мужиком, может ждать его неделями — авось заглянет спяну... Писатель! Он, конечно, хорошо разбирается в истории, он сюжет здорово закрутит, но баб совсем не понимает. Когда он первый раз пытался развестись с Наташей, до суда дошло, но на суд Андрей не явился: не решился, пожалел Наташу. А Киру ему было не жалко, Киру побоку, поиграли с девочкой, и хватит? Как она сумела все это выдержать, не повеситься, да еще Андрея утешать, собирать его чайным ложками? Потом спрашивают: куда здоровье девалось?

Сейчас он ее пилит, мол, гоняешься за тряпками, вроде все у тебя есть... Вроде. Да юбка к кофте не подходит, сапоги — к юбке, пальто — к сапогам. Чтоб прилично быть одетой, тут большие деньги нужны. А мы в Москву переводы шлем. Для Москвы денег не жалко, но Андрей должен понять, что Кира обязана марку держать: вон сколько по улицам баб рыскает: подтянутых, энергичных и бодрых. Зазеваешься — уведут му-

жика. Пока Андрею не было стыдно выйти с Кирой на люди. Но в чем ей выйти, это же ее головная боль. Писатель, инженер человеческих душ! Он ей в Москве хоть одну тряпку купил, хоть одни колготки подарил? В голову не приходило. Духовной жизнью живем. Плюс постель. Почему же ей здесь не одеваться, если это возможно? Впрочем, она его не упрекает. Она его понимает. Самому Андрею всегда было плевать, во что он одет.

...Она заканчивала готовку на кухне, когда через окно услышала плач Дениса. Со скоростью и ловкостью кошки Кира выскочила во двор. Денис рыдал, держа в руках сплюснутый мячик. Всего-то мяч проколол, а ей померещились Бог знает какие ужасы!

— Папа вчера мне мяч купил,— отчаянно запричитал Денис, увидев Киру,— тридцать франков стоит. А я его слома-а-ал!

Кира обняла Дениса, прижала к себе. Но Денис не мог успокоиться:

— Мячик залетел на кусты и сломался... Все равно что выбросить тридцать франков в окошко.

Соседка, проходя по двору, улыбнулась. Наверно, это была трогательная сцена: кудрявый, вихрастый мальчик плачет, уткнувшись матери в живот. Бедный Дениска, подумала Кира, научился все-таки от отца считать...

— Ну давай я тоже поплачу. А-а-а! Так тебе легче? Мы сейчас пойдем в магазин и купим новый мяч. А папе ничего не скажем. Согласен? И нельзя по-русски говорить: «мяч сломался». Это французский оборот речи. Не играй около кустов. На них колючки. Любой мяч продырявят.

— Мы пойдем прямо сейчас?— всхлипывая, спросил Денис.

— Да, я только подымусь на секунду, выключу на кухне газ.

Денис поднял мокрую мордашку, и столько в его глазах было радости, что Кира сама чуть не заревела. И ей стало обидно, что Андрея нет с ними. Именно в такие минуты возникает контакт с ребенком, контакт и доверие на всю жизнь. Пропустит Андрей сына так же, как раньше пропустил Алену. Никогда у него не будет времени на детей. Потом спохватится, а Денис уже взрослый.

В магазине, кроме мяча, они покупали продукты, и Денис на ходу съел булочку с изюмом. Дома они увидели на диване чемоданчик Говорова. Значит, Андрей вернулся из бюро и отправился, по обыкновению, в длительную прогулку пешком. После работы он всегда гулял в одиночестве, чтобы снять напряжение дня и головную боль.

Андрей пришел к восьми, к последним известиям по телевидению. Полчаса новостей — святое дело, Денис знал, что отца нельзя трогать. После новостей, минут десять, Андрей задавал Денису скучные вопросы. Денис отнекивался, Кира морщилась: это называлось общением с ребенком, а ребенку спать пора. Андрей поцеловал Дениса в нос и отправился к себе в комнату, читать советские журналы. Кира уселась у телевизора смотреть фильм. Теперь она чувствовала себя в форме, теперь можно было бы пойти в гости или поехать в центр, прошвырнуться по Латинскому кварталу. Но Андрею все некогда — дела, дела...

Андрей вышел в одиннадцать. Лицо серое, глаза усталые.

— Кирка, давай ужинать... Что-то я нашел в «Дружбе народов». Неплохая статья про Трифонова. И есть с чем поспорить.

Стол был накрыт. Андрей залпом выпил две рюмки. По опыту Кира знала: о чем-либо с ним говорить бесполезно. Он уже отключился.

Такова ее парижская жизнь. Рассказать в Москве — не поверят.

* * *

Впервые Говоров заподозрил неладное, когда Виктор Платонович отказался поехать в Шотландию. Приглашает университет, все оплачивает, интересно, но не хочу. Это было так не похоже на Вику, обычно он пользовался каждым удобным случаем, чтоб сбежать из дома, особенно в путешествие за казенный счет. Может, подумал Говоров, для Вики после Австралии, Новой Зеландии, Японии и Бразилии Шотландия кажется близкой и скучной провинцией, вроде Курской области, а может, начинают сказываться годы? Все-таки Вика в возрасте, когда мелькание пейзажей за окном утомляет.

Впрочем, он даже рад был, что Вика остается в Париже. Ведь теперь каждый номер «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов» и других толстых советских журналов приносил сенсацию. Печатались «Белые одежды» Дудинцева, «Ночевала тучка золотая» Приставкина, рассказы Битова, ожидалась «Дети Арбата» Рыбакова. Если раньше Говоров требовал, чтоб ему как главному куратору (или чтецу, как хотите) советской прессы добавляли молоко за вредность, то нынче журналы рвали из рук, за ними выстраивались очереди. Если Говоров не успевал первым распечатать конверт с «Огоньком» и припрятать журнал в стол, то «Огонек» бесследно исчезал, испарялся в воздухе. Концов не найдешь, хоть полицию с розыскными собаками вызывай. И это «Огонек», который при Софронове можно было заставить читать разве что по приговору народного суда. Пришлось Говорову завести железный ящик, складывать туда журналы и запирать на ключ.

Обозревать, комментировать советские журналы стало одним удовольствием, и Вика был идеальным партнером для таких бесед.

Как и следовало ожидать, многие на Радио, особенно авторы из парижской «Вселенной», встретили горбачевскую перестройку в штыки, считая ее обманом, надувательством и пылью в глаза доверчивому Западу. Виктор Платонович и Говоров заняли иную позицию: если в экономике мало надежд на положительные сдвиги, то в искусстве, особенно в литературе, результаты налицо, число ранее недозволенных, невозможных публикаций растет как снежная лавина, поэтому перестройку надо всячески поддерживать и приветствовать. В Гамбурге у них был союзник Сережа, зав. культурной редакцией. Говоров и Сережа старались заказывать рецензии тем авторам, чье мнение они могли предсказать заранее. Самые интересные вещи предлагались Вике. Так постепенно менялась политика Радио.

Однажды Толя с мрачным видом заглянул к Говорову:

— Андрей, пойдй послушай, что Платоныч натворил.

Говоров утром подписал скрипт Вики «Обзор прозы «Нового мира». Все было в порядке. Наверно, у Шафранова очередной приступ усердия, когда Толя начал вырезать малейшие паузы, крошечные запинки. Цель — доказать, как он горит на работе. Но для горения Толе требовался зритель, иначе кто же оценит! Говоров вздохнул и пошел в студию.

Прослушав пленку, он понял, что дело швах. Вика читал с трудом, не выговаривал слова, голос срывался. Толя прав: в таком виде передачу нельзя пускать в эфир.

— Мы отдыхали, я поил его чаем, он перечитывал фразы... — Толя словно оправдывался. — Я думал, что вытянем... Но сам видишь...

Говоров вспомнил, что утром Вика показался ему больным: глаза слезились, много кашлял. Но раз Вика ничего не сказал, Говоров решил, что это от перекура.

— А не съездил ли Вика втихаря «в Гонолулу»?

«Съездить в Гонолулу» означало, что Виктор Платонович позволил себе маленький запойчик. Лет пять назад Вика был в отключке, а из Гамбурга потребовали его передачи. Тогда в редакции кто-то предложил: давай скажем, что Платоныч уехал в Гонолулу? С тех пор этот термин прижился...

Шафранов отрицательно покачал головой:

— Уверен, что нет. Ведь врачи категорически запретили ему пить.

— И курить тоже.

— Но Вика сегодня мне похвастался, что идет на побитие мирового рекорда: полтора года на сухом законце.

— А пиво?

— Пивом, конечно, иногда балуется.

Говоров набрал номер Вики. Трубку подняла Галя, жена В. П.

— Андрюша, я как раз собиралась тебе звонить. Уговори Вику вызвать врача. Несколько дней он какой-то не такой. Меня он посылает, а тебя послушается. Он прилег. Если не спит — позову.

— Ну что, начальничек, — спросил Вика бодрым голосом, — Галя тебя накрутила?

— Нет, невинный вопрос: ты случайно вчера не погулял по пиву?

— Комиссару по трезвости товарищу Говорову отвечаю: к сожалению, не гулял. Пил, как последняя сука, минеральную воду. А давно надо бы пропустить сто грамм с прицепом, потому что ты из меня пьешь кровь стаканами, загнал старика, заставляешь работать и работать.

— Заставляю зарабатывать деньги,— машинально ответил Говоров. Его поразило, как во время их разговора — буквально несколько фраз сказано — утончился Викин голос, перешел в срывающийся фальцет, тот, который был слышен на пленке.— Викочка, на этот раз я прошу тебя не работать. Сегодня ты плохо читал. Не волнуйся, мы зачем этот скрипт в зарплату. Возьми бюллетень. Придешь через неделю — перечитаешь. Отдохни, Вика.

Наверно, Говоров пережал. Вика почувствовал, что его жалеют, взбеленился и, оперируя одним и тем же, к сожалению, совершенно непечатным глаголом, сказал, что врачей он в рот, в нос, в глаз, и Радио, если им недовольны, он в рот, в нос и в глаз, бюллетень он тоже в рот, в нос и в глаз, и если Говоров попробует отдать обещанные ему книги на рецензию кому-нибудь другому, то он и Говорова в рот, в нос и в глаз.

— Вика, ты сначала реши, кто ты — Зоя Космодемьянская или Александр Матросов?

— Почему? — заинтересовался Вика.

— Потому что ты одновременно хочешь ходить босиком по снегу и закрывать грудью пулеметы. Не беспокойся, в жизни всегда есть место подвигу.

Говоров удачно сменил тон, и разговор налачился. Вика сказал, что он просто немного устал. Вот и прекрасно, завтра по почте я пришлю тебе журналы и свежие газеты. Сиди, читай, выбирай темы. Только вызови врача, тогда ты ничего не потеряешь в зарплате. Смотри телевизор и радуйся жизни. Когда придешь в бюро, мы спустимся в кафе, и я ставлю пиво. Зажмешь, сказал Вика. Клянусь, ответил Говоров, вот тебе крест на пузе.

Вика не пришел ни через неделю, ни через месяц. Больше никогда он не появлялся в бюро.

В хорошем застолье у Говорова была любимая новелла про Виктора Платоновича.

В. П. приезжает в Женеву к друзьям — писать книгу. Друзья, швейцарцы русского происхождения, выделяют В. П. самую большую комнату, приносят утром горячие круасаны, подают кофе, ходят на цырлах, не смеют дышать — писатель работает. Условия лучше, чем в любом советском Доме творчества. В. П. с вдохновением отмахивает страниц пятьдесят. Однажды за ужином В. П. распивает с хозяином бутылку вина. Хозяин в восторге: В. П. такой прекрасный собеседник, знает кучу смешных историй! Утром В. П. исчезает из квартиры и появляется лишь вечером, пошатываясь, но еще бодрый. Серия рассказов продолжается, правда, хозяин только успевает открывать бутылки с пивом. На третий день энтузиазм хозяев улетучивается. В. П. в мрачном настроении лежит на кровати, ничего не ест, потягивает из горлышка бутылку коньяка. Хозяйка в панике звонит в Париж жене В. П. Галя дает категорическое указание — убрать из квартиры все спиртное. Напрасно В. П. шарит по буфету и холодильнику — там лишь молоко, соки, лимонад и прочая мерзость. Тогда В. П. нетвердыми шагами направляется напрямиком в ванную. Очистить ванную комнату швейцарцам в голову не пришло! Методично В. П. опустошает запасы райских напитков: одеколон, туалетную воду, лосьон, духи, лак для ногтей. Потом в прекрасном расположении духа садится к телефону и, пользуясь автоматической связью, обзванивает пол-Москвы. Особенно оживленно происходит разговор с Юликом Кимом. После обмена новостями и объяснениями во взаимной любви (у В. П. это звучало так: «Умираю, соскучился по тебе, засранец») В. П. упрощает Кима спеть несколько новых, а потом несколько старых его песен. Ким поет. В. П. на другом конце провода подпевает. В соседней комнате хозяйка третий раз стаскивает хозяина с табуретки, ибо тот уже намастырил петлю и упорно пытается повеситься: после такого телефонного счета не только семейный бюджет — Швейцарский банк лопнет!

И что вы думаете, спрашивал Говоров, швейцарцы, которые готовы удавиться за каждый свой твердый франк, рассорились с В. П., отказали ему от дома? Куда там! Остались лучшими друзьями, зовут к себе, ждут не дождутся, когда В. П. снова осчастливит их своим посещением!

Гости (когда-то у Говоровых было много гостей) обычно сползали под стол, а Вика, участник подобных сборищ, жмурился и невозмутимо повторял:

— Про лак для ногтей — перебор, это, Андрюха, твоя чистая писательская фантазия.

Может, фантазия, хотя Сима Маркиш, преподававший в Женевском университете, клялся, что так оно и было, и подозревал, что В. П. употреблял лак не в состоянии беспамятства, запойной горячки, нет, это был акт протеста или злостного хулиганства, дескать, раз вы так со мной — то я так, и не смейте мне запрещать, меня спасать, беречь мое здоровье — сам разберусь, давно вышел из пеленок.

Вика всегда удивлял Говорова полной свободой своего поведения. Казалось, в характере Вики вообще отсутствует понятие «должен», которое давило на Говорова и определяло его поступки. Вика делал то, что хотел (тогда, когда это ему было удобно), писал то, что хотел (и писал много, легко, не мучась), встречался с теми, с кем хотел встречаться (для него не существовало обязательности: мол, иначе люди обидятся. Обидятся — черт с ними!). Весь ритуал ответных визитов, ответных звонков, необходимых присутствий Вика откровенно презирал. И ему не только прощали то, что никогда бы не простили другим, его все, за исключением активных подонков с большим самолюбием, любили. Видимо, люди чувствовали, что в тот момент, когда Вика с ними, это не вежливость, не отбывание номера, нет, они ему действительно интересны. Вика не суетился, не налаживал связи, не устраивал жизнь, но у него была квартира в Женеве (тех самых швейцарцев), куда он мог приезжать, запереться и работать, вилла на Лазурном берегу (принадлежавшая бывшему французскому послу, но всегда в распоряжении Вики); за Вику хлопотали доброхоты, устраивали ему выступления в Америке, поездки за моря и океаны; когда Вика болел или путешествовал «в Гонолулу» (в последнее время все реже и реже), вокруг него сама собой сплачивалась команда спасателей, у Вики был свой госпиталь (около Нанси), свой личный русский врач...

Вот этот врач и позвонил Говорову через пару недель после того, как Вика лег к нему в больницу на обследование.

Мы сделали все, сказал врач, все возможное и невозможное, мы будем его лечить, проведем курс интенсивного облучения, но будьте готовы к тому, что это может случиться в любой день, лично я даю ему срок не больше трех месяцев.

— Он паникер,— ответил Савельев.— Он и мне звонил, всему Парижу развонил. Ты был еще в Москве, когда здесь врачи приговорили Вику к смерти. А он выкарабкался. Я верю в Платоныча. Он выберется и на этот раз.

— На что он будет жить?— спросил Говоров.— Я не уверен, что он в скором времени сможет работать.

— А вот теперь мы запустим твой вариант, который ты давно предлагал. Сделаем Вику консультантом с постоянной зарплатой. Солдат спит, служба идет.

— Ты думаешь, в Гамбурге поймут?— усомнился Говоров.

— Я думаю, что только такие вещи американцы и понимают.

* * *

Раньше Говоров плутал в лабиринтах Ванв, теперь маршрут был освоен наизусть. И ритуал тоже. В девять вечера Говоров подъезжал к многоэтажному корпусу, где жил В. П. От дальней, освещенной высокими уличными фонарями двери отделялась фигура, и Кира спешила навстречу, чтобы взять Вику под руку. Мелкими шажками, то нагоняя свои тени, то обгоняемые ими, Кира с Викторией приближались к машине. Тем временем Говоров как бы надевал маску: деловая озабоченность? да! дружелюбие? естественно! внимательность? конечно!—но никакого болезненного сочувствия Вика не должен был заметить на его лице. Говоров не должен был подниматься за Викторией в его квартиру («Сцены у постели не будет»,— раз и навсегда отрезал В. П.), не должен был помогать Вике пересечь двор («Я до Парижа сам добираюсь, не инвалид»), однако от Кириной поддержки Вика не отказывался. Кира сразу находила какие-то ничего не значащие, но ласковые слова, и на заднее сиденье они забирались, как два воркующих голубка. «На порт Версаль, шеф»,— говорил Вика, как

давал приказ таксисту, и они колесили по темным парижским пригородам, пока не врывались в огни Версальских ворот, и тут, у кафе с прыгающими разноцветными лампочками, Говоров тормозил, Кира осторожно выводила Вику из машины, а Говоров рулил дальше в поисках стоянки.

Припарковавшись, Говоров не торопился в кафе, делал круг по ближайшим переулкам, якобы, как он объяснял Вике, проветрить голову — на самом деле проверял, прочно ли прикипела маска. Ведь недавно Говоров чуть не сморозил глупость, с его языка чуть не сорвалась фраза: «Скоро на этом кафе вывешат мемориальную доску», — в последний миг он спохватился, проглотил слова, даже покраснел. Впрочем, Говорова особенно и не ждали. Вика явно предпочитал общество Киры, она была для него идеальной собеседницей, все старые байки про Корнейчука и Соколова-Микитова выслушивались с неподдельным вниманием, они ее искренне развлекали. Говорову казалось, что Кира разговаривает с В. П., как с Денисом, — о чем бы ни болтал Денис, для Киры это было всегда важным.

При появлении Говорова Вика заказывал еще пива. Официанта В. П. вызывал несколько по-барски (в Париже официанты отвыкли от такого обращения), но молодой испанец (или бразилец), нисколько не обижаясь, отвечал колкими шуточками, взамен получал такие же — и с официантом у Вики был свой, особый контакт, официант как должное принимал манеру поведения В. П.

Говоров извлекал из чемоданчика свежую советскую прессу. Разговор переходил на профессиональные рельсы. Теперь Говоров чувствовал себя в своей тарелке: будто, как раньше, они сидят в редакции и совместно намечают для Вики темы дальнейших выступлений по Радио. «Это я никому не отдам, оставляю за тобой, как сможешь — сделаешь два скрипта». И тут не было игры или притворства ни с чьей стороны. В. П. был уверен, что, как соберется с силами, напишет, а Говоров — что рано или поздно получит этот материал. Кончалась публикация «Детей Арбата», В. П. с нетерпением ждал последних номеров «Дружбы народов». Как только журнал приходил в редакцию, Говоров прочитывал его за вечер и на следующий день сам доставлял Вике или передавал через Савельева или Ша-

франова, тоже встречавшихся с В. П. в том же кафе. О романе Рыбакова спорили в редакции, и отголоски этой дискуссии вспыхивали за столиком у Версальских ворот. В который раз мнения Говорова и В. П. совпадали: роман написан так себе, но образ Сталина очень интересный, особенно для советского читателя, в этом и основная ценность «Детей Арбата». Ну, Савельев и Шафранов — максималисты, требуют от советского писателя невозможного, мы-то с тобой были советскими писателями, помним всю обстановочку. А никто из «Вселенной» не прорезался, сам Лева Самсонов голос не возвысил? Прорезались. Но я сказал, что «Дети Арбата» за тобой. Товарищ Самсонов, разумеется, свой руководящий голос возвысил. Четко выразился в том духе, что Рыбаков написал роман по заказу КГБ, дескать, у них теперь такая установка. Даже ко всему привыкший Боря принес мне его скрипт несколько потрясенный. Я выбросил его в корзинку. За что люблю Леву, так это за постоянство. С ним никаких неожиданностей. Я о Рыбакове сделал беседу с Мишей. Он против романа, но он профессор-историк; у него серьезные аргументы. Побил он тебя? Не думаю, в конце концов, у нас свободная трибуна. Вот приступлю к работе, и мы вернемся к этой теме.

И, обсуждая так редакционные дела, Говоров все больше убеждал себя, что конечно, врач — паникер, вышел же Вика из больницы, вон как у него прекрасно работает голова, ну да, слабость, но это от облучения, курс скоро кончится, Вика выкарабкается, иначе быть не может, иначе это нелепость, глупость, бред собачий!

Иногда вдруг голос Вики срывался, на глазах выступали слезы. Вика вытирал лицо платком, закуривал, круто матерился.

— Извините, ребята. Мучают меня врачи. Говорят, осталось месяц терпеть. Потом заживу как человек.

И тогда Говоров думал, что если советские товарищи увидят В. П. в таком состоянии, то кто-нибудь непременно напишет: мол, плакал В. П. от тоски по родине, затюканный нищетой и эмиграцией. Неужели не поймут, что слезы — от боли, от физической немощи, что тело твое перестает тебе подчиняться? Но мысль, что Вика мог плакать в предчувствии смерти, Говоров начисто отметал; не знал В. П. диагноза своей болезни и был уверен, что проживет до ста лет.

А если знал, да только вида никому не показывал?

Упрямо, вопреки всем медицинским рекомендациям, просиживал В. П. почти каждый вечер в кафе у Версальских ворот. Потом это место ему надоело, устроил себе вечернюю резиденцию в кафе на Монпарнасской площади. Чаще всего на свиданку к В. П. приезжали молодые ребята, Сережа и Женя. В. П. нравилось, что ребята общаются с ним запросто, без подобострастия и сюсюканья, принимают за своего. Не забывали В. П. Савельев и Шафранов. Бывали там и его старые друзья из Москвы. А вот из «Вселенной» никто ни разу не появился.

Плотно опекал В. П. его приемный сын Витя. Привозил в кафе и отвозил домой. Возникал в середине вечера и, как бы проверяя, шутил:

Ну что, старый Мазай разболтался в сарае?

Исчезал куда-то, возвращался к одиннадцати, заказывал себе пива, смотрел на часы:

— Напозволяли себе, Платоныч, ох напозволяли. Ладно, погуляли, и хватит.

В. П. соглашался, не капризничал. Он и впрямь уставал к этому времени. Витя вел его к машине, слегка поддерживая плечом.

Это то, чему свидетель был Говоров. Наверно, так происходило и в другие вечера. Во всяком случае, Говорову хотелось, чтоб когда-нибудь Денис так же заботился о своем отце.

* * *

Две новости выпали в один день. Гамбург, после письма Бориса Савельева и бесчисленных переговоров с Парижем, утвердил для В. П. должность консультанта. Говоров присутствовал при последнем разговоре, когда все уж было подписано и Борис благодарил какого-то высокопоставленного американца за чуткость и внимание к больному русскому писателю. Как бы между прочим Борис сказал:

— Вы же понимаете, в сущности это формальность, на несколько месяцев...

Говорова неприятно кольнули эти слова, но потом он решил, что Борис прав, с американцами так и надо, пусть думают, что дешево отделались. Теперь В. П. по-

лучит зарплату за все месяцы болезни, а дальше будет потихоньку, не напрягаясь, что-нибудь пописывать или комментировать. Раз ставку выбили — ее не отберут. Вика прошел Сталинград, тяжелое ранение в Польше, две серьезнейшие операции, где ему пророчили смертельный исход. Вика везунок, у него железный организм. Он подмигнет и покажет фигу врачам, а гамбургская бухгалтерия может повеситься от тоски и перерасхода фондов.

Такую добрую весть надо было соответственно привезти, а не отделаться будничным телефонным звонком. Кто поедет на встречу к В. П.? Говоров вызвался, однако почувствовал, что Борис, несмотря на домашний детский сад (у него тогда было трое, четвертый намечался), очень хочет отметиться сам. Что ж, Говоров не настаивал, Савельев заслужил, он же больше всех хлопотал.

Под это дело Борис смылся рано из бюро, а Говоров сидел до шести вечера, потом, чтоб не застревать в пробках, оставил машину в гараже и пошел гулять в район Елисейских полей. Прогулка затянулась. Говорову порядочно надоел его двенадцатый арондисман, по которому он маршрутировал ежедневно, а тут новые улицы, совсем другой Париж, праздничный, туристский. Вернувшись в гараж, Говоров подумал, что можно бы подъехать к кафе на Монпарнасе, Савельев туда уже прибыл, в конце концов, Говоров никому не помешает, и Вика обрадуется, но, вздохнув, отмел такой вариант: Боря решит, что он хочет примазаться к чужим лаврам, возникнет напряженка в отношениях, не надо. Когда в лавке два хозяина, требовалось быть чутким и деликатным, чтобы не переступить границы. Бюрократические тонкости, которым Говоров научился.

Кира встретила его странным, долгим взглядом. Говоров всполошился. Что случилось? Он не любил, когда Кира задавала ему загадки.

— Ты победил, Говоров, — со значением в голосе сказала Кира, — звонила Москва. Алена и Лизка получили разрешение.

Говоров плюхнулся на диван. Теперь ему стала понятна Кирина торжественность. Круто менялась их жизнь. Алена и Лизка приедут во Францию. Итог че-

тырехлетней борьбы. А ведь он почти потерял надежду вытащить девочек. Что же сыграло решающую роль? Визит Ширака в Москву, когда он пригласил Алену на прием в посольство, беседовал с ней и это, конечно, засекали советские товарищи? Или письмо генерала Гамбьеца Горбачеву? На личную просьбу генерала, одного из председателей Общества франко-советской дружбы, помощники Генерального секретаря должны были как-то прореагировать. А может, как в сказке о репке, внучка за бабу, Жучка за внучку, кошка за Жучку — плод совместных усилий, накопилось, достаточно было последнего демарша, присоединилась мышка и выдернули репку?

Говоров заказал Москву и, ожидая разговора, выспрашивал у Киры подробности. Сегодня позвонили Наташе, Алены не было дома, сказали: вашей дочери и внучке дано разрешение на выезд во Францию на постоянное жительство. Кто звонил? Не назвались. Наташа поблагодарила и повесила трубку. Почему не спросила подробностей? Не хотела, пойми, для нее это потрясение, она готовила себя к отъезду девочек, но инстинктивно надеялась, что этого не будет.

Москву не давали. Линия перегружена. В два часа ночи Говоров отменил разговор. Дозвонился в семь утра. Подошла Наташа. Говорила с ним, как всегда, подчеркнуто сухо, без малейших эмоций, а у него при звуках ее голоса сердце разрывалось, и он, как всегда, виновато твердил: ты не будешь жить одна, вот устрою девочек и вызову тебя, Алена вызовет, и мы будем рядом, в одном городе, десять лет между нами была пропасть, глухая стена, хватит! «Не слишком много ты на себя взваливаешь?» — спросила Наташа. «Нет, я все выдержу, я смогу прокормить вас, обеспечить нормальную жизнь, а дальше Алена найдет работу, ты найдешь работу, не найдешь — не страшно, у меня большая зарплата», — и та-та-та, и та-та-та — их слова гулко резонировали в трубке, разговор явно прослушивался и записывался на магнитофон.

Теперь он звонил в Москву каждый день. Там происходила какая-то чертовщина. Алена была в районном ОВИРе, Алена была в городском ОВИРе, Алена говорила с начальником ОВИРа — все ей ласково улыбались, даже поздравляли, но утверждали, что им пока ничего не известно, советовали ждать, тот звонок был

не от них. От кого же? Может, это чей-то розыгрыш или шутка ГБ? Не похоже. Там, конечно, веселые ребята, но не до такой степени. Впрочем, кто знает...

Говоров связался с французским Министерством иностранных дел. И там полная неопределенность. Вроде что-то сдвинулось, но конкретно... Знакомая дама обещала дать телекс в посольство.

Прошло две недели. Алене ни ответа ни привета. Все это смахивало на кошмарный сон. Говоров бегал по потолку.

Однажды вечером Кира предложила:

— Давай подыдем на Монпарнас.

— Ты уверена, что он в кафе? Может, позвонить домой, проверить?

— Не надо. Если не застанем, будет у тебя повод для прогулки.

Говоров подумал, что за все это время он ни разу не вспомнил про Вику.

...Все столики внизу были заняты, к стойкам прилипла публика. Они поднялись по лестнице в верхний зал. Пустыня, освещенная блеклым светом ламп с красными пластмассовыми абажурами. И лишь в углу, спиной к ним, сидел человек в старой, выцветшей ковбойке, знакомый, коротко остриженный затылок. Человек читал «Литературную газету». На их шаги человек обернулся. У него было совершенно мертвое лицо.

— Ребята,— сказал Вика.— Вы приехали? Вы приехали! Отвернитесь, я сейчас вставлю зубной протез, приведу себя в порядок.

Они позвали официанта, что-то заказали, начались тары-бары-растобары. Потом, сославшись на головную боль, Говоров отлучился на минут двадцать сделать круг по улицам. На самом деле ему нужно было время — осознать очевидную истину: это не только возможно, это неотвратимо. И еще он понял, что не хочет видеть Вику таким, пусть навечно в его памяти В. П. останется прежним. Говоров понимал, что этой мыслью ни с кем не поделишься, выглядит не очень красиво, и постарался загнать ее куда-то под ворох первейших дел и обязанностей, что крутились в его голове.

Вернувшись, он увидел, что у Вики оживленные гла-

за и вообще, кажется, все нормально. Говоров малодушно поспешил отогнать мрачные предчувствия. Мало ли что померещилось? Вечер катился по привычному кругу. К одиннадцати возник улыбающийся Витя. Расставались с шутками. Договорились почаще встречаться.

Алене пришло разрешение, датированное тем днем, когда был первый звонок. Все завертелось. Надо было срочно искать квартиру для девочек. Алена взяла билет на самолет на шестое сентября. Кира заказала две студии в роскошной резиденции на набережной в Ментоне. Решили, что поедут все вместе, черт с ней, со школой, Денис нагонит пропущенный месяц — после всего пережитого и он имеет право на заслуженный отдых.

Все налаживалось в этом лучшем из миров, и то, что Вику опять положили в больницу на обследование, показалось всем разумным и естественным: поближе к врачам — так спокойнее.

Первого сентября, листая советские газеты, Говоров обнаружил в «Московских новостях» статью писателя Вячеслава Кондратьева. Кондратьев писал, что книги В. П. входят в золотой фонд советской военной литературы, и надеялся на их скорейшее переиздание в Союзе.

В кабинете Говорова собралась вся русская редакция. Газета переходила из рук в руки. Праздник! Впервые с момента эмиграции В. П. о нем хорошо отозвалась советская пресса. Говоров сделал одобрительный комментарий к статье Кондратьева и послал корреспонденцию по телефону в Гамбург — пойдет в сегодняшней программе. Кто отвезет «Московские новости» в больницу к Вике? Толя Шафранов вызвался поехать сразу после работы.

Говоров чувствовал, что надо бы ему самому, ведь он не был у Вики с того вечера...

— Поздравь Вику, — сказал Говоров Шафранову, — и передай от меня, что я замотался, но обязательно навещу его на днях.

Утром Шафранов рассказывал, как радовался Вика, даже заплакал. Просил его не забывать, привозить побольше советских журналов и какого-нибудь легкого чтива. Желательно Сименона.

На следующий день, третьего сентября, Вика умер. Последние слова он успел сказать сыну:

— У меня ощущение, что я ударился мордой об пол.

* * *

В русскую церковь на улице Дарю Говоров приходил только на панихиды и похороны. Ему были неведомы торжественные обряды свадеб, Пасхи или Рождества, когда храм сиял, кругом улыбающиеся лица, радостный хор голосов упруго бил в высокие своды, изображающие голубые с золотом небеса, откуда наверно кто-то же благосклонно помахивал ручкой. Нет, Говоров привык, что в церкви его встречали легкие, скрывающиеся в полумраке огоньки свечей, скорбные фигуры стариков и строгие лики с икон, провожающие очередных. Обычно Говоров находил Вику, и они с ним старались держаться в задних рядах, чтоб не маячить, когда остальные, при определенных словах заупокойной молитвы, опускались на колени. Вот тут особенно проявлялась их какая-то внутренняя связь: сочувствуя горю, разделяя его, они не подчинялись форме, не отвешивали притворные поклоны — может, это был их внутренний протест против тех, кто, едва успев пересечь государственную границу, с афишируемым рвением приняли крещение, бросились в религию, как вступали в партию. Или демонстративная верность тому нелепому и нехитрому ритуалу в Союзе писателей, в котором они столько раз участвовали, провожая в последний путь своих друзей? А может, В. П. вообще предпочитал простой обряд своих военных лет — маленький холмик земли, куда воткнут фанерный щиток с красной звездой, и винтовочный залп в воздух? Может быть, может быть. Они никогда не обсуждали этих проблем, однако Говоров помнил, как на панихиде по Галичу — не на похоронах, а через год — когда привалило много народу, словно на престижный светский раут, и в центре, в почтительном полукруге публики Ангелина Галич, вся в черном, на коленях, неистово крестилась и била поклоны, Вика мрачно буркнул в ухо Говорову: «Ну зачем этот театр?»

И вот теперь панихида по Вике!

Как всегда, проникновенно и грустно пел церковный

хор. («Какой хор? — подправил бы Вика. — Несколько божьих одуванчиков и этот, как он называется, дьячок?») Были: вся Викина семья, русский отдел Радио, несколько человек из русской парижской газеты, актер Лева Круглый с женой, художники Задорнов и Целков, Синявские, супруги Ниссены, на квартире которых когда-то, на заре своей парижской жизни, останавливались Галич, В. П., Марамзин, Говоров... Не густо. («Предварительная пристрелка, разведка боем, — иронически хмыкнул бы Вика, — полный парад-алле будет на похоронах») Грузный Лева Самсонов с крупной седой головой — за последние годы совсем стал седой! — не выпячивался. «Нас мало, и нас все меньше, и, самое главное, все мы врозь» — вспомнилась строчка из рок-оперы Вознесенского. Кстати, В. П. совсем не был в восторге от этого спектакля: «Слишком много шума и звона, а я поклонник Станиславского». Говорову, напротив, рок-опера нравилась... Когда-нибудь придет и его черед. Здесь? С церковным отпеванием? А куда денешься? («Или ты закажешь духовой оркестр, — ехидно заметил бы Вика, — и грузовик с черно-красным полотнищем на бортах?»)

Нет, это невозможно, подумал Говоров, никакого отношения к В. П. это не имеет. Вика сейчас сидит где-нибудь в кафе, потягивает пиво, потешается над нами, дураками, — вон как ловко он всех разыграл... А вообще, есть над чем посмеяться. Самсонов собирается толкать на похоронах речугу! Где совесть у человека? Выгнал В. П. из «Вселенной», пытался испортить ему жизнь на Радио, а теперь рвется в лучшие друзья! А что мне делать, не устраивать же свару на паперти? Понимаю, у семьи, у Гали и Вити, сложные отношения с Самсоновым. И они хотят русское кладбище. Престиж! Но ведь это обязательное подселение в «чужую могилу»! Вика говорил, что в случае чего предпочел бы около дома, на Ванв... Конечно, решает семья. Ты в этом не участвуешь. Тогда все публичные представления без меня. Ты не придешь на похороны, и таким образом для тебя Вика не умер. Сидит в кафе у Версальских ворот, уехал в Женеву, в Австралию, скоро вернется. Будем ждать.

Надо лишь предупредить Витю, объяснив тем, что завтра приезжают девочки и заказана квартира в Ментоне. Витя поймет. Разумеется, в русском Париже пой-

дут разговоры, особенно возмутятся во «Вселенной» — вон, дескать, каков лучший друг... Но Говоров полагал, что если для чего-то и нужны колокольни, то именно для того, чтоб с них плевать на общественное мнение.

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

На следующий день после панихиды в русской церкви Говоров поехал в аэропорт «Шарль де Голль» встречать самолет из Москвы.

Никогда так осторожно он не вел машину, боялся грузовика, который врежет в борт, пьяного лихача, который прилипнет сзади, сумасшедшую бабу, которая резко затормозит перед ним, — всем уступал дорогу! Четыре года он упирался в глухую стену, и вот через час он должен увидеть девочек — как легко все разрешилось, слишком легко, слишком неправдоподобно — наверно, судьба подстроила какую-то ловушку, он на радостях расслабится, и тут ему на голову свалится если не метеорит, то элементарная авария на шоссе.

Небо было окрашено в спокойные закатные тона, никто Говорова не подрезал, колесо на ходу не спустило — словом, он приехал благополучным образом за полчаса до прилета самолета.

Подозрения о каверзах судьбы возобновились, когда пришли японцы, летевшие через Москву, родные соотечественники («Я милого узнала по походке»), которых встречали товарищи из посольства, экипаж самолета (летчики важно несли на челе достоинство советского человека, а стюардессы, возбужденные предстоящей ночевкой в Париже, обалдело щебетали), чемоданы с движущейся черной лентой разобрали, зал опустел, а Говоров все стоял, прилипнув к стеклянной стенке, — девочек не было! Так вот она, разгадка безоблачного вечера, — над Говоровым посмеялись, девочек просто сняли с рейса!

И тут не с лестницы эскалатора, от которой он не отрывал глаз, а откуда-то сбоку выплыла тележка с вещами, а за ней, растерянно озираясь, шла Алена, держа за руку маленькую девочку в светлом платье с красной полоской. Он почему-то думал, что Лизка выше ростом. Алена увидела его, показала Лизке, Лизка подбежала к стеклу, состроила рожицу. Аля, его Аля

совсем не изменилась за одиннадцать лет, так и выглядит десятиклассницей...

— Папа, не плачь,— сказала Аля крепким, взрослым голосом.— Иначе я тоже заплачу, и тогда Лиза подымет такой рев! В вашем чертовом аэропорту никто не говорит по-русски, мы заблудились.

Денис их встречал у дома, а Кира выглядывала из окна. И потом был ужин. Говоров не знал, что бы такое вкусенькое еще подложить Алене в тарелку, Алена смеялась («Папа, ты забыл, что для москвичей и обыкновенная ветчина — роскошь»), Кира сочувственно охала, Лизка ела мало, от всего воротила нос, непривычно, начала прыгать со скакалкой прямо в квартире, неугомонный ребенок! И ангел семьи, распластав вафельнополотенчатые крылья, повис под потолком. •

Утром Говоров позвонил на работу. Борис сообщил, что похороны Вики отложены на конец недели. Говоров сказал: «Тогда мы завтра уезжаем в Ментону». И вообще он уже числился в отпуске.

Чтоб дать возможность Кире и Алене выспаться, он рано утром увел Лизку из дома. Сначала он купил ей джинсы, и в новых джинсах и с цветами они заехали в Венсеннский замок к генералу Гамбьезу. Говоров объяснил, что девочки прилетели только вчера, и вот первому из официальных лиц, кому мы решили нанести визит, это вам. Старик растрогался. Прибежала его секретарша, какие-то военные. Генерал сказал, что он твердо надеялся на свое письмо Горбачеву, иначе быть не могло, перестройка. Говоров подтвердил: конечно, только благодаря вашему заступничеству. Лизка насупленно слушала непонятный ей язык.

Потом был поход в зоопарк, и тут Лизка разгулялась. Особенно ей понравились обезьянки, тигр, мороженое и карусель. На карусели катались три раза. Говоров смотрел, как она проплывает мимо него на самом высоком верблюде с победной улыбкой укротительницы, и чувствовал себя совершенно счастливым.

Ангел семьи потерялся по дороге на юг, хотя сама дорога прошла прекрасно. Остановивались в дорогом отеле в Авиньоне. В Ментоне было солнце, теплое море, Алена и Кира много загорали, Лизка научилась плавать, и ее силой (и обещаниями мороженого) приходилось вытягивать из воды. Внешне все было

превосходно, но очень скоро Говоров понял, что отношения между Аленой и Кирой не складываются. А ведь он, кажется, все предусмотрел. Он догадался, что, пока они все вместе, в одной квартире, Алене будет неприятно видеть, что он спит с Кирой — ревность за маму! Уже с первой ночи Говоров предоставил девочкам свою комнату, а сам лег в проходной, на диване. В Ментоне одну комнату заняли Кира с Денисом, другую — девочки. Говоров спал в лоджии на раскладушке, что было не очень удобно: будило солнце. Кира понимала, что так надо, однако обиделась, это ей напоминало длительную и, по ее мнению, унижительную ситуацию в московской жизни. И Алене и Кире надо было уделять много времени, каждой отдельно, что Говоров и делал, но это не спасало положения. «Ты прыгаешь перед Аленой на задних лапах», «Ты живешь у Киры под каблуком, с мамой ты был другим», «Алена должна понять, что после тяжелого года работы тебе нужен отдых», «Кира хоть раз может пойти в магазин без тебя? Что значит тяжелые сумки — а как мы в Москве!» Говоров все это выслушивал, объяснял, оправдывался и чувствовал себя кругом виноватым. Он находился как бы между двумя сильными электрическими полями, в воздухе пахло грозой, вот-вот сверкнет молния, но он не мог допустить этой молнии, то есть ссоры, скандала — ведь это была его семья, любимые люди! Он нервничал, и они тоже: чувствуя, что он нервничает, всем становилось хуже. Кончилось тем, что Кира с Денисом вернулись в Париж на неделю раньше. Кира сказала: «Нельзя, чтобы Денис запускал занятия в школе». Все согласились, понимая, что это благовидный предлог.

Ничего не поняла только Лизка. Она приняла большую семью как праздник. Она сразу привязалась к Кире, ей было интереснее с ней, чем с Говоровым, ведь Кира умела играть с детьми. Лизка поехала провожать Киру и Дениса на вокзал. Когда красные фонари последнего вагона скрылись за поворотом, Лизка вдруг начала громко плакать, буквально рыдать, повторяя: «Кира, Кира!» Говоров успокаивал девочку. Вокруг них собралась толпа. Люди думали, что они опоздали на поезд.

Электрическое напряжение не разрядилось и в Париже, хотя девочкам быстро сняли квартиру неподале-

ку. Между Кирой и Аленой было полное взаимопонимание, когда речь шла о помощи друг другу или когда кто-то заболел. Даже покрикивали на Говорова, мол, медленно поворачивается, а у Дениса (у Лизки) температура. Но как они не любили, когда ему было хорошо и весело с другой! Вернувшись из леса после воскресной прогулки с девочками, он обязательно находил Киру в раздраженном состоянии. Если он вечером шел с Кирой в гости, то назавтра Алена с ним разговаривала сквозь зубы. Совместные походы, совместные мероприятия заканчивались жалобами с обеих сторон: дескать, зря потеряли время, согласились лишь потому, чтоб сделать Говорову приятное, но разве он не видит, что им лучше общаться как можно меньше? У Алены были сложности с оформлением французских документов, Говоров и этим занимался, Алена мечтала о приезде Наташи («Без мамы я в Париже не останусь, смог нас вытащить, вытащи и ее!»), а Кира ехидно спрашивала, не перепутала ли Аля его с Рокфеллером? Зато как приятно было в обеденный перерыв звонить из бюро по обоим телефонам, узнавать о здоровье, мелочах быта, слышать их милые голоса, сознавать, что они рядом. Все постепенно образуется, думал Говоров, хотя понимал, что ничего не изменится, просто ему надо привыкать к новому образу жизни — жить под током.

Что еще?

А еще было посещение всем семейством русского кладбища на Сен-Женевьев-де-буа, и когда Говоров увидел, как «подженили» Вику на госпоже Клячкиной, он чуть не взвыл в голос. Но Вика не здесь, постарался успокоить себя Говоров, он давно в Союзе, там он печатается в толстых журналах, о нем пишут в газетах. Читая публикации В. П. в советской прессе, Говоров испытывал странное чувство, будто Вику увели насильно, все-таки столько лет работали вместе, а теперь их разлучили, но Вике это пошло только на пользу — он возвысился, стал больше и уж совсем не нуждается в его протекции и защите, более того, Вика у всех на языке, а про Говорова забыли... Но это нормально. Главное, что Вика вернулся в свою страну.

А еще был трехчасовой визит в парижское бюро руководящих товарищей из Гамбурга — Уина и Лота.

Они ушли с Савельевым обедать. Говорова почему-то не пригласили, и перед уходом Боря мялся в дверях, Говоров сказал: «Иди, Боря, ты же знаешь, в гробу я видал обеды с американцами». Однако Говоров минут пять успел пообщаться с новым начальством и запомнил, что после его слов: «Надо сменить состав штатников в моем отделе, так больше продолжаться не может», — Уин и Лот очень оживленно переглянулись.

И еще был совершенно случайный разговор с Беатрис. Говоров сказал: «У меня юбилей, я ровно десять лет в штате». — «Десять лет?» — протянула Лицемерная Крыса, а в глазах ее плясали насмешливые огоньки, и уже тогда Говоров подумал, что это неспроста, наверно, она замыслила какую-то пакость.

И еще, наверно, что-то было, и внимательный наблюдатель мог заметить, что происходит какое-то подспудное шевеление, резко сократили бюджет, не разрешают привлекать новых авторов, образуется пустота, но Говоров, занятый с головой своими домашними заботами, жил как тетерев на току или как человек под током.

IV

За семь лет до ЭТОГО

Поздно вечером на квартире у Говорова зазвонил телефон.

— Если не Москва, то пошли всех на, — предупредил Говоров Киру и выпил первую рюмку, ибо день был суматошный и тяжелый, а придя домой, Говоров успел написать корреспонденцию на завтра, завтра складывалось не легче, будет много авторов, с готовой корреспонденцией он разгружал себе рабочее время, и вообще, граждане, имеет право человек после одиннадцати вечера принять свои законные сто грамм, наконец-то поесть и отключиться от всех чайников, которые повадились ему звонить даже домой? По первым словам Киры он понял, что это не Алена, значит, слава Богу, в Москве все в порядке, остальное не интересно. И Говоров не стал слушать, сосредоточился на закуске.

Когда Кира опять возникла на кухне, Говоров даже

спрашивать не стал, что там стряслось, и потянулся за салатом, но Кира сказала:

— Думаю, тебе надо подойти к телефону. Это Леонид из Лондона.

— Ну вот, всегда приятно побеседовать с твоей женой. А теперь расскажи, как сам?

— Леня,— бодро заорал Говоров в трубку.— На нашей фабричке ни одной забастовочки. Лучше сообщите, как пел товарищ Вертинский, где вы теперь, кто вам целует пальцы?

Где теперь Леонид Фридман, Говоров прекрасно знал. После того как Леню «съели» в Гамбурге и выбросили на улицу, Леня некоторое время мытарился, а потом устроился на Би-Би-Си. И хоть там у него должность была рядовая, а зарплата несравнимо меньше, чем в Гамбурге, Фридман не уставал повторять, что очень доволен, что это рай—если вспомнить нашу гамбургскую клоаку.

В очередной раз Говоров слушал про гамбургскую клоаку и с энтузиазмом поддакивал. Это не означало, что он был полностью согласен с Фридманом. Это означало, что, хоть Фридман уже давно не главный редактор на Радио, у Говорова с ним по-прежнему хорошие отношения. Более того, с тех пор, как ты надо мной не начальник, мы стали друзьями. Ведь знал Говоров: не успели на Радио вывесить приказ об увольнении Фридмана, как тамошние засранцы прекратили с Леной здороваться в коридоре, а раньше на пуантах ходили перед главным редактором. А вообще, хрен с ними, с гамбургскими интригами. Париж от Гамбурга далеко, лишь бы не мешали работать.

— Андрюша, я передам трубку одному человеку, который жаждет с тобой пообщаться.

— Не баба?— успел спросить Говоров и услышал незнакомый голос:

— Это Алексей Скворцов.

— Здравствуйте, Алексей,— несколько опешил Говоров.— Очень приятно. Вас никто не может найти. А я про вас много писал.

— Андрей!— обиделись в трубке.— Почему на «вы»? Ты забыл, как мы с тобой работали в «Учительской газете»?

— Извини, запамятовал,— перестроился Говоров,— столько лет прошло.

— Я тебя отлично помню. Ты же был у нас зав. отделом культуры, я работал в отделе писем на другом этаже.

— Ну да, конечно, теперь припоминаю,— быстро согласился Говоров.

Ничего он не припоминал. Впрочем, может, и действительно работали вместе. Это сейчас несущественно. Важным являлось то, что человек, который с ним сию минуту разговаривает, был тем самым знаменитым перебежчиком, советским журналистом Алексеем Скворцовым, родным братом не признанного в Союзе гениального композитора Юрия Скворцова. А вот Юру Скворцова Говоров хорошо помнил, они даже когда-то дружили. Впрочем, для Запада Скворцов нынче фигура покрупнее.

...Несколько месяцев тому назад в Риме исчез спецкор одной из центральных московских газет Алексей Скворцов. Газета обвинила западные разведки в том, что они убили или похитили советского журналиста. Говоров заинтересовался этой историей и ответил по Радио, что, мол, конечно, странное исчезновение, однако рано бить тревогу: как правило, когда советский человек исчезает на Западе, то потом выясняется, что он просто попросил политического убежища.

Московская газета опять выступила со статьей, повторив свои обвинения в более резкой форме. Говоров запросил Гамбург: может, им что-нибудь известно? Из Гамбурга прислали обзор итальянской прессы — вот, дескать, все, что мы знаем. Говоров просмотрел материалы и сделал новую передачу по радио. Говоров спрашивал: «Откуда такая непоколебимая уверенность в Москве, что Скворцова похитили? Ведь расследование итальянской полиции пока не дало никаких результатов». И потом была долгая беседа по телефону с Гердом. Герд недавно получил повышение, стал начальником в Гамбурге. Герд осторожничал: «Мы долго сомневались, прежде чем пустить твою передачу в эфир. Дело темное, лучше бы нам в него не влезать».

— Но раз уж я влез, то буду продолжать,— сказал Говоров.

— У тебя есть какие-то дополнительные сведения? — допытывался Герд. — Ты же иногда что-то знаешь, да нам не говоришь.

— И правильно делаю. Ведь кто-то из ГБ сидит в Гамбурге. Если бы это было не так, то КГБ следовало разогнать вонючей метлой. За некомпетентность. Но в данном случае, признаюсь по секрету, у меня нет никаких других источников. Чистая логика и интуиция. С другой стороны, нельзя недооценивать советскую разведку. Раз Москва так настаивает на похищении, значит, им кое-что известно и они хотят заранее самортизировать удар.

— Играешь с огнем,— вздохнул Герд.

— Герд, я тебя правильно понял,— ответил Говоров.— Ты меня предупредил, но у меня скверный характер, и я самоуверен. Вали все на меня.

Когда в московской газете появилась третья статья, уже в виде причитаний,— зарезали, убили нашего Скворцова!— Боря Савельев изрек: «Не подходи к телефону и ищи работу в такси».

Два дня Гамбург молчал. На третий день Беатрис сладко пропела в трубку: «Андрей, это звонят из дирекции Радио».

— Мистер Говоров?— услышал он голос секретарши из Гамбурга.— Я вас соединяю с Джорджем Вейли.

— Андрей,— раздался тяжелый бас директора Радио.— У меня на столе последний номер «Санди таймс». Тут большое интервью с Алексеем Скворцовым, где он объясняет, почему выбрал свободу. Интервью мы уже перевели и сегодня даем в эфир. Копию перевода высылаем вам в Париж. Эта тема попрежнему ваша, но вы не возражаете, если мы попросим господина Матуса найти Скворцова в Англии?

— Джордж,— сказал Говоров,— он корреспондент в Англии. Я у него хлеб не отбиваю.

— Андрей,— засмеялся Вейли,— вы всегда были джентльменом, хотя вы нам задали хорошую головомойку, извините, я хотел сказать, хорошую головную боль. Герд за эти дни похудел на два килограмма. Но я вас поздравляю.

— Передайте Герду, что сейчас модно сбрасывать вес,— сказал Говоров.

Однако на этом история не кончилась. Несмотря на то, что Алексея Скворцова показали по английскому телевидению, а «Санди таймс» напечатала серию ста-

тей Скворцова, московская газета выступила в четвертый раз. Москва утверждала, что статьи за Скворцова пишут спецслужбы, а на экране телевизора он выглядел как человек, которого колют наркотиками. И снова Говоров сел к микрофону, прокомментировал, ибо лондонский корреспондент Володя Матус ничего сказать не мог — Андрей Скворцов был неуловим, судя по всему, англичане его прятали.

...Итак, Скворцов прорезался сам. Сенсация!

— Алексей, вы... извини, ты,— поправился Говоров,— ты не хочешь выступить по нашему Радио?

— А зачем я тебе звоню?— несколько капризно удивился Скворцов.— Но у меня несколько условий. Во-первых, чтобы хорошо заплатили. Во-вторых, чтоб пригласили в Париж, сняли гостиницу и так далее. В-третьих, в редакцию я к тебе не приду, я там никого не знаю, а тебя я знаю, тебе я верю, поэтому ты придешь с магнитофоном ко мне в номер, и мы сделаем интервью.— И, помолчав, добавил:— Пойми, это не моя блажь. Англичане опасаются за мою жизнь, и я вынужден соблюдать некоторые меры безопасности. Я не могу дать номер моего телефона, но я тебе позволю домой завтра или послезавтра.

Потом трубку снова взял Фридман, и Говоров ему сказал:

— По-моему, парень вполне освоился на проклятом Западе и знает себе цену.

— Ого, не то слово! Но ты не теряй с ним связь и не передавай его Матусу. Это уж моя персональная просьба.

— О'кей, я сразу усек. Но знаешь, кого мне действительно жалко в этой истории? Его брата, Юру Скворцова, теперь на всю жизнь дальше Минска не выпустят.

Если бы на Западе остался Юра Скворцов... Ну, сделал бы с ним Говоров одно или два интервью, добился бы, чтоб Юре прилично заплатили, «русская газета» поместила бы статью, «Фигаро» или «Санди таймс» помянули бы в одном абзаце, пристроили бы Юру к какому-нибудь благотворительному фонду... И все. Остальное бы зависело от французских или английских музыкантов, критиков, импресарио, дирижеров — а им надо еще доказать, что Юра Скворцов — гений, поймут

ли они сами — бабушка надвое сказала, в Париже и Лондоне своих доморощенных талантов как собак нерезанных, вон сколько народу пиликает на скрипочке в метро и на улице, кидают им прохожие в шляпу мелкую монету... Но Алексей Скворцов — это же другое дело! Шпионский детектив, который несколько месяцев подряд не сходит со страниц советской и западной прессы! Поэтому английское издательство отвалило Алексею Скворцову аванс — сорок пять тысяч фунтов стерлингов за еще не написанную книгу! Алексей Скворцов еще ни одного слова по «голосам» не вымолвил, а за ним уже гоняются. Алексей Скворцов меняет диспозицию: в Париж, мол, его не пускают, англичане не могут обеспечить надежного прикрытия, пусть Говоров приезжает в Лондон к такому-то числу, встретимся в условленном месте, да и гонорар пусть не забудет привезти! Но Гамбург на все согласен. Герд и Джордж Вейли попеременно называют Говорову: не передумал ли господин Скворцов? О'кей! Он хочет триста фунтов? О'кей! А работать на радио он не желает? О'кей, мы вас уполномачиваем предложить ему штатное место. Не обгонит ли нас Би-Би-Си, вы договорились с Фридманом, чтоб интервью пошли в один день? О'кей!

Беатрис сказала, что ему заказана хорошая гостиница в центре Лондона.

— Хватит ли мне командировочных? — усомнился Говоров.

— Андрей! — Беатрис закатила глаза к потолку. — Разве вы не видите, что Гамбург вам готов оплатить даже Букингемский дворец!

— Да ты просто дурак! — подтвердила Кира. — Ты должен потребовать у Джорджа следующий грейд. В Гамбурге все кому не лень получают повышение. Но тебе всегда было плевать на семью.

Впрочем, перед отлетом Говорова в Лондон Кира переменяла тон.

— Будь осторожен. Ты со своим комсомольским энтузиазмом влезашь в игру разведок. Мне вообще эта история не нравится. И купи Леониду во фри-шопе бутылку приличного коньяка. С какой целью — не знаю, но это он тебе устроил Скворцова.

— С какой целью? — Говоров рассмеялся. — Хотя

бы для того, чтобы бросить подлянку Матусу. Они друг друга невзлюбили еще с гамбургских времен.

Если человека прячет, и не кто-нибудь, а самая интеллектуальная в мире английская разведка, значит, у нее есть основания его прятать.

Если человека ищет, и не кто-нибудь, а КГБ, самая могущественная в мире спецслужба, значит, у нее тоже есть причины.

При известной всем взаимопроницаемости разведок, при четко отработанной системе внедренных «котов» в те организации, которыми интересуются (а Радио интересовало всех и давно), легко было предположить, что о поездке Говорова в Лондон уже узнали в Москве, и в Интеллидженс сервис это понимают. В данной ситуации как КГБ выйти на след Скворцова? Задача для первоклассников. Еще в Париже (или начиная с лондонского аэропорта) приставить «хвост» к Говорову. Говоров, сам того не ведая, приведет. Но неужели такой вариант не предусмотрели англичане? Вероятно, не только предусмотрели, добровольно пошли на него: белым воротничкам любопытно установить, какой «хвост» последует за Говоровым. Однако ребята в КГБ тоже не лыком шиты, чтоб не разгадать лондонской шахматной двухходовки... Игроки склонились над шахматной доской: «Если они так, то мы так, а если они этак, то мы вот что». Но Говоров и Скворцов не передвигают фигуры, им уготована роль пешек, им уготовлено... Что? Если стороны разыграют острый вариант, их уберут с доски, накрыв белыми простынями?

Что за глупые мысли приходят в голову! Когда в Лондоне уколom зонтика убили Маркова, корреспондента болгарской редакции на Радио, это дало повод французам сделать кинокомедию «Удар зонтика». Говоров видел фильм. Действительно, очень смешной. Если что-то разыграют сейчас, то на этот раз и у англичан будет возможность отснять кинокомедию по готовому сюжету. Причем у англичан получится лучше, чем у французов. Картина войдет в мировую классику. Короче, на жизнь надо смотреть с оптимизмом!

И ни в коем случае не озираться по сторонам, не оглядываться.

Говоров вышел из такси, повесил на плечо магнито-

фон, взял в руки сумку с кассетами и микрофоном, расплатился с шофером, достал план, который продиктовал ему по телефону Ляня, сверил адрес. Все правильно. Завернул за угол. Вот тихий прямоугольный сквер, окруженный стеной трехэтажных домиков. Безлюдно. Птички чирикают. Рыжий кот целеустремленно протопал по своим делам. В хорошем месте живет Фридман.

Говоров нашел дом номер пять, поднял ногой коврики перед дверью. Ключ под ковриком. Говоров отпер дверь и, войдя в дом, закрыл дверь за собой на ключ. На кухонном столе обнаружил записку от Лени: «Ребята, еда в холодильнике, выпивка в баре, я вернусь с работы к пяти часам».

В салоне у дивана Говоров поставил магнитофон, вкрутил шнур с микрофоном, зарядил кассету, включил магнитофон, сказал классическое: «Раз, два, три, четыре пять, вышел зайчик погулять, вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет». Прослушал запись. Все в порядке, чисто. Взглянул на часы. В принципе через минуту должен появиться зайчик, пардон, Алексей Скворцов.

Кто охотник?

Через двадцать минут Скворцова еще не было. Но англичане не полные идиоты, они должны привезти его под охраной! Может, для начала они выпустят прогуляться по скверу двух джентльменов, которые, греясь на солнышке и исследуя маршрут рыжего кота, заодно выяснят, не торчит ли на какой-нибудь крыше неизвестно откуда взявшийся трубочист.

Еще двадцать минут.

А может... Но почему Говоров должен ломать себе голову над проблемой безопасности Скворцова? Ведь за это деньги платят англичанам!

В матовом квадрате входной двери возник темный силуэт. Звонок. Говоров открыл дверь. Скворцов был один, и это был точно Скворцов — Говоров признал «фирменный», семейный лоб, высокий, как у Юры.

— Ты что, без сопровождающих?

— Здорово, Андрей! Дай обниму тебя. Да ты почти не изменился. Извини за опоздание, не там сделал пересадку в метро. Мои разведчики хоть и продолжают опеку, но давно мне разрешили ходить по городу одному. Только не приближаться к советскому посольству.

И вдруг сквозь лицо этого человека, явно задерган-

ного, с напряженными глазами, с большим кривящимся ртом, проступил, просветился другой образ — молодого, застенчивого, симпатичного парня — ну да, теперь Говоров его вспомнил, действительно, работали вместе в «Учительской газете», но почти не общались...

Первое получасовое интервью записали быстро, Скворцов всего несколько раз просил остановить магнитофон, чтоб обдумать ответы, но отвечал гладко, не тянул, не мекал, не хмыкал — вполне профессионально. Правда, он старался отделяться в основном общими фразами, не баловал интригующими подробностями, от конкретного вопроса: «Так что же произошло с вами в Риме?» — просто ушел, но Говоров не настаивал. Говоров для себя заранее решил, что не его дело — докапываться до истины, его дело спрашивать — а вот ответы, версии пусть выбирает Скворцов (какие ему удобнее или какие ему позволены). Лишь в конце первой части Говоров пошел на обострение.

— Алексей Григорьевич! В советских газетах писали, что вас пытали западные спецслужбы, что в момент вашего выступления по английскому телевидению вы находились под действием наркотиков. Я в этом деле ничего не понимаю, но может, и сейчас вы со мной беседуете в состоянии наркотического опьянения?

— О да! — сразу же ответил Скворцов. — Меня пытали. Меня пытали вкуснейшими бифштексами, тончайшими винами, прекрасными гостиницами, купанием в бассейнах и прогулками в парках. Что касается наркотиков, верно, до сих пор я испытываю наркотическую эйфорию при виде лондонских улиц, супермаркетов, красных двухэтажных автобусов, всеобщего изобилия — словом, всего того западного загнивания, о котором мы с вами так часто читали в советской прессе.

— О'кей! — Говоров выключил магнитофон. — Время ленча. Тебя надо кормить. Леня радушно предоставил в наше распоряжение свой холодильник, но если нам не возбраняется посетить какое-нибудь тутошнее заведение общепита...

— Конечно, — с готовностью согласился Скворцов. — Я знаю неподалеку уютный паб. Мы с Фридманом там уже обедали.

— Так как я на местном наречии ни бум-бум, то распределяем роли: ты заказываешь, я плачу.

— Роскошная контора твое Радио. А не хватануть ли нам для аппетита по стаканчику виски?

— После работы хоть бутылку. Пока обойдемся пивом.

Скворцов поморщился:

— Это не западный стиль. Мои разведчики мне позволяют и днем.

— А у меня сухой закон до девяти вечера. И я не хочу, чтоб в твоей московской газете написали, что ты давал интервью в состоянии алкогольного опьянения.

— Они все равно напишут,—убежденно сказал Скворцов.— Напишут, что ты меня пытал изощренным способом: не давал выпить, пока я не скажу всего, что тебе нужно!

— Не помню, его фамилия, кажется, Тихонов. Аспирант. И в Лондон он приехал не то в научную командировку, не то по научному обмену. И вот, господа, когда подошел срок возвращаться, Тихонов решил слить, то есть просить политубежища в Англии. Но где-то он сделал промашку: или вел себя последние дни подозрительно, или поделился планами с товарищем, с которым жил в гостинице, а тот настучал—короче, вызвали Тихонова под каким-то благовидным предлогом в посольство, а там уж им занялись специалисты. Техника у них отработана. Били? Не знаю. Дело было в середине шестидесятых годов, может, тогда еще и били. Но скорее, дали какую-то химию, таблеточку от простуды, прими, дорогой друг, не кашляй, после чего дорогой друг плетет такое, в чем родной маме никогда не признавался. Словом, господа, установили преступные намерения. После чего сделали Тихонову укол, чтоб отоспался, успокоился от нервных переживаний. Когда Тихонов очнулся и пришел в себя, ему вежливо объяснили обстановку. Дескать, дорогой друг, мы тебя сегодня эвакуируем на родину, подальше от западных соблазнов, однако не волнуйся, родина милосердна, тебя простят, с кем не бывает. Учти только, что мы тебе вкололи сильный яд, который действует постепенно. За свое драгоценное здоровье не беспокойся. Каждый день тебе будут давать противоядие. Через месяц все

забудешь, продолжишь свою работу в Москве, в родном институте во славу советской науки. Мы тебе, дорогой друг, верим и к самолету доставим с комфортом. Фу, какие наркотики! Живем в цивилизованном обществе, не сталинские времена. Но если в аэропорту взбрыкнешь, вспомни — у них нет противоядия. Тихонов в аэропорту, при прохождении паспортного контроля, взбрыкнул. Полицейские увидели, что какого-то джентльмена тащат под руки, а он вырывается, зовет на помощь. Полиция Ее Величества вмешалась. Советские товарищи отстали, Тихонов обрел свободу и рассказал все английской контрразведке, в том числе и про шантаж с уколом. Большие были заголовки в лондонской прессе. А потом с каждым днем Тихонов стал себя чувствовать все хуже. Тут уж всполошилась Интеллидженс сервис. Лучшие медики Англии обследовали Тихонова, брали кровь на анализ. И пришли к заключению, что яд в крови есть, но его химическая формула неизвестна, а посему найти противоядие невозможно. Заседал по этому поводу кабинет министров, и лидер лейбористов Вильсон, тогдашний премьер Великобритании, предложил передать Тихонова советским властям, ибо это единственный способ спасти человеку жизнь. Лондонские газеты повозмущались, но ведь англичане — гуманисты! И полиция Ее Величества, теперь сама, отправила Тихонова под белые руки в Москву. Через неделю в «Правде» появилась статья, в которой Тихонов рассказывал о гнусной провокации английских спецслужб, как, мол, его заманили в ловушку, хотели купить за тридцать серебряников, заставляли плести небылицы. Статья в «Правде» называлась «Утритесь, джентльмены!». Какое-то время Тихонова еще показывали по советскому телевидению, он давал пресс-конференции, а затем получил свою законную «десятку» и отбыл ее от звонка до звонка в пермских лагерях. Зато остался жив, кто-то недавно его встретил в Москве. Так вот, господа, — Леня поднял бокал, — извините за длинный спич, но я полностью присоединяюсь к мнению товарища Пушкина, который еще в прошлом веке «милость к падшим» призывал. За них и выпьем. Ибо тем, кто попадает в лапы к нашим органам, ничего не светит. И никакое личное мужество не спасает. Против лома нет приема.

— Выпить — прекрасная идея, — с готовностью подхватил Скворцов. — Только я закажу себе еще виски и...

Голоса из публики (давно их не слышали, соскучились):

— Мы ничего не понимаем! Они же должны были пойти на ленч вдвоем, откуда взялся Ленья? И вообще, где это все происходит?

Говоров вынужден опустить бокал, отвлечься от милого застолья и отвечать на вопросы.

— Поясняю. Сейчас уже вечер, и мы сидим в китайском ресторане в Сохо, куда привел нас Ленья Фридман. Ресторанчик дешевый, но очень симпатичный.

— Хватит нам зубы заговаривать. Что произошло днем в пабе?

— Ничего особенного. Скворцов заказал себе сосиски с жареной картошкой и пиво, а я — омлет и кофе.

— Не об этом речь. Ждали ли вас в пабе агенты советской и английской секретной службы?

— Насколько я понял, их там не было.

— Почему?

— Они мне не докладывали. Наверно, у них был обеденный перерыв.

— А в Сохо вы находитесь в окружении разведчиков? Сохо — подходящий район для разных чрезвычайных происшествий. На вас никто не собирается нападать?

— Не похоже. Ресторан почти пустой.

— Это печально. Мы настроились на детективный сюжет. Где же все шпионы и котрразведчики?

— Думаю, у них уже кончился рабочий день. Небось сидят дома и смотрят по телевизору полицейский фильм.

— Тогда какого хрена вы нам рассказываете разные нелепые истории, да еще с явно антисоветским духом?

— Я полагал, что публике будут интересны отдельные подробности.

— Плевали мы на подробности! Нам подавай похищения и убийства!

— Ай эм сорри. Пардон. Чего нет, того нет. Может,

желаете послушать отрывки из интервью со Скворцовым?

В ответ публика свистит и топает ногами.

Говоров пожимает плечами.

— Как хотите. Я сделал со Скворцовым четыре передачи. Из них в эфир пушу три. В последнем интервью Скворцов слишком резко нападает на Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Черненко. А у Скворцова в Москве остались жена и сын. У них могут быть неприятности. Кстати, впоследствии эти магнитофонные записи таинственным образом исчезнут из гамбургского архива...

Раздосадованная публика улюлюкает. Публика ничего не хочет знать.

— А мне еще виски,— попросил Скворцов.

— Ну и здоровье у человека! — восхитился Фридман.— Ладно, заказывай, и пора расплачиваться. Андрей, тебе наш ужин Радио не финансирует? Так и думал, узнаю своих бывших коллег. Старые жмоты! Тогда в складчину.

Леня выложил десять фунтов. Говоров выложил десять фунтов. Алексей Скворцов помедлил и нехотя вытащил пятифунтовую бумажку.

Фридман и Говоров переглянулись. Несколько часов тому назад Говоров отсчитал Скворцову триста фунтов. С такого гонорара...

Без комментариев.

Срочно! Срочно! — требовал Гамбург. Шафранова освободили от всей остальной работы и передали в полное распоряжение Говорова. Вдвоем за утро они подготовили и послали по телефону два первых блока. Теперь монтировали третий. Ну и конечно, приехал В. П., который никогда не упускал возможности познакомиться с сенсационным материалом из первых рук. Слушали и дымили, как три крейсера. Говоров давал указания. Толя резал и клеил пленку. Вика пил чай и комментировал. Комментарии стоило бы записать.

— Это он герой! — вставлял Вика в паузах.— Это он пай-мальчик. Это интересно. Как пел Саша Галич: «А из зала мне кричат: давай подробности». Вот мы

и просим от товарища Скворцова подробностей. Значит, он видел в Андропове реформатора, а Черненко его разочаровал? И мы должны это кушать? Тут он в кусты, не хочет, не хочет, Андрей, тебе отвечать, чувствуешь? А сейчас я ему верю, и не спорь со мной, Толя, это мы, приехав в Париж, стали такими умными, мать вашу... А в Москву они до сих пор так думают. А нам нечего надуваться, просто в Париже есть книжки, которых в Москве не достать.

В общем, вполне доброжелательно. И вдруг...

— «Алексей Григорьевич,— спросил на пленке Говоров,— может, вы объясните одну загадку. Ваша газета упорно отстаивала тезис о вашем похищении. Пока вас прятали, это было понятно. Но когда вы уже выплыли на поверхность, когда появились в английской прессе и на телевидении, почему газета выступила четвертый раз? Сказки про пытки и наркотики — это для Ваньки. О главном редакторе вашей газеты можно говорить все что угодно, и человек он малопорядочный, однако совсем не дурак. Отнюдь. Мы ведь с вами его знаем. Он очень быстро и ловко ориентируется. И он, наверно, еще раньше получил подтверждение из компетентных источников, простите за советский термин, что вы действительно добровольно остались на Западе. Тогда почему, выставляя себя и газету на посмешище, он продолжал эту кампанию?»

Последовала длительная пауза, и голос Алексея Скворцова значительно произнес:

— «Я думаю, это все потому, что меня в газете любили!»

— Стоп! — сказал Говоров.

— Уберем паузу,— сказал Шафранов.

— Андрей, да он мудила! — сказал В. П.

— Решайте, убираем или оставляем этот пассаж? — предложил Говоров. — Полагаюсь на ваше мнение.

— Вика прав, Скворцов не Спиноза,— сказал Толя.— Но я бы оставил. Тут проявляется его характер. Ведь для советских Скворцов изменник, враг народа, за ним в Лондоне охотятся, если найдут — пришьют. Статья в газете — пропагандистский опус о коварстве западных спецслужб. Цель — запугать читателя: не ходите, дети, в Африку гулять. Но Скворцов все принимает за чистую монету, для него газета — его родной дом, друзья-сослуживцы, чай гоняли, как мы

с вами... Он верит, что его там помнят, ценят, поэтому пытаются как-то выгородить, заступиться. Наивно, но по-человечески трогательно.

— Толя у нас великий гуманист,— сказал Вика.— Меня твой Алексей Скворцов не впечатляет. Я, правда, его никогда не видел и не пил с ним водку, как ты. Кстати, что вы там пили в ресторане? Это важно — выпить с человеком сто грамм и заглянуть ему в глаза. А пока я вижу одно: его брат великий музыкант, а он всегда был нулем без палочки, но теперь не о Юре Скворцове, а о нем, Алексее, говорит весь мир, пишут газеты, у него берут интервью. И он возомнил, он надулся, он старается вещать, это же слышно, он поучает, он очень собой доволен.

— Вернее, он хочет быть таким,— уточнил Говоров.

— У тебя преимущество в ста граммах, поэтому поправку принимаю. Как бы там ни было, он надувается, надувается, и последняя фраза — апогей! Мыльный пузырь лопнул, и мы видим мудицу бедного или, как считает Толя, наивного. Другой вопрос: надо ли тебе это? Вольно или невольно ты ему поставил ловушку, и он попался.— Вика помолчал.— Андрюха, это одно из лучших мест в интервью, но получается такая картина: умный Говоров и идиот его собеседник.

Говоров поднял руки.

— Ребята, вы меня убедили. Толя, крути пленку назад и вырезай все наши художества. С вами мне лавров на Радио не сыскать.

Все три блока со Скворцовым несколько недель подряд повторяли на Радио. Исследовательский отдел Радио напечатал полный текст в своем бюллетене. Очень редко материалы из текучки удостоивались такой чести. Ведь исследовательские бюллетени переводились на английский и отправлялись в Конгресс, в редакции газет, на «Голос Америки» и Би-Би-Си, в университеты.

И как-то между прочим Джордж Вейли предложил командировку в Штаты. «Посмотрите наши бюро, и желательно, если бы вы там привлекли новых внештатников, особенно в Нью-Йорке». Говоров сказал, что поедет в будущем году, но сначала предпочел бы

поучить английский. О'кей, согласился Вейли, мы вам дадим отпуск, подыщите в Париже месячные интенсивные курсы, Радио их оплатит.

И еще был звонок от Матуса.

— Андрей, ходят слухи, что Скворцов просится на Радио. Уж не на мое ли место в Лондон?

— Нет, он хотел бы в Гамбург,— успокоил его Говоров.— И потом, это лишь через год. Пока ему нужно время, чтоб написать книгу.

— А почему ты не заглянул ко мне в бюро? Некогда было или зазнался?

— Конечно, зазнался, Володя. Прямо с аэродрома поехал в кабак зазнаваться. А со Скворцовым работал серый волк.

— Знаю. Читал твои интервью в бюллетене. Но я также внимательно читал все, что Скворцов писал в «Санди таймс». И вот мое мнение: Алексей Скворцов не перебежчик, он подосланный советский агент. Он слишком темнит. Это явная интрига КГБ.

Что и следовало ожидать. Если Матус не смог выйти на Скворцова, то, естественно, Скворцов советский агент. Даже не смешно.

— Володя, я провел с ним целый день. Смею думать, что я немного разбираюсь в людях. Догадываюсь, он не все мне рассказал. Там что-то произошло в Риме, это его дела с англичанами. На агента он не похож. Туповат.

— А как бы мне с ним поговорить с глазу на глаз?

— Володя, я его не прячу. У меня нет его координат. Его прячет твоя любимая Интеллидженс сервис.

— Ты едешь в Нью-Йорк?

— Вот кто настоящий разведчик. В курсе всего.

— Перетряси, пожалуйста, нью-йоркское бюро. Давно у меня руки чешутся до него добраться. Клуб пенсионеров устроили.

— А в Нью-Йорке полно способных ребят, нашего брата гуманитария,— подхватил Говоров,— я предлагал Фрэнку Стаффу, ну да, помню, ты с ним не сработался, и он тебя перевел в Лондон, но Фрэнк был человек понимающий. Так вот, я предлагал ему, что могу не только обновить Нью-Йорк, но привезти оттуда в Гамбург целую команду, чтобы...

...Можно было как угодно относиться к Володе Ма-

тусу, Говоров знал, что это, пожалуй, единственный человек на Радио, который читает все скрипты, слушает все передачи и искренне болеет за качество программ.

Тогда, в разговоре с Фрэнком Стаффом, в присутствии Лени Фридмана, в то время главного редактора, Говоров представил список русских журналистов и писателей, живущих в Нью-Йорке. Он их знал по публикациям в «Новом русском слове». Они организовали свою газету, но прогорели: таланта у них хватало, не хватало финансовой выучки. Они мыли полы в аэропорту, рекламировали пылесосы и перебивались случайными лекциями в университетах. В Гамбурге работают за жирную зарплату, сказал Говоров, а эти ребята работали бы за идею, хотя постоянный заработок им бы не помешал. Согласен, ответил Фрэнк Стафф, но у меня все места заняты, немецкие профсоюзы не дают никого уволить, вот если вы перестреляете половину — я с радостью возьму ваших парней из Нью-Йорка. У Фрэнка черный юмор, сказал Леня, однако другого выхода не вижу, переезжай в Гамбург, будешь моим заместителем, попробуем постепенно перетасовать кадры...

Потом несколько раз в Гамбурге сменилось начальство, но журналистский состав остался нетронутым. Когда пришел Джордж Вейли и пригласил Говорова на неделю в Гамбург, Говоров выступил на летучке.

— Наше счастье,— сказал Говоров,— что нас глушат. Нас слушают отрывочно, кусками, на том и держимся. Если бы в Союзе догадались заткнуть глушилки, советская власть удержалась — рухнула бы репутация Радио. Вроде бы каждая отдельная передача совсем неплоха, но, когда слушаешь все подряд, удручает унылый, поучающий тон, звериная серьезность, потеря интереса к живому, меткому слову, о юморе и говорить не приходится. У нас шутить не позволительно и не модно. Если вы мне не верите, проведем эксперимент. Возьмем человека со стороны, пообещаем большое вознаграждение, запрем на сутки в студии и заставим его прослушать нашу двадцатичетырехчасовую программу...

— Это слишком жестоко,— крикнули из зала,— околочурится бедняга!

Говорову аплодировали, но после летучки в коридоре

намекнули, что будущему главному редактору так выступать негоже. Сразу заимел много врагов.

— Да я не лезу в начальство! — возмутился Говоров.

Вот почему, когда после новой перетряски в Гамбурге Говорову предложили стать главным редактором, он ответил: «Об административной работе не мечтаю. Мне хорошо и в Париже. Думаю, самое время вернуться в Гамбург Володю Матуса».

Дружный гамбургский коллективчик так навострился съедать главных, что они там больше двух лет не менялись. Съев очередного, коллективчик даже добрел на пару недель. Но Матуса в Гамбурге считали своим, то есть меньшим злом, и у него были шансы удержаться.

Алексей Скворцов появился в Париже через полгода, пообещал зайти в редакцию, дать интервью, потом перезвонил, сказал, что ни зайти, ни выступить по Радио он не может, ибо во Франции он неофициально (игра в прятки продолжалась), но вот пообедать вместе — с удовольствием!

Говоров назначил встречу в маленьком ресторане недалеко от работы, и так как Боря Савельев ему разъяснил, что в таких случаях положены представительские, Радио платит, то Говоров пригласил и Киру — пусть погуляет за казенный счет. Кира, как обычно, опоздала, но быстро наверстала упущенное. Скворцова приход Киры вдохновил (во-первых, нашелся компаньон для выпивки, во-вторых, свежий слушатель), и на Говорова полился поток откровений.

— Представляешь себе я в «Шарле де Голле» прохожу паспортный контроль а французский полицейский отворачивается в упор меня не видит нигде не отмечено что я пересек границу вот как работают разведки конечно меня сопровождают двое англичан но сейчас меня прикрывают французы привезли сюда на машине естественно знают с кем я обедаю ты меня не провожай машина ждет за углом тут я беседую с разными людьми кто они догадываюсь гостиница очень хорошая но не такая как в Нью-Йорке там я жил на Пятой авеню правда американцы скучные и надоедливые толчат воду в ступе я даже в Вашингтон не поехал хоть планиро-

валось у французов чувствуется интеллект и профессионализм они почти как англичане англичане тоньше однако и у них бывают проколы мы полетели с Чарли отдыхать в Марокко не в сезон приморский отель бассейн и однажды я просыпаюсь вечером как и почему заснул не помню в номере все перевернуто бегу в соседний к Чарли он встречает меня пошатываясь что происходит спрашиваю тот ругается марокканская служба нас заподозрила приняла за крупных торговцев наркотиками чего-то нам в обед подмешали и пока мы дрыхли устроили обыск я знаю бесплатных завтраков не бывает я тебе должен интервью я его дам в следующий раз ни для кого меня нет в Париже французские полицейские на паспортном контроле в упор меня не видели отвернулись как по команде цирк и вдруг мое интервью из Парижа нельзя еще Остап Бендер учил не нарушать конвенцию вот если бы ты приехал в Лондон не может быть собираешься с Кирой и Денисом очень здорово в конце августа прекрасно предупреди меня через Леню я тебя встречу в Дувре я буду вашим гидом в Лондоне хорошо изучил город а можно коньячку на десерт Кира «за» Кира прелесть смотри отобью у тебя жену Джорджу Вейли передай пойду на штатную работу но сначала книгу и еще кой-какие дела надо закончить почему в Гамбург почему не в Лондон конкуренция в Лондоне у меня хорошие связи я купил «Тойоту» красную когда бывает не по себе сажусь в машину и мчусь по городу как-то меня оштрафовали позвонил Чарли объяснил тот сказал пришли мне квитанцию уладим американцы формалисты на детекторе лжи меня проверяли чиновники а в Лондоне я как дома у Юрки где-то лежат 75 фунтов за одну сонату да получить не может у меня 45 тысяч нетронутых но я понял на Западе без постоянного заработка неуютно потому не забудь передай Джорджу Вейли у меня видеокассетник «Сони» когда не сплю смотрю фильмы дома штук сто кассет бесплатных завтраков не бывает приедешь в Лондон сделаем интервью хоть два английские документы мне готовят нет не беженские обещают сразу паспорт да я не спешу зачем зачем французский полицейский в упор...

У дверей ресторана они распрощались и разошлись в разные стороны. Алексей Скворцов — в таинствен-

ный «за угол», а Говоров к метро — проводить Киру и скорее в бюро писать корреспонденцию.

— Он, конечно, болтун, но милый, живой парень, — сказала Кира.

Говоров вздохнул:

— Помнишь у Солженицына коронную фразу Ивана Денисовича? «У шпионов жизнь веселая!»

— Мне почему-то жалко твоего Скворцова.

— Тогда у него есть шанс стать твоим любовником, — засмеялся Говоров. — У тебя же бывало... Из жалости и сочувствия ложилась в постель к мужику.

Кажется, именно в то время, в один из дней, позвонила Альбина, жена Клода: Клод пытался покончить жизнь самоубийством, принял огромную дозу снотворного, случайно она зашла в квартиру, успела вызвать врачей, его спасли, но он лежит в госпитале в тяжелом состоянии, хочет тебя видеть.

После работы Говоров поехал в госпиталь. Двухместная палата, слабый свет настольной лампы, запах лекарств, казенного учреждения. Сосед Клода, худой старик, вытянулся на спине, уставившись в потолок, не прореагировал на Говорова, ни разу не повернул голову. Клод встретил Говорова слабой улыбкой, отодвинул поднос с остатками ужина:

— Ну вот, дружище, никто не думал, что...

Клод словно извинялся.

Еще по дороге Говоров наметил для себя линию поведения. Спрашивать «почему?» — нельзя. Если Клод захочет — сам расскажет. Громко охать и причитать — глупо. Молчать и смотреть на Клода с жалостью — Клод обидится. И Говоров понес какую-то ерунду про французскую политику, тему своей сегодняшней корреспонденции. Говоров знал, что вряд ли Клод его слушает, но для Клода это был необходимый звуковой фон, дававший ему возможность привыкнуть к присутствию Говорова и решиться сказать что-то важное.

Они познакомились с Клодом лет двадцать тому назад, в Марселе, в первую и единственную поездку Говорова во Францию в составе советской делегации. Тогда Клод был членом Французской компартии и ак-

тивистом Общества франко-советской дружбы. Потом Клод приехал в Москву, работал переводчиком в издательстве, женился на молоденькой русской красотке, вернулся с ней в Париж. Потом началось у них взаимное разочарование, увы, типичная ситуация! Из блистательного иностранца, которому в Москве на валюту было все позволено, Клод, к удивлению Альбины, превратился в обыкновенного служащего, считавшего каждый франк. И жизнь в северном парижском пригороде очень мало походила на кадры из французских фильмов, которыми Альбина так увлекалась. А Клод вместо восторженной возлюбленной увидел рядом с собой эгоистичную бабу с непомерными амбициями, не способную терпеть скромный трудовой быт. И еще Альбина срывалась — по-московски запивала и бросалась в загулы, что вызывало оторопь у друзей Клода. Но Альбина объясняла свое поведение совсем по-другому, в ее глазах во всем был виноват Клод со своими мелочными придирками. А Клод не понимал, как при его неприхотливом характере, при том, что он вкалывает как вол... Словом, их претензии друг к другу можно было выслушивать до бесконечности, что Говорову и приходилось делать, когда семейные визиты прекратились и Клод и Альбина предпочли встречаться с Говоровым каждый в отдельности, как с исповедником, однако Говоров старался не забивать себе голову их проблемами, у него в одно ухо влетало, из другого вылетало. Говорову были симпатичны и Клод и Альбина, вместе и порознь, и он думал, что раз их отношения держатся — значит, не так плохо в этой семье.

Никто не ждал такой развязки!

А ждал он другого, вопроса Клода: спал ли ты с Альбиной?

Говоров подозревал, что именно этот вопрос больше всего мучает Клода, поэтому Клод и вызвал его в госпиталь.

«Нет,— ответил бы Говоров,— этого не было!»

И ведь чистая правда, граждане, хоть Альбина была готова, Альбина предлагала. И тут интуиция Клода не обманывала. Но как объяснить Клоду, что Говоров не пошел на эту связь, ибо у русских не принято спать с женами товарищей? И если объяснить так, то Клод скорее всего бы поверил, но это означало выдать тайны Альбины. И потом, неизвестна реакция Клода на такие

откровения — успокоится ли он или еще пуще обидится?

Впрочем, Говоров догадывался, что Клод ни о чем таком никогда не спросит. Будет терзать себя сомнениями, но промолчит.

— В общем, глупо, — сказал наконец Клод.

— Глупо! — согласился Говоров.

— Тут все навалилось вместе: долго не было работы, депрессия, скандалы с Альбиной...

— Конечно, — согласился Говоров.

— Но когда Альбина потребовала развод и продать квартиру... Раздел имущества, по закону она имеет право. А я привык к своему дому, к своим вещам... Квартира еще не выкуплена, но это единственное, что я имею, что заработал за всю жизнь. И я подумал: опять снимать, опять скитаться, деньги разойдутся, и мне уж никогда не иметь своей крыши над головой... Вот что было последней каплей.

— Понимаю, очень тебя понимаю, — согласился Говоров, и так как Клод замолчал, скользкую тему про Альбину они проехали, а может, у Клода и в мыслях не было ее затрагивать, то Говоров почувствовал одновременно облегчение и некий призыв к действиям. Теперь он знал, зачем он здесь.

— Тебя я понимаю. Но когда я читаю в газетах, скажем, историю про директора банка, которого уволили и который в состоянии депрессии убил свою жену, двух своих маленьких детей, а потом и себе пустил пулю в лоб, то я бы этого гада оживил, чтоб потом всенародно повесить! Он бы что, работу себе не нашел? Простым банковским служащим? Ан нет, у него гордыня, самолюбие, дескать, тем самым он перейдет в низший класс, какой-нибудь Жан Пьер с ним перестанет здороваться и придется продать яхту, к которой привык и которая еще не выкуплена. Но кто ему дал право лишать жизни своих близких, решать жизнь за своих детей? У этого несчастного директора банка небось квартира, о которой мы с тобой и мечтать не смеем, да еще домик в деревне, да куча акций. Мог бы жить припеваючи, если бы не эта боязнь оказаться на одной ступеньке ниже в обществе. Нет, извини, Клод, французы зажрались, французы с жиру бесятся! Тебе я искренне сочувствую, ты трудяга, тяжело в наши годы отказаться от своего угла, мне, кстати говоря, на свою квартиру не

заработать, но ты жил в Советском Союзе, ездил по стране, знаешь наш быт. Для какого-нибудь Вани из Ярославля, который двадцать лет вкалывает за гроши на химическом заводе, живет в общежитии, где в комнате пять коек, и ждет, когда ему дадут свой угол, действительно угол, шестиметровую клетушку, но свою! Так вот, для Вани из Ярославля, который после работы два часа стоит в очереди за вонючими костями, так называемым мясом,—мы здесь с тобой от такого отвыкли, собакам эти кости постыдимся дать,—для Вани из Ярославля, которому вечером еще надо дожидаться автобуса, втиснуться в него, чтоб трястись до общаги, где опять же все пьют, дерутся и блюют на пол, так вот, повторяю, для Вани из Ярославля твоя неудачная жизнь, Клод,—немыслимый сверкающий праздник! Понимаю, Клод, ужасно жалко расставаться с квартирой, но ты что, не сможешь снять другую? Ты лезешь на стенку, когда долго нет заказов, понимаю, противное состояние, но вот заказы приходят, и ты зарабатываешь деньги, которые Ване из Ярославля и не снились! Ты что, себе другую бабу не найдешь, нормальную француженку? Ты же завидный жених! А Ваня из Ярославля занимается онанизмом, бабу ему некуда привести, разве что в парадном. Или у него давно не стоит от всей этой химии в цеху. В общем, Клод, если ты расскажешь Ване из Ярославля, как тебе плохо во Франции, боюсь, сочувствия не дождешься, накинется он на тебя в дикой ярости и будет избивать ногами...

Говоров заметил, что Клод слушает его как-то затылком, хоть вроде лишь чуть-чуть отвернулся...

Потом Альбина ему сказала:

— Ты своей «лекцией» оскорбил Клода. Не думаю, чтоб он тебе это простил.

Альбина совсем исчезла с горизонта, а Клод очень долго не появлялся у Говоровых.

Конечно, Говорову хотелось совершить путешествие в Лондон, в основном из-за Дениса (для семилетнего мальчишки переплыть на настоящем морском корабле пролив Па-де-Кале—событие, которое он запомнит на всю жизнь), однако меркантильные подсчеты показывали, что дешевле и проще, а главное, по карману снять что-то на август в Бретани. Так он и намере-

вался сделать. Кира поняла, повздыхала, созвонилась с агентством, там нашли двухкомнатную квартиру с палисадником, в полукилометре от пляжа. Оставалось послать чек. Вдруг все поломалось. Савельева вызвали на август в Гамбург, и Говорову предстояло сидеть одному в лавке.

В начале августа парижские внештатники разъехались, политическая жизнь во Франции затихла.

— Я наскребаю темы для корреспонденций благодаря советским газетам,— сказал Говоров в очередном телефонном разговоре с Гердом.— Здесь ничего не происходит. Не может такого быть? Хорошо, пишу о побеге двух уголовников из лионской тюрьмы, репортаж об этом на первых страницах французской прессы. Что еще? А еще устрицы у них заражены каким-то микроорганизмом. Очень интересно для нашего слушателя? Итак, берешь мой комментарий к статье в «Комсомолке» о положении на железных дорогах? Прекрасно! Как я живу? Как в советском анекдоте. Начальник спрашивает подчиненного: «Теплую водку любишь? А потных баб? Нет? Молодец, пойдешь в отпуск в декабре!»

Герд посмеялся и сам предложил Говорову уехать куда-нибудь на неделю в конце месяца. Лондон стал реальностью.

Говоров связался с Леней Фридманом. Леня сказал, чтоб ехали прямо к нему, место в его доме на всех хватит. «И сообщи Скворцову,— как бы между прочим бросил Говоров,— он, кажется, вызывался нас встречать».

Скворцов прорезался в тот же вечер:

— Позвони мне прямо из Дувра. Я тогда точно рассчитаю время и буду ждать вас на первой большой бензоколонке перед въездом в Лондон. Помни, у меня красная «Тойота».

И дал свой домашний телефон. Засекреченный.

Что может быть лучше, граждане, чем сесть в свою машину и поехать в Англию? Основной поток еще чешет с севера на юг, к теплым морям, а когда сворачиваешь на Дюнкерк, дорога вообще пустынна, держишь не меньше ста километров в час, без малейшего напряжения. Автострада ведет тебя по пологим холмам, разрезая, как черный нож, буколические зеленые пейзажи;

мелькают по сторонам маленькие деревушки с обязательной островерхой церковью — знак забот, горестей и надежд других людей, но какое тебе дело до них? Мимо, прочь чужие судьбы! Твоя рука уверенно лежит на руле, и твоя жизнь, как машина, подчиняется твоей воле. А какое удовольствие пообедать в придорожном ресторане на открытой веранде, заказать Кире вино, Денису купить какой-то сувенир — все тебе позволено, отдыхающий путешественник. Но откуда такое спокойствие в нашем спокойном мире — с войнами, землетрясениями, наводнениями, свержением правительств, взятием заложников, автокатастрофами? Ерунда, все мимо! Потому что знаешь: вернешься в Париж, придешь в свою контору, откроешь свой кабинет, удобно устроишься в кресле, взглянешь на стопку телексов, писем и газет, скопившихся на столе, вздохнешь — отпуск кончился, надо работать. И действительно, куда же работа от тебя денется, кто ж ее у тебя отнимет?

Из первого уличного телефона-автомата в Дувре Говоров позвонил Скворцову. Уточнили время и место встречи. Не торопясь, рулил Говоров по левой стороне английской автострады. Машин заметно прибавилось, но никто не поджидал, не выскакивал перед носом — дисциплинированные британские водители — джентльмены! Дениска спал, растянувшись на заднем сиденье, Кира разложила карту южной Англии и дремала, видимо, ее тоже укачало на пароходе. «А дальняя дорога дана тебе судьбой, как матушкины слезы, она всегда с тобой», — мурлыкал Говоров, и вместе с песней Окуджавы пришла печаль. Вспомнилась «другая жизнь и берег дальний», старая московская квартира на Арбате, маленькая Аля ползает по потертому ковру и тянет все в рот — кубики, шарики, куклы и, с особым удовольствием, свои ботиночки, за ней нужен глаз да глаз! Наташка подбирает на пианино мелодию Окуджавы. Вот кто был первый и самый верный поклонник Булата! Сможет ли когда-нибудь Говоров их вытащить из Союза? Страшно и больно жить с мыслью, что он навсегда разлучен со своими девочками. А ведь ему так мало надо для полного счастья, если бы сейчас они все вместе ехали на машине, распевали бы Окуджаву — все, остановись, мгновение, ты прекрасно!

Впрочем, для полного счастья Говорову всегда чего-то не хватало.

Ну как определить, какая бензозаправочная станция — последняя перед Лондоном? Где это написано? А если и было написано, то на их тарабарском языке! Дважды они сворачивали, высматривали красную «Тойоту». Красных машин попадалось много, но не «Тойоты», а если и были «Тойоты», то без Скворцова. Уже появились указатели — к центру города, значит, они в Лондоне и надо самим как-то пробираться к дому Лени Фридмана.

Кира знала английский чуть лучше Говорова, но, услышав ее акцент, местные жители корчились от хохота и отвечали скороговоркой фраз, которых ни Кира, не Говоров не понимали.

Стемнело. Кира купила карту Лондона. Они тормозили на перекрестках, и при свете уличных фонарей читали названия площадей и «стритов», сверяя маршрут. Что-то произошло с машиной. Включались только вторая и третья скорости. Ни третья, ни четвертая не цепляли, не тянули. Теперь сзади гудели. Не желая пугать Киру, Говоров не показывал вида, что машина сломалась, благо настало время знаменитых лондонских вечерних пробок, особо не погонишь. Но он ждал каждую минуту, что машина встанет как вкопанная, и тогда... Каким чудом они доползли — одному Богу известно. И когда они вошли в тихий сквер, окруженный трехэтажными однотипными домами и на освещенном крыльце Фридмана увидели Скворцова, вздымавшего руки к небу и что-то кричащего, то Говоров обрадовался ему, как самому близкому и родному человеку.

— Я понял, что мы разминулись, я поспешил обратно, я несся как сумасшедший на красные светофоры. Мы думали, что ты позвонишь, скажешь точное место, где находишься, и я бы поехал тебя встречать.

— Я буквально силой удерживал Алексея дома. Он считал, что знает твой маршрут, и хотел разыскать тебя в лондонских пробках. Я ему повторял: сиди и жди! Андрей, если заплутает, обязательно позвонит! В конце концов, ты не через джунгли пробираешься,

а по цивилизованному городу, всюду телефонные будки.

— Верно, Леня, телефонные будки я видел, но еще надо знать, как в вашей цивилизации звонят из автомата, какую монету опускают. А у кого спросишь? Ни одна сволочь в твоём городе по-французски не лопочет. В вашей имперской столице привыкаешь к левостороннему движению, только на перекрестке не знаешь, кто кого должен пропускать. И потом я решил: пока машина едет, пусть едет. Я боялся, что если остановлюсь, то уже не стронусь с места. В общем, в следующий раз передвигаюсь по Лондону только на общественном транспорте.

Вот так они говорили в течение часа, пока Кира кормила и укладывала Дениса. Концерт для трех голосов. Каждый упорно вел свою тему, добавляя вариации. Музыка модерн в стиле Шостаковича.

А потом сели за стол, выпили, закусили, еще раз выпили, и тогда Говоров почувствовал, что спало напряжение, полегчало. Незнакомый сумасбродный Лондон растворился за стенами русского дома. Суэта авеню, залитых светом реклам, и могильная темень переулков — все это прошло и сгнуло. Уютно горит торшер на кухне, и лишь запотевшая бутылка водки, только что вынутая из морозилки, напоминает о здешних туманах. «Мой дом — моя крепость», — говорят англичане. Правильно говорят. И дом моих русских друзей, которые меня ждали и за меня волновались, тоже моя крепость. Спасибо, ребята. Давайте выпьем!

Ну а дальше никакого разговора не было, сплошное соло Скворцова: «Я скоро куплю себе квартиру, три-та-та! Сорок пять тысяч фунтов, их надо во что-то вкладывать, ля-ля! Я люблю ходить по пабам, я встречаюсь там с женщинами, никого я не боюсь, я на Фурцевой женюсь, бум-ти-ри-ра-ра! У меня прекрасная коллекция видеокассет, все лучшие фильмы, если Кире интересно, я завтра позвоню, пусть приходит ко мне в гости, ба-бах!»

— И приду, — сказала Кира. — Я знаю Говорова, его в гости не затянешь, для него единственное удовольствие — шляться целый день по улицам.

Ого, подумал Говоров, он уже на Киру глаз положил! Впрочем, она не девочка, чтоб я следил за ее нрав-

ственностью. И смотреть фильмы ей действительно развлечение. Пускай.

«Эмигранты не могут вписаться в новое общество,— бил в литавры Скворцов,— лишь Солженицын и Ростропович сделали себе состояние, за это их даже советская власть уважает. А эмигранты держатся друг за друга и не умеют зарабатывать деньги».

Фридман и Говоров не спорили. Смаковали жаркое. Мы люди служивые, на зарплате, о миллионах не мечтаем. Если они Скворцову светят, пусть. Леша, твое здоровье!

«Мой английский без акцента. Все это говорят. Поэтому, ребята, вы себе представить не можете, в какие дома меня приглашают. А сейчас у меня работа, правда, временная. Ни в какое бюро не хожу. Пью чай. Ко мне на дом приносят бумаги. Я смотрю, все ли там верно, все ли соответствует. Пишу заключение, и за это получаю две тысячи в месяц».

— Две тысячи фунтов? — проснулся-встрепенулся Говоров.

— Угу,— подтвердил Скворцов, и тут же взял самую верхнюю ноту на женскую тему, какие, мол, англичанки душевные и покладистые.

За что тебе, дураку, платят такие деньги? — хотел спросить Говоров, но не спросил. Разомлел. К тому же музыкальные упражнения Скворцова забавляли. Леня Фридман тихо посапывал, а Говоров вообще был в очень мирном настроении.

Хорошо сидели.

На следующий день Скворцов позвонил точно в условленный час и заныл, что у него назначен прием у зубного врача, о котором он забыл, и еще набежали какие-то дела, мелочь пузатая, но все-таки отодвинуть их нельзя, поэтому ему крайне неудобно перед Кирой, он же ее звал к себе, чтоб показать, и Кира, наверно, настроилась.

...Между прочим, ночью Говоров сказал Кире, что на трезвую голову Скворцов испугается назначенной свиданки и сделает все, чтоб от нее отвертеться, а Кира ответила... Но это уже не важно, что она ответила. Сейчас было ясно: Алексею Скворцову очень нежелателен приход Киры к нему домой. Может, его покровители из

разведки ему это отсоветовали или Скворцов подумал, что Говоров подумает, а портить их отношения Скворцову не хотелось. А вдруг и впрямь зубной врач?

— Кира переживет,— отмахнулся Говоров,— но у меня проблема с машиной, и ты можешь мне помочь.

Собственно, с машиной проблем не было, ее уже чинили. Когда утром Говоров и Фридман затолкнули ее в ближайший гараж, хозяин гаража (типично пиратская морда из фильма «Остров Сокровищ», для полного сходства не хватало лишь черной повязки на глазу, двенадцати мертвецов и бутылки рома), заявил, что надо менять сцепление и к завтрашнему вечеру все будет готово. «Хау мач из ит?» — спросил Говоров, единственно, что мог спросить по-английски, а так все переговоры вел Фридман. «Четыреста пятьдесят фунтов», — ответил пират, и, это естественно, был грабеж среди бела дня, а чего еще ждал Говоров в стране, освященной традициями морских разбойников? Во Франции ремонт обошелся бы в два раза дешевле, но как переправить машину через Ла-Манш? Те же деньги. И без машины будет испорчено все путешествие по Англии. «Ладно,— согласился Говоров,— но я могу заплатить чеком французского банка». Разбойник скривил рожу. Переводить франки в фунты? Да за это банк сдерет налог! Снова вступился Леня, бойко взял пирата на abordаж. Говоров слушал, не понимая, о чем идет речь. Наконец разбойник благосклонно кивнул. «Он предлагает дать ему триста фунтов наличными,— сказал Фридман,— тогда он не будет выписывать квитанцию. Работа по-черному, без налога. Эта его устроит».

То есть проблема заключалась в том, где достать триста фунтов наличными. По французскому закону Говоров не имел права снять в английском банке больше ста пятидесяти фунтов — в тот период жестко ограничивали покупку иностранной валюты. А у Фридмана на счету оставалось 10 фунтов до зарплаты.

Между тем, по словам Скворцова, у него денег куры не клевали. Говоров мог вернуть ему долг в Париже. Был еще один привлекательный вариант: Говоров через своих знакомых передает большую сумму в рублях жене и дочери Скворцова. Скворцов даже не догадывался, что существует такой выгодный курс обмена. Ведь еще вчера он жаловался, что его жестоко обирают, когда он

пытается послать деньги в Москву через официальные лондонские меняльные конторы.

Вот что растолковывал Говоров, и как только Скворцов понял, реакция была мгновенной.

— Чудно. Завтра ровно в полдень я тебе звоню и привожу деньги. Московский вариант прекрасен. Спасибо. Все, я побежал.

Говорова поразила неожиданно радостная интонация в голосе Скворцова. Показалось даже, что Скворцов готов пообещать все что угодно, лишь бы сегодня его оставили в покое.

Говоров ждал звонка до двух часов дня, потом сам стал звонить Скворцову через каждые десять минут. С прогулки вернулись Кира с Денисом. Они думали, что машина уже готова и они поедут смотреть Лондон. Говоров пошел объясняться в гараж. Пират понял, что денег нет, загнал машину в глубь помещения и надежно заблокировал ее грузовиком.

Не спуская глаз с телефона, Говоров сел играть с Денисом в шахматы. Так бездарно и мучительно тянулось время до вечера, пока не приехал Фридман. Опять позвонили Скворцову. Леня стал названивать каким-то общим знакомым. Нет, сегодня Алексея Скворцова никто не видел.

Леня предположил, что Скворцов уехал отдыхать в Шотландию, так уже случилось, когда Скворцов был на грани срыва, и ему там бронировали номер в гостинице.

— А что, в Шотландии нет телефонов? — взорвался Говоров. — Оттуда невозможно позвонить, предупредить, извиниться? Все проще, плач о семье, разговоры о переводе денег в Москву — это все красивый жест на публику. На самом деле Скворцов жмот и скряга. Я давно это заметил. Теперь ему неудобно перед нами, и он решил смыться до нашего отъезда.

— Ты бы нашел общий язык с моей женой, — ответил Фридман. — Маша утверждает, что за всю зиму — а Скворцов ужинал у нас довольно часто — он ни разу хотя бы для приличия не принес коробки конфет. Он, конечно, сумасброд, но все-таки тут что-то не то.

Как легко догадаться, за ужином доминировала одна тема.

Все устроилось. Леня занял на работе деньги. Пират отдал спрятанное четырехколесное сокровище. Они весело провели оставшиеся дни и с ветерком вернулись в Париж. Рассказ Говорова о приключении в Лондоне (Скворцов — главное действующее лицо) вызвал в редакции бурю эмоций.

Пару раз Говоров звонил Фридману. Скворцов не объявлялся. Наверно, ему было стыдно.

Потом Фридман сам позвонил.

— Хочешь сказать, что прорезался Скворцов? — насмешливо спросил Говоров.

— Нет, Андрей, кажется, тут совсем другая история, — со значением произнес Фридман, — и довольно страшноватая.

...Вообще в этой истории много телефонных звонков. И так как они все надоели, трезвонят беспрерывно, то будем называть их сокращенно: Т.З.

Т.З. разбудил его рано утром.

— Срочно приезжай в редакцию, — сказал Савельев, — нет, не к одиннадцати, а прямо сейчас. Пожара нет, но есть телекс из Гамбурга. Сегодня Алексей Скворцов выступает на пресс-конференции в Москве.

Отрывок из конференции французское телевидение показало в дневных новостях.

Говоров увидел битком набитый зал Московского Дома журналистов. Официальная рожа в президиуме деловито пробубнила, что международная реакция не унимается, подстраивает гнусные провокации советским людям за рубежом, потом повернулась к Скворцову, расплылась в мерзейшей приторной улыбке и предоставила ему слово. Скворцов крупным планом. Хорошо подстрижен, свеж, бодр. Начинает свою речь без запинки. Меня похитили. Держали в застенке. Пытали. Чудом улизнул.

Вопросы из зала:

— Как пытали? Били?

— Не били, но кололи наркотиками. А однажды, когда я отказался подписывать одну бумагу, навалились, скрутили, силой раскрыли мне рот и влили полный стакан виски.

— Как вам удалось вернуться в Москву?

— Обманул своих стражей.

— Уточните, пожалуйста, каким путем вы уехали из Англии.

— А вот этого сказать не могу. Наша маленькая тайна.

(Быстрый взгляд на сияющего официального хмыря.)

— Ваши статьи в «Санди таймс»?

— Я к ним не имею никакого отношения.

— А ваши выступления по Радио и Би-Би-Си?

Скворцов снисходительно жмурится:

— Всем известно, что с помощью современной техники можно подделать любой голос.

Т.З. от Герда:

— У вас показали пресс-конференцию? О'кей! Все ждут от тебя комментариев. Мы уже вытащили из архива твои интервью со Скворцовым.

— Это вы оперативно сработали. Предлагаю сделать из них монтаж и пустить сегодня. Особенно обратите внимание на то место, где Скворцов рассказывает, как его пытали вкуснейшими бифштексами и тончайшими винами. В «Либерасьон» интересная статья о Румынии, я могу ее перевести и послать корреспонденцию к четырем часам.

— Ты не хочешь писать о Скворцове??!!

— Нет.

— ??!!

— Пойми, Герд, я не верю, что он сам добровольно вернулся в Союз. Что с ним случилось, я не знаю. Когда у меня будут какие-то достоверные сведения, я напишу. Представь себе вариант, что Скворцов попал в ловушку КГБ. Сейчас он выступает по заранее утвержденной шпаргалке, но у него нет выхода. Речь идет о судьбе человека. Может, для него это вопрос жизни и смерти. Как же я, сидя в безопасном Париже, могу его топить?

— Я понимаю,— простонал Герд,— но у нас в Гамбурге не поймут. Ведь Скворцов — это твоя тема. Ты последний, кто его видел. У тебя уникальный журналистский материал. Не использовать его... Тем более Матус рвется в бой. Он же давно высказывал мнение, что Скворцов — засланный агент КГБ.

— Вот пускай пишет Матус,— сказал Говоров,—

это даже хорошо. Это сейчас прозвучит в пользу Скворцова.

* * *

Отрывки из статьи Говорова в газете «Монд»:

«Алексей Скворцов исчез из своей квартиры в Лондоне 17 августа. А 23 августа Скворцов звонит якобы из Лондона незнакомому человеку в Нью-Йорк, ведет получасовую беседу о покупке пленок Высоцкого и жалуется этому незнакомому человеку на то, что у него вдруг обнаружен рак с метастазами. И вообще, ему кажется, что дни его сочтены. Причем, как свидетельствует этот человек, десять минут из получасового разговора Скворцов натужно кашлял. Я видел Скворцова за неделю до этого: он не говорил, что у него рак, и не кашлял. Вдумаемся: как Скворцов мог звонить из своей квартиры двадцать третьего числа, когда его, по его же словам, повсюду искали английские спецслужбы? Значит, кто-то от имени Скворцова позвонил из Лондона в далекий Нью-Йорк (его собеседнику невозможно было прилететь и проверить) и забросил версию о том, что Скворцов опасно болен. Кстати, впоследствии именно эта версия появилась в английской печати. Резонный вопрос: знает ли сам Скворцов, что на Западе упорно распространяется версия, будто он смертельно болен и таким образом может вполне естественно выпасть из игры?»

«Английская телекомпания Би-Би-Си пригласила меня в Лондон для участия в документальном фильме, посвященном так называемому «делу Алексея Скворцова». Я воспользовался этой поездкой для того, чтобы поговорить с людьми, которые чаще меня встречались с Алексеем Скворцовым в Англии и знали его лучше, чем я. В ходе этих бесед укрепилось мое прежнее мнение, что Алексей Скворцов был настоящим невозвращенцем, но КГБ угрозой и шантажом заставил его вернуться в СССР. В пользу того, что Алексей Скворцов не хотел возвращаться на родину по собственной воле, говорят следующие, новые для меня факты. Когда по Би-Би-Си передали интервью Скворцова, предназначенное для России, в редакцию Би-Би-Си на имя Скворцова пришло письмо. Оно было послано из Лондона, но запечатано в советском конверте. В письме были

слова: «Собака, ты умрешь, захлебнувшись в собственной крови». Теперь, за последние недели, несколько лондонских друзей Скворцова получили анонимные письма, которые они рассматривают как скрытую угрозу КГБ. Но меня интересует главное: почему у КГБ свет клином сошелся на Алексее Скворцове? Почему именно Скворцова надо было похищать или заставить его вернуться в Москву? Ведь на Западе живут советские перебежчики более высокого ранга... У меня создалось впечатление, что главная тайна, которую хочет сохранить КГБ,—это обстоятельства покушения на папу римского в Италии. Алексей Скворцов волей или неволей оказался причастным к этой тайне».

«Задание у него было другое: съездить в Рим и собрать высказывания прокоммунистически настроенных итальянских интеллектуалов, подтверждающих причастность ЦРУ к заговору против папы... Что действительно побудило Алексея Скворцова остаться на Западе, мне до сих пор не ясно. Возможно, он почувствовал, что втянут в слишком опасную игру... Московская газета развернула невиданную в советской журналистике кампанию: «Верните Скворцова!» Но потом эта кампания утихла. События в Италии поворачивались в благоприятную для Москвы сторону. В Риме болгарина Антонова выпустили из тюрьмы, и создавалось впечатление, что вообще процесса над Антоновым не будет, поэтому КГБ мог особенно не беспокоиться. Однако в Италии опять что-то изменилось. Антонов оказался снова в тюрьме, и стало ясно, что процесс в Риме состоится. Тогда-то в КГБ, наверно, испугались, что Алексей Скворцов выступит на суде в качестве свидетеля. Свидетель, понятно, крайне нежелательный для Москвы».

«Опасения КГБ, как мне сейчас стало известно, имели все основания. Алексею Скворцову действительно предложили выступить на суде. Предложили не англичане, но кто — мне неизвестно. Ехать в Италию и принимать участие в процессе Скворцов отказался: он знал, что КГБ ему этого не простит, а у КГБ руки длинные. Но он согласился дать письменные показания, которые могли быть оглашены на закрытом заседании суда. Тогда в Лондон ему доставили все материалы по делу болгарина Антонова, всю разработку, все источники, и он должен был разбирать и анализировать эти

материалы, давая свою оценку. К несчастью Скворцова, у КГБ оказались не только длинные руки, но и длинные уши. И судьба Скворцова была решена. Остальное, как говорится, дело техники. А техника похищений в КГБ разработана на самом высоком уровне».

«На пресс-конференции в Москве Скворцов заявил, что собирается написать книгу «Кинофестиваль, затянувшийся на год» и продолжать свою серию разоблачительных статей в газете». Как мы видим, планы у него долгосрочные. Но соответствуют ли эти планы намерениям КГБ? Возможно, Скворцову уже известно, что КГБ забросил на Запад версию о том, что у него рак горла и, таким образом, он в любой момент может умереть естественной смертью. Спасая свою жизнь, Скворцов теперь будет добросовестно писать все, что ему продиктует КГБ. Увы, выбора у Алексея Скворцова нет».

* * *

В кабинете, из окон которого как на ладони была видна площадь Дзержинского, шло небольшое совещание.

— В «Монде» Говоров не сказал ничего нового. В сущности, это выжимка его статей, уже переданных по Радио. Мы сверяли текст по радиоперехвату.

— По Радио он мог надрываться сколько угодно. Его слышат только у нас. Но выступление в «Монде» перепечатали от Тель-Авива до Нью-Йорка. Дело получилось, что называется, международный резонанс.

— А история с фильмом по Би-Би-Си? Это выдумка, попытка оказать на нас давление?

— Нет, фильм уже смонтирован и стоит в программе.

— Да, вышла накладка.

— Наши ребята не виноваты. Операцию провели превосходно. Нейтрализовали всех эмигрантов в Англии, знавших Скворцова. Но кто мог предвидеть, что из Парижа свалится этот тип и поведет свое расследование?

— А как реагировал наш герой?

— Реагировал хорошо. Вот гранки его последней статьи, которая сегодня появится в газете. Он называет

Говорова «матерым предателем», который потребовал у него три интервью для Радио.

— «Матерый предатель»? Хлестко.

— Однако Радио крутит именно эти три интервью круглые сутки.

— Что же будем делать с нашим героем?

— Закон для всех одинаков.

— Правильно,— вздохнул хозяин кабинета,— но если Скворцов исчезнет, то Говоров опять заорет в микрофон или в «Монде», что, мол, Скворцова посадили или убили. Поэтому Скворцова пока нельзя трогать. Пусть пишет книгу, пусть выступает в газете хотя раз в полгода... А там посмотрим. Что же касается Говорова...

— У него в Москве первая жена, дочь и внучка,— с готовностью подсказал кто-то.

— Можно, но... полегче,— поморщился хозяин кабинета. Он помнил, что когда-то на столе его шефа лежал роман Говорова о французской революции, выпущенный Политиздатом. Конечно, с тех пор очень многое изменилось и сейчас с Говоровым нечего церемониться. Однако интуитивно хозяин кабинета чувствовал, что скоро времена опять будут меняться, и пойдя угадай, в какую сторону. Холодной головой чекиста хозяин рассудил, что в данном случае ему лучше оставаться с чистыми руками.

— А не обратиться ли нам к Юлиану Семенову? У него на Говорова зуб,— последовало другое предложение.

Хозяин кабинета кивнул одобрительно. В конце концов клеветников и отщепенцев надо наказывать. Но пусть писатели сами сводят свои счета.

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

Примерно за год до ЭТОГО

произошла довольно странная история: Говорову позвонили из Елисейского дворца. Кира сказала, что мужа нет дома, но он скоро...

— Не хочет ли месье Говоров,— перебил ее женский голос,— присутствовать на торжественном собра-

нии во Дворце Шайо, посвященном сорокалетию Декларации прав человека?

— Очень хочет,— сказала Кира,— но ведь собрание завтра, и он просто не успеет получить приглашение.

— Об этом не беспокойтесь,— вежливо ответили на том конце провода и положили трубку.

Через час ничего не подозревающий Говоров вернулся из магазина (как всегда, с полными сумками продуктов) и у входа в свой двор увидел консьержку, беседующую с полицейским в белом шлеме и в белых мотоциклетных перчатках.

— Это тот месье, которого вы ищете,— указала консьержка на Говорова.

Чем же я проштрафился?— подумал Говоров, но полицейский протянул конверт с вензелем Президента Республики. На конверте было написано «Monsieur Andrej Novogov». Говоров просмотрел приглашение и объяснил полицейскому, что его фамилия начинается не с Н, а с G, ошибка в первой букве, однако раз никакого другого месье с похожей фамилией по этому адресу не проживает, то это наверно предназначено ему. Полицейский козырнул и укатил на мотоцикле.

Кира рассказала про звонок. Говоров, в свою очередь, позвонил Савельеву— мол, не с его ли подачи.

— Нет,— ответил Боря,— нам вообще не удалось получить ни одного билета. Объяснили, что число приглашенных строго ограничено.

— Но ведь я же теперь никто. Почему мне шлют билет с нарочным?

— Значит, ты у Миттерана в каких-то списках. Для тебя это случай напомнить о себе, попробуй им как-то воспользоваться.

Конечно, Боря Савельев рассуждал здраво: если сейчас упустить такой шанс, то когда же еще? К Миттерану Говорову не пробиться, но во Дворце Шайо будет Сахаров. Достаточно подойти к Андрею Дмитриевичу, нет, лучше к Елене Боннэр и сказать: «Люся, ты знаешь, в каком я безнадежном положении, без работы и с двумя семьями. За ужином ты будешь сидеть рядом с Миттераном. Заболви за меня одно слово». И что-то могло сдвинуться в его судьбе. Заскрипели бы тяжелые

жернова колеса Фортуны, и как счастливый лотерейный билет к Говорову бы спланировало, например, место в русском отделе Национальной библиотеки...

Полночи Говоров мерил шагами комнату. Курил. И вспоминалось:

«Амальрик подбивает Сахарова на какую-то безумную затею. Я хочу, чтоб ты и Юра Орлов присутствовали при этом разговоре» (Это Люся еще в Москве.)

«Я сожалею о вашем отъезде. Но если вы решились, я бы хотел, чтоб вы поехали в Париж. Мне не нравится, как Лева Самсонов делает журнал, его заносит. Вы слевой друзья, вы сумеете ему помочь, удержать Леву от крайностей. Я на вас очень надеюсь». (Это напутствие Сахарова, когда он узнал, что Говоров эмигрирует.)

«Ребята, меня, наверно, больше не выпустят из Москвы. Позаботьтесь об Алешке». (Это когда он на своей машине отвозил Люсю в аэропорт «Шарль де Голль» и Лева Самсонов вещал всю дорогу о задачах демократического движения, а Люся не слушала, она не сводила глаз со своего сына, держала его за руку и потом, со ступенек эскалатора, оборачивалась, искала взглядом только Алешку, точно была уверена, что видит сына в последний раз.)

«Люся, скажи мне что-нибудь в микрофон. Мне нужен твой голос для репортажа». И Люся, в плотной толпе журналистов, атакующих ее у Елисейского дворца, находит Говорова и бросает две фразы: «Миттеран никогда не забудет Сахарова. Миттеран мне обещал, что сделает все для него».

И теперь это так естественно, если он, то неужели Люся?

Но вспоминалось другое:

Почти плачущее лицо еще сравнительно молодой женщины, преподавательницы русского языка в Корнеллском университете, ее умоляющий голос: «Со мной не продлили контракт. Мне надо будет искать работу в других университетах, а сейчас это очень сложно. У меня на руках старый отец. Я знаю, вы в хороших отношениях с Сахаровым, сделайте так, чтобы он за меня заступился». Они совсем ополоумели в своей зажавшейся Америке, возмутился Говоров и ответил с ледяной учтивостью: «Я вам искренне сочувствую, но

к Андрею Дмитриевичу можно обращаться за помощью только тогда, когда речь идет о жизни и смерти политзаключенного. Все остальное, поймите, выглядело бы неприлично». (Давно это было, лет сто тому назад, когда Говорова пригласили на месяц читать лекции в университетах восточных штатов.)

Двойной полицейский кордон у Дворца Шайо медленно огибая фонтаны к нижнему входу подруливают тяжелые правительственные лимузины в вестибюле нос к носу Говоров сталкивается с Юрой Скворцовым «Откуда ты, прекрасное дитя?» — «Я тут с советской делегацией, знакомься — Даниил Гранин, Федор Бурлацкий» растут люди вот и Скворцов стал выездным все справедливо с Граниным мы знакомы и Бурлацкий человек про которого говорят он ногой открывает дверь в приемную Горбачева «Приятно было видеть автора двух советских Конституций?» — «Ну, первую можно было и не писать» — несколько смущается Бурлацкий «А вот как вам теперь живется?» все про меня знает «Кто-нибудь из вас балакает по-французски?» — «Нет, а вы сможете нам переводить?» он садится в средних рядах с советской делегацией слева Бурлацкий справа Гранин и Скворцов в президиуме различает Сахарова и Леха Валенсу впереди в двух шагах от Говорова Лоран Фабьус слева через проход Пьер Моруа сзади Жак Ланг и Пьер Жокс в хорошую компанию я попал подходит Юра Орлов который прилетел с Сахаровым из Штатов еще несколько знакомых журналистов и никого из русской парижской эмиграции в зале возникает суэта пробегает несколько одинаково одетых штатских с озабоченно перекошенными лицами «Давайте встанем в проходе» — предлагает Говоров Бурлацкому — с минуты на минуту появится Миттеран» и точно Миттеран легкой походкой вместе с Генеральным секретарем ООН всегда забываю его фамилию малый из Венесуэлы или а Миттеран как обычно торжествен и напряжен будто ждет что Говоров который в метре от него бросится в ноги дяденька Миттеран подай Христа ради «Он у вас держится как король» ехидно замечает Бурлацкий подначка Говорову за автора двух Конституций «Это наш президент» отвечает Говоров и потом речи на полтора часа Говоров переводит не до-

словно общий смысл и что переводить официальная скука и уже на выходе когда все повалили в вестибюль за пальто и плащами он увидел Сахарова которого в упор расстреливали блицами десятка два фотографов подошел сзади тронул за рукав Сахаров обернулся Господи как он сдал как физически изменился «Андрей? А вот Юра Орлов» — «Андрей Дмитриевич с Юрой мы наговорили километр пленки у меня один к вам вопрос: как ваше здоровье?» Сахаров устало улыбнулся «О здоровье лучше не будем, считайте что в порядке» стоять рядом с человеком которого запечатлевают для вечности мировая пресса было неудобно нескромно Говоров попрощался отошел его ждали Гранин и Скворцов Бурлацкий отвалил сопровождаемый сановным рылом из посольства может успели объяснить что слишком много чести так долго общаться с бывшим корреспондентом бывшего враждебного Радио втроем с Граниным и Юрой Скворцовым они спустились к мосту Трокадеро по Сене плыл прогулочный корабль заливая берега волшебным голубым светом прожекторов иллюминированной стрелой упиралась в небо Эйфелева башня «Какой прекрасный город» вздохнул Гранин они посидели в ресторанчике обсуждали литературные дела потом проводили Гранина до гостиницы Юра Скворцов решил еще немного прогуляться в кафе на Сен-Жермен они застряли и до двух часов ночи говорили только на одну тему — об Алексее Скворцове.

— И все же, мне кажется,— подытожил Говоров,— что тогда я спас ему жизнь.

— Ты знаешь,— ответил Юра Скворцов,— мы с братом очень редко видимся, не те отношения, но у меня тоже такое впечатление.

Говоров неделю ломал голову — пытался понять, что означал загадочный звонок из Елисейского дворца. Почему из всех русских в Париже пригласили только его? Может, секретарша младшего референта, повиная указанию свыше, ткнула пальцем в первую русскую фамилию, которую нашла в телефонной книге? Может, кто-то вспомнил историю Алены и Лизы (в свое время о них довольно много писала французская пресса, Алена и Лиза фигурировали в приоритетном списке по воссоединению семей, который Миттеран во-

зил в Москву) и эта история, благополучно разрешенная, прекрасно иллюстрировала Францию в борьбе за права человека? Или были еще какие-то причины (его книги? его статьи в парижских газетах? его особое положение на Радио, благодаря которому он в течение стольких лет давал заработок русской эмиграции?), державшие до сих пор его в сфере внимания французской администрации?

В конце концов Говоров решил, что нечего гадать, и стал сочинять письмо Миттерану. Спокойное. Благодарил за помощь (за Алену и Лизу). Рассказывал о теперешней своей ситуации (прокормить Алену и Лизу он не в состоянии). Выражал надежду, что, может, его опыт и знания пригодятся Франции. Он, Говоров, готов на любую работу.

Текст редактировался, ужимался (Говоров знал, что длинные письма чиновники не читают), был переведен на французский и напечатан хорошим шрифтом.

Письмо послал не по почте (вдруг забастовка или потеряют?). Сработали старые связи, и письмо было передано в Елисейский дворец на определенный уровень.

Больше ни на какие официальные приемы Говорова не приглашали. И ответа из канцелярии президента он не дождался.

V

За шесть — восемь лет до ЭТОГО

В жизни Говорова наметились три главных направления: 1) работа на Радио окончательно заслонила собой все остальное, и он понял: книг ему больше не писать — разве что после выхода на пенсию, 2) Говоров решил, что он обязан выцарапать Алену и Лизку из Москвы, 3) завершилось размежевание в парижской эмиграции, и Говоров вместе с Виктором Платономчем как бы возглавили левых либералов.

Но об этом подробнее. Вроде бы размежевание было четким, но, как всегда в эмиграции, запутанным. С одной стороны, правые, ярые антисоветчики, которые твердили, что въедут в Москву на белых танках,

сгруппировались вокруг журнала «Вселенная» (Самсонов, Краснопевцева и К^о — парижский райком партии, как называл их Говоров). К ним примыкала «Русская газета». С другой стороны — парижский филиал Радио и журнал «Запятая», которые придерживались примерно одних взглядов, но никогда не смыкались. Смыкаться с «Запятой» было опасно, ибо никто не мог предвидеть, какой фортель выкинет завтра ее редактор Марья Васильевна, более того, Марья Васильевна сама этого не знала. Однако ясная расстановка сил нарушалась тем, что вся редакция «Вселенной» делала передачи на Радио и из «Русской газеты» бегали к Говорову на приработки. В то же время Виктор Платоныч официально числился заместителем Самсонова, хотя давно там не появлялся. Многие русские литераторы и журналисты высывались то у Говорова, то во «Вселенной», окончательного смазывая картину. Тем не менее два противоположных лагеря различались тем, что у либералов, как обычно, наблюдались интеллигентский разброд и шатание, а у правых, как и положено, партийная дисциплина и вождизм. Причем вождей там стало больше, после того как Лева Самсонов выбил у американцев крупные деньги (а выбивать деньги он всегда умел) на организацию Союза спасения от коммунизма. В Союз спасения от коммунизма (ССотК) вошло трое Известных Диссидентов, и сразу распределили посты: президент ССотК, председатель ССотК, генеральный секретарь ССотК, директор ССотК (Самсонов). Словом, все как у людей, как в какой-нибудь «Дженерал моторс», и даже более впечатляющий руководящий состав, чем в КПСС. Высокое начальство командовало... двумя секретаршами, которые от нечего делать наговорили по телефону со своими подружками и знакомыми из-за океана на такую астрономическую сумму, что Лева Самсонов схватился за голову и принял первое (а может, и единственное) разумное решение: отключить от международной и межгородской связи все аппараты, кроме одного, который хранил в запертом ящике стола, а ключ носил при себе. Правда, сперва к ССотК присоединились десятка два влиятельных общественных деятелей из Франции, Америки и Германии, но как только ССотК начал публиковать «Обращение» в прессе (набранное в газете за огромные деньги в виде рекламы — печатать воззвание

ССотК как статьи редакции решительно отказывались), посыпались опровержения. Общественные деятели дружно заявили, что ничего подобного они не подписывали, публикуемые тексты им никто не показывал и вообще они предпочитают выйти из ССотК. Остались лишь те, кто начисто забыл, что когда-то вступил в ССотК, благо теперь ССотК печатал воззвания без подписей — так было спокойнее. И потом, звезды политики на Западе люди занятые, одновременно членствуют во многих ассоциациях, разве все упомнишь?

Тем не менее одно мероприятие ССотК провел почти что успешно. Президент, пользуясь своими международными связями, созвал коллоквиум против тоталитаризма. Народ собрался. Разгорелась дискуссия. Особенно интересно выступали чилийцы и кубинцы. Так продолжалось по нарастающей до обеда. С обедом вышел конфуз. Нет, кормили хорошо, даже слишком, и в дорогом ресторане. Но борцы против тоталитаризма привыкли, что на всех конгрессах разговоры разговорами, а за обед надо платить самим. Однако Лева Самсонов сделал широкий жест — обед давался бесплатно. Когда участники коллоквиума это поняли, то шедевры французской кулинарии стали застревать у них в горле. Откуда у ССотК деньги, чтоб так гулять? Не иначе как ЦРУ финансировало. А быть на содержании ЦРУ не хотели даже бедные латиноамериканцы. Народ сообразил, что пора линять. На следующий день зал катастрофически опустел.

На следующий день Джордж Вейли пригласил Говорова на ленч. Сидели в скромном кафе. Джордж Вейли сказал, что, конечно, Самсонов совершил ошибку и вообще он изменился, зарывается и почему я вас не видел на коллоквиуме?

— Вы же знаете, — ответил Говоров, — я ничего не пишу о ССотК. Я считаю эту затею чистым надувательством. О коллоквиуме сделает программу Боря Савельев.

По одутловатому, несколько бульдожьему лицу Джорджа Вейли прошли тень, страдальческая гримаса, и Говоров расшифровал это так: «Я вам не могу, по по-

ложению не имею права рассказать, что происходит, но почему вы сами не понимаете?»

— Андрей, американцы воспринимают ССотК всерьез, иначе я бы не прилетел в Париж. Вы же демонстрируете явную оппозицию. Получается, что ударные материалы делает Савельев. Я бы хотел, чтобы вы стали начальником русской службы в Париже.

— Исключено, Джордж. Я не рвусь, я мечтаю иметь хоть немного времени на писательство. И потом, Боря Савельев посылает утренние телексы в Гамбург.

— Телексы может отправлять Беатрис. Переведет на английский, если вы ей продиктуете.

— Но Боря любит такую работу. Более того, у него американский паспорт. Где вы найдете лучшую кандидатуру для начальника?

— Савельев не будет начальником в Париже,— зло отрезал Вейли.

— Напрасно, он со всеми ладит. А я не разговариваю ни с Самсоновым, ни с Краснопевцевой.

— Вот и зря.

Та же тень с болезненной гримасой прошла по лицу Вейли. На этот раз Говорову не надо было расшифровывать, до Парижа докатились слухи, что в Гамбурге опять началась война в администрации, «сеча русских с кабардой», хотя драчка была в основном между самими американцами. Короче, Вейли нужно опираться на своих людей, Говорову он доверяет, он его выдвигает, а Говоров упорно упирается, не хочет придерживаться элементарных правил игры—более того, сам выдвигает Савельева, который явно на стороне противников Вейли и этого не скрывает. Но не может, о Господи, не может Джордж Вейли выдать все так Говорову открытым текстом!

Вейли вдруг рассмеялся. Было в привычке Джорджа, когда он резко менял тему, переходить на генеральский смех.

— Андрей, это правда, что вы требуете увольнения Беатрис?

— Да, я говорил об этом с Гердом. Наверно, она хороший бухгалтер, так пусть сидит со своими счетами и не сует нос в другие дела. Она мнит себя администратором, она грубит нашим авторам.

— Ну, Андрей, я тоже сталкивался с Беатрис. На мой взгляд, она вежливая и приветливая дама.

— Джордж, это перед вами она ходит на цырлах и, извините, лижет жопу. А на Петю Путаку она орет. Какой бы он ни был, мы с вами знаем цену Путаке, но он наш автор. Она даже повысила голос на В. П. Вика хлопнул дверью, я еле-еле его успокоил, а потом во всеуслышание заявил Беатрис, что выгоню ее к такой-то матери.

— Андрей, в ее работу действительно входят административные функции...

— Повторяю, она не способна нормально общаться с людьми. Ей очень хочется командовать. Джордж, скажите честно, вы бы ей доверили хотя бы на сутки своего кота?

Вейли так же громко, но искренне рассмеялся:

— Нет, пожалуй, к Марсику я бы ее не подпустил даже на час.

— Вот и найдите нам в Гамбурге приличную секретаршу-администратора, вышколенную американцами. А Беатрис можете взять себе как подарок. Пусть она у вас считает, пляшет и на трубе играет.

— Андрей, я вас ловлю на слове. Вы сказали: «вышколенную американцами». Если мы назначим в Париж начальника американца, то при нем Беатрис будет, как это по-русски,— сатиновой...

— Шелковой,— поправил Говоров и глубоко вздохнул, чтобы выиграть время. Вейли его действительно поймал на слове.

И сейчас одно слово могло решить судьбу Бори Савельева. Ведь у Вейли тоже свои игры. Сейчас надо быть максимально точным и убедительным.

— Послушайте Джордж, вам лучше чем кому-нибудь известна ситуация в Париже. Наши авторы — люди сложные и амбициозные. Мы с Борей их изучили и как-то дополняем друг друга. Распределили роли. Придет новый человек, наломает дров. Поставим вопрос так: вы довольны работой парижского бюро?

— Вполне. Я бы добавил, это наше лучшее бюро. Не сравнить с Нью-Йорком.

— Прекрасно. Но если вы желаете, чтоб Париж

развалился к чертям, то пришлите какого-нибудь мудака из Гамбурга. Пока мы сами справляемся.

Джордж уже не смотрел на Говорова. Он смотрел прямо перед собой, углубленный в свои мысли. В этот момент всеильный директор Радио был похож на сына Говорова, маленького Дениса: то же выражение наивной детской растерянности на лице, когда Дениска не мог объяснить родителям вещи, казавшиеся ему очевидными. Прошла минута, и Джордж словно спохватившись, срочно напялил на себя маску благожелательного, чуть ироничного начальника.

...Через год, будучи в командировке в Нью-Йорке, Говоров снова встретился с Вейли. Выражение детской растерянности, более того, ужаса, что тебя никто не понимает, прочно запечатлелось на лице Джорджа. Джордж двигался по нью-йоркскому бюро как лунатик, разговаривал, не слыша собеседника. Запирался в кабинете, читал газеты. Каждый день в какой-нибудь газете, издающейся в штате Арканзас или Айова, где никто — Говоров готов был поклясться — раньше и не знал о существовании Радио, появлялись статьи. Статьи словно писались под копирку: «На американском Радио, в Гамбурге, вещающем на СССР, процветает антисемитизм, директор мистер Д. Вейли этому содействует, Радио финансируется американскими налогоплательщиками, куда смотрит Конгресс?» Конечно, Джордж сделал несколько неверных шагов, у него был мягкий характер, где-то Джордж не проявил твердости, ему можно было предъявить много претензий, но только не обвинение в антисемитизме. Да и как мог процветать антисемитизм на Радио, где большинство журналистов в русской редакции были набраны в Израиле? Но противники Джорджа Вейли в Гамбурге пустили в ход беспроигрышный козырь, об интригах на Радио заговорила американская пресса, тема стала модной. Политики, которые ранее поддерживали Вейли, теперь опасались его защищать. С антисемитизмом в Америке не шутят. Дни Джорджа как директора Радио были сочтены.

Какое-то время Джордж Вейли еще числился на третьестепенной должности, пока не истек срок его договора. Когда бывший директор появлялся на Радио, коридоры мгновенно пустели. Ревнителю прав человека, рассуждавшие у микрофона о свободе и уважении

к личности, как крысы, рассыпались по кабинетам, скрывались в туалете, спускали за собой воду. Джордж Вейли должен был терпеть эту каторгу, потому что ему оставалось совсем немного до пенсии. Кто-то приехал из Гамбурга в Париж, рассказал о происходящем Савельеву и Говорову. Боря, надо отдать ему должное, воздержался от комментариев, а Говоров спросил:

— Ты знаешь телефон Вейли?

Гамбургский коллега традиционно пожал плечами:

— Неизвестно даже, где он сидит и есть ли у него кабинет в редакции.

— Но ты увидишь Вейли?

— Надеюсь.

— Передай Джорджу, — сказал Говоров, — что мне было очень приятно с ним работать, что, несмотря на наши споры, я очень его ценил как начальника. По моему мнению, его отставка — большая потеря для Радио.

Тут Боря саркастически хмыкнул, но коллега из Гамбурга энергично кивнул:

— Передам. Передам обязательно. Джордж будет рад услышать такие слова от тебя.

Передал ли?

Как писал тов. Ленин: «Прежде чем объединяться, надо решительно размежеваться». Говоров не хотел войны, но, видимо, в «парижском райкоме партии» хорошо усвоили заветы Ильича. Буквально через месяц после «коллоквиума против тоталитаризма» Виктор Платонович положил на стол Говорову письмо. В письме, напечатанном на официальном бланке журнала, В. П. сообщалось, что редакция «Вселенной» увольняет его с поста заместителя главного редактора. Подпись: Лев Самсонов.

Говоров протер очки, прочитал еще раз письмо.

— Лева с ума спятил?

— Ну, мы поругались, — объяснил В. П. — Я его послал, он меня послал, оба шмякнули трубкой. Между прочим, поругались из-за тебя. Он мне позвонил и сказал, что настало время выбора: с кем я — с тобой или с ним? Обматерить по телефону — в характере Самсонова, я бы это понял. Он из-за любой мелочи готов бегать по потолку. Я другого не понимаю, как потом мо-

жно сесть за машинку и отпечатать текст? Спьяну такого не сделаешь, тут, как говорили в старину, требуется здравый ум и твердая память.

— А он что, нырнул?

— Да, сейчас он в запое. Наши жены в панике. Перезваниваются. Катя успокаивает Галку. Мы же дружили домами. Но, повторяю, письмо написано и отправлено трезвой рукой.

В. П. смотрел на Говорова, Говоров смотрел на В. П.

Как ни странно, думал Говоров, но в поступке Самсонова есть логика. Во «Вселенной» всего четыре ставки, которые оплачивает издательство «Ульштайн»: главный редактор (Самсонов), его заместитель (В. П.), ответственный секретарь (Краснопевцева), заведующая редакцией (Фаина Путака). Фаина — лентяйка, для нее ответить на письмо читателя — подвиг. Сам Лева занят глобальными проблемами, например, обсуждением вопроса на ССотК: отдавать или не отдавать Правобережную Украину? В. П. демонстративно отстранился от журнала. Ни для кого не секрет, что «Вселенную» тянет одна Краснопевцева. Но даже при ее фантастической энергии ей трудно, тем более что она еще вкалывает в «Русской газете». Самсонову прямой смысл отделаться от В. П. и взять на его место человека, который бы сидел в редакции целый день, а главное — работал. Все это так. Однако имя В. П. создавало престиж журналу. Увольнение В. П., да еще в такой оскорбительной форме, — скандал в русской литературе. Почему Самсонов пошел на это? Или он действительно спятил, или рассчитывает, что В. П. будет искать возможность примирения. Ведь В. П. теряет хоть небольшую, но постоянную зарплату. В эмиграции такими вещами не бросаются. Значит, Самсонов сделал хитрый ход, чтоб укротить В. П. Платоныч прав, ход сделан в здравом уме и твердой памяти. Но для Вики это пощечина. В. П. в Киеве исключали из партии, травили, устраивали за ним слежку, но с работы его никто ни разу не выгонял. В. П. на попятную не пойдет. Вот почему он принес мне письмо.

— Вика, сколько ты получал от «Вселенной»?

— Полторы тысячи марок. Не Бог вещь какой капитал, детишкам на молочишко. — В голосе Вики обыч-

ной иронии не чувствовалось. Говоров угадал: В. П. смертельно обижен.

— Значит, примерно четыре с половиной тысячи франков. Вика, я клянусь, все, что ты потерял, ты будешь зарабатывать на Радио. Я договорюсь, чтоб увеличили число твоих программ, чтоб эта сумма была тебе гарантирована. Самсонов просто наср...л себе на голову. Забудь. Скрипт написал? Прекрасно.

Когда Вика ушел, Говоров дозвонился до Герда, потом до Джорджа Вейли, сказал все нужные слова. Начальство ахнуло, обещало что-то придумать, просило без огласки переслать письмо (строго конфиденциально!) в Гамбург.

Говоров, исполнительный чиновник, так и сделал. Но сначала он нашел предлог пригласить в бюро Марью Васильевну. После разговора о погоде Говоров как бы вскользь заметил, что есть любопытный документ, выносить его из редакции нельзя, прочтите для общего развития. Затем Говоров извинился, его срочно зовет Боря Савельев. Говоров вернулся минут через пятнадцать и по хищному взгляду редактора «Запятой» понял, что Марья Васильевна зря времени не теряла, копия письма у нее уже в сумочке. Теперь Говоров мог быть спокоен. Конечно, он, как американский служащий, обязан сохранять нейтралитет среди эмигрантских дрызг. Но, как американский служащий, он знал, что грош цена обещаниям американского начальства, если на начальство не давить. А Марья Васильевна не упустит такой исключительной возможности насолить Самсонову. Размахивая письмом, как знаменем, она поднимет мощную волну народного гнева.

И какой скандал разразился! Вряд ли Марья Васильевна успела снять столько копий с письма в копировальном автомате парижского бюро! Ей хватило бы одной, остальное допечатала дома. Но все заинтересованные лица в Гамбурге, в Нью-Йорке, Вашингтоне (а число заинтересованных лиц, согласно четвертому закону Ньютона, вырастает в геометрической прогрессии, когда речь идет об очередной сваре в эмиграции) получили копии самсоновского письма с комментариями Марьи Васильевны: уволили самого известного и уважаемого! Старого писателя лишили заработка! Это люди протестуют против произвола советской

власти, а сами что творят в Париже? Стыд, позор на всю Европу!

В конце концов Говорову позвонил Герд, сказал, что Радио практически парализовано, в коридорах и кантине стихийные митинги, все возмущены, а уж какая реакция в Вашингтоне...

Говоров выразил Герду искреннее сочувствие.

— У всех на руках копии этого письма. Кстати, как оно попало к Марье Васильевне?

— Наверно, Вика передал,— невинно предположил Говоров.— Он был в такой растерянности. Сам понимаешь. Впрочем, спроси у Марьи.

Говоров ничем не рисковал. Он знал, что Герд спрашивать не будет. Выяснять отношения с Марьей Васильевной находилось мало охотников.

— Но что же делать, Андрей?— буквально взвыл Герд.— Надо срочно как-то утихомирить эти страсти.

— Очень просто,— любезно подсказал Говоров,— пришли в Париж телекс, что отныне В. П. разрешается писать как максимум десять передач в месяц. Таким образом, в тяжелый для старого писателя момент руководство Радио протянуло руку помощи. В Вашингтоне оценят этот шикарный жест.

— Учишь меня жить.— В голосе Герда прозвучало недовольство, и Говоров почувствовал, что пережал: Герд не дурак, такие вещи отлично соображает.— Но в Вашингтоне спросят: почему мы нарушаем общий порядок? Ведь у всех внештатников во всех наших филиалах по пять программ в месяц. И бюджет у нас не резиновый.

— Герд, бюджет — это твоя головная боль, не моя. Что же касается товарищей из Вашингтона, ты им напомни: В. П. — лауреат Сталинской премии по литературе. Такого автора нет ни на «Голосе Америки», ни на Би-Би-Си.

— Спасибо, вот теперь ты мне дал серьезный козырь. Ладно, я думаю, мы все утрясем. Можешь сказать Боре Савельеву и Беатрис: Гамбург согласен на десять передач для В. П.

— Герд, я тебя очень люблю, но мне нужен телекс. Телекс — официальный документ. Мы его спрячем в папочку. Я тебе не верю? Я тебе очень верю! Но вдруг через год ты перейдешь в гос. деп. или тебя выдвинут в президенты? Не пугайся, не Радио, а Соединенных

Штатов Америки. А новый человек, который займет твое место, мне скажет, что бюджет не резиновый и надо экономить. Вот тогда мы вытащим телекс на свет Божий...

Телекс пришел. А еще через неделю Герд сообщил Говорову по телефону, что он и Вейли получили письмо от Самсонова, в котором, в частности, Самсонов спрашивает: «Почему один из редакторов парижского бюро переманивает работников журнала «Вселенная» на Радио, обещая им значительное увеличение зарплаты? А бюджет Радио финансируют американские налогоплательщики...» и далее в таком же духе...

— Молодец, Лева,— изумился Говоров.— Не успел выйти из запоя, как сразу приступил к делу. А кто именно из редакторов?

— Фамилии Самсонов не указывает, однако явно имеется в виду не Боря Савельев.

— Герд, пришли мне копию.

— Не могу,— вздохнул Герд.— Я тебе верю, но ты обязательно покажешь письмо Вике. Вика, в расстроенных чувствах, сам понимаешь, передаст письмо Марье Васильевне. И опять начнется свистопляска на Радио.

«Один ноль в твою пользу»,— хотел сказать Говоров, но сказал другое:

— И как вы отнеслись к этому эпистолярному творчеству Самсонова?

— Андрей, за нас не беспокойся. Мы это восприняли как донос. Увы, не первый и не последний в истории Радио. Но письмо адресовано не только нам. Боюсь, что копию письма приколют к твоему досье в отделе кадров.

— Герд, я работаю не с кадрами, а с людьми.

— Правильно, и мы тебя любим и ценим. Однако есть статистика. Я подсчитал, что начальник русской службы на Радио удерживается на своем месте не более двух лет. Так вот, это между нами, я не буду ждать, когда меня попросят вон. Если Джорджа скинут, я сам уйду. Ты мне подсказал хорошую идею: в гос. деп. или в президенты Соединенных штатов. Скорее всего, просто в университет. И на мое место сядет другой человек, который...

Голоса из публики:

— Хватит! Надоело! Не хотим больше слушать об интригах на Радио. Интересно бы знать, что делал Говоров на работе?

Отвечаем: писал оды начальству. Прилагаем одну для справки.

«ОДА ЧЛЕНУ ПОЛИТБЮРО

(Фельетон)

Я удивляюсь, почему западная пресса, которая любит покричать о каких-то нарушениях прав человека в Советском Союзе, до сих пор не обратила внимания на трагическое положение некоторой группы людей, действительно лишенных самых элементарных прав. Они живут почти так же, как и советские политзаключенные: все время находятся в закрытом помещении, передвигаются только под охраной, состояние их здоровья катастрофическое, а главное, они фактически не имеют права на пенсию.

Кто же эти несчастные люди, которым почему-то никто не хочет посочувствовать? Да это же наши дорогие портреты, уважаемые труженики на ниве руководства. Короче говоря, члены Политбюро ЦК КПСС. Естественно, я предвижу возражения и даже безответственные иронические усмешки, мол, как же так, а дачи, особняки, роскошные городские квартиры, кремлевские пайки, черные ЗИЛы, лучшие врачи из Четвертого управления? Однако не спешите завидовать товарищам-членам, ибо любой здравомыслящий человек вам скажет: «Здоровье дороже».

Итак, перед нами рядовой член Политбюро. Как правило, ему за семьдесят. Причем лет сорок из этих семидесяти ему надо засчитывать, как на войне. Один год за три. Член Политбюро — как сапер — не имеет права на ошибку. Один неточный шаг — и сгорел на всю жизнь. Ну хорошо, раз он попал в Политбюро, то он этих шагов избежал. Но какого дикого, нервного напряжения ему это стоило! Поэтому наш семидесятилетний член совсем не похож на своего американского ро-

весника. Американец, он на лошади ездит, в гольф играет. А можете ли вы себе представить нашего рядового члена на лошади? Дай ему Бог в свой ЗИЛ без посторонней помощи забраться.

Старикам очень полезны прогулки на свежем воздухе. Вот американцы, выйдя на пенсию, по всему миру шастают. Но видели ли вы когда-нибудь члена Политбюро, гуляющего по улице? Правда, говорят, что на закрытых дачах их выводят под ручки подышать воздухом. Так ведь заключенных тоже выводят. В тюрьме двор поменьше — вот и вся разница. Право на здоровье — это великое право, которого члены Политбюро лишены начисто. Сложилась парадоксальная ситуация: лечиться член Политбюро может, а болеть нет. Поболеешь месяц, пропустишь несколько заседаний, и вдруг обнаружишь, что твои соратники втихомолку вывели тебя из состава Политбюро. Поэтому-то никто не рискует. Вот товарищ Пельше, можно сказать, из гроба вставал, но приходил на трибуну Мавзолея. Долго болеть осмеливается лишь Генеральный секретарь. Когда он в больнице, все остальные члены Политбюро спокойны за свои места. Никаких перетрясок не предвидится. Теперешнего Генерального секретаря скоросвезут в больницу. Так оно надежнее.

А самое главное для человека — это право на пенсию. В течение столетий в суровых классовых боях с капиталистами и угнетателями рабочего класса трудящиеся во всем мире добились этого права. Любой работающий человек желает скорее выйти на пенсию, читать газеты, копать грядки в своем саду, поливать цветочки, играть с внуками. Всех нормальных людей провожают на пенсию с почетом, всех, кроме членов Политбюро. Для члена Политбюро выход на пенсию страшнее любой пытки. Сразу его имя исчезнет со страниц газет, из всех справочников и энциклопедий. Это крушение всей его жизненной карьеры. Вспомните, в какое идиотское оцепенение впал товарищ Подгорный, как рыдал товарищ Кириленко, когда выяснилось, что их отправили на заслуженный отдых. Поэтому члены Политбюро как каторжные обречены работать до самой смерти. А радости у них мелкие, незначительные: получить очередной орден к очередному юбилею, дать приказ об уничтожении пассажирского авиалайнера какой-нибудь южнокорейской авиакомпании, захва-

тить еще одну страну в Азии или в Африке. А толку что? Все равно вместо икры врачи прописали лишь манную кашу.

Итак, подведем итоги. Трудно представить себе более тяжелую долю, чем доля члена Политбюро. Полжизни под строгой охраной, в наглухо закрытых прокуренных комнатах, бесконечные заседания, нездоровый сидячий образ жизни и, значит, полное нарушение всех функций организма. И вот каждое утро этот старик пробуждается от ночных кошмаров: приснился Сталин или Хрущев. Его мучит геморрой, боли в животе и в груди, руки и ноги дрожат. Он сразу глотает кучу таблеток, но от этого голова делается чугуновой, а на лице появляется привычная маска служащего похоронной конторы. Его одевают, а он пытается вспомнить, что было вчера, и уж точно не может вспомнить позавчерашнего. Он плохо видит, почти не слышит и молит Бога и Дьявола дать ему силы правильно прочесть доклад, написанный за него помощниками, произнести без запинки слово «социализм» и не перепутать свое место в строю при выходе на торжественное заседание. Он нервничает, но не имеет права этого показать, и поэтому от напряжения у него еще больше кружится голова. И вот в таком состоянии его вносят в машину, плотно закрывают бронированную дверцу, чтоб не выпал по дороге, и везут управлять огромной страной...»

* * *

ИЗ ПИСЕМ АЛЕНА ИЗ МОСКВЫ

«Папа, обещала написать про Лизку. Она уже большая. Очень кроткая. Т.е. может и повопить и побезобразничать, например, очень любит плевать и пихаться ногами, но вообще очень покладистая и каждое мое появление около своей кровати считает праздником, так что ее делается очень жалко. Часто смеется. Разевает свой беззубый рот и делает радостную гримасу. Больше всего любит летать как пчелка. Это так у нас называется, когда я ее беру под мышки и поднимаю высоко над головой, а она держится горизонтально и еще руки разводит в стороны. К сожалению, она теперь весит больше восьми кг., и мне уже очень трудно так ее поднимать, особенно в конце дня, когда устаю.

Последние дней десять были вообще какие-то адские, потому что на работе был аврал, и я даже плакала от отчаяния, ничего не успевала. Сегодня отдых, воскресенье, но так болит спина, что жить не хочется. Еще Лизка очень любит купаться, это вообще-то надо видеть, но в двух словах так: сначала нам очень страшно (потому что вдруг выпустят?), потом мы постепенно привыкаем, и минут через пять (а я все время держу эту маленькую тушку на левой руке) она робко подрывивает ножками, а на физиономии такая отвага, будто она собралась грудью прикрыть вражеский дот, потом вступают лапы, и начинается ужасное безобразие с волнами, плевками, брызгами, я мокрая с головы до ног, при этом она еще норовит попить воды, в которой купается. Все это совершенно необходимо сопровождать словами: «Лиза очень храбрая девочка, она ничего не боится, Лиза смелая как тигр» и т. д.

Любимый предмет — горящая лампочка; если очень страшно, или холодно, или голодно — то в ней все спасение. Питается сейчас, помимо детского молока (слава Богу, что ты прислал много банок, в наших магазинах ничего похожего нет), тертыми овощами и тертым яблоком. Но к сожалению, все это не растет на грядке под окном, и с рынком большая проблема, потому что дойти до него с Лизкой невозможно (нужно еще и вернуться и уложиться в два с половиной часа максимум, а то она проголодается), вот и гоняем маму, а мама много не дотащит...

Папа, мы стали такие толстые и здоровые, что нам уже маловаты резиновые штанишки, и хотелось бы еще побольше размером, штуки две-три. Еще хорошо бы крем «Сетавлон», который ты уже присылал. Изю дня в день я им не пользуюсь, потому что экономлю, но, когда у нее раздражение какое-то кожное (а все, естественно, бывает) или когда я ошпарю в очередной раз руки (что случается часто), он — единственное, что помогает. И еще — регулярно посылай мне ваш аспирин, он на меня действует потрясающе, я уже который раз начинаю температурить, принимаю его — и снова почти здорова...

Эта маленькая хулиганка очень послушная. Если я ее уложила, погладила по головке и потушила свет, то, даже если ей не спится, она не кричит, не плачет,

а молча лежит с открытыми глазами. Правда, надо сказать, что от этой картины у меня сердце разрывается. Но не думай, что она какая-то пришибленная, она очень активная девочка, развивается даже быстрее, чем положено. Пишу тебе все это, и какое-то нехорошее чувство — нельзя так писать про ребенка, ведь так все хрупко, и ее сон, и ее здоровье. Не дай Бог что-нибудь! Спасибо тебе за шмотки, Кире за джинсы. Привет тебе от мамы. Целую».

«Дорогой папа! Больше никогда не буду тебе говорить, что у нас все хорошо. Сам догадывайся: если я не жалуясь, значит, у нас все нормально. Вот я тебе дозвонилась в понедельник, весело посплетничала, а в ночь на вторник у Лизки высокая температура и страшная простуда. Уже шесть дней сижу взаперти, эту курицу жалко невероятно — хрипит, кашляет, и, самое главное, очень долго не было ни малейшего улучшения, сегодня первый день полегче».

«...Да, про твою любимую Лизку. Понимаешь, она уже не та крошечка ангелочек, какой ты себе ее представляешь. Последние десять дней она жутко меня изводит своим хулиганством. Причем все это с бешеным весельем. Любимое занятие — лежать в постели, швырять свои вещи в разные углы комнаты и при этом умирать от смеха. На все мои выговоры она плевать хотела. А вчера я ей пригрозила, что уеду от нее, если она не перестанет меня изводить. Она спрашивает: а бабушка? Отвечаю, бабушке тоже надоело. Она, видимо, решила, что тогда ей никто не будет мешать, и продолжала дальше безобразничать, а потом (спустя полчаса) забеспокоилась: кто ж ей будет книжки читать, кто ее будет кормить? Я говорю: не знаю, живи как хочешь. Что же придумала эта чертовка? Что позвонит тебе и ты, конечно, все будешь ей делать и никогда не ругать. И все утро сегодня, заливаясь диким хохотом, вопила: «Деда! Дедушка мой! Приезжай!» По-моему, она тебя идеализирует».

(Во всех письмах очень мало подробностей про Натю. Отец Лизки вообще не упоминается.)

Говоров посылает гостевое приглашение Алене и Лизке. Московский ОВИР дает отказ.

Мадам Горье из Министерства иностранных дел сообщает Говорову, что Алена и Лиза занесены в список по воссоединению семей, который французское правительство представит правительству СССР.

Говоров посылает приглашение Алене и Лизе. Отказ московского ОВИРа.

Говоров пишет письмо президенту Франции Франсуа Миттерану. Ответа нет.

Говоров пишет письмо премьер-министру Лорану Фабьюсу. Столоначальник премьер-министра отвечает, что письмо передано в Министерство иностранных дел.

Генерал Гамбьез, один из председателей Общества франко-советской дружбы, посылает персональное гостевое приглашение Алене и Лизе. Отказ московского ОВИРа.

Говорова принимает первый помощник Франсуа Леотара, генерального секретаря республиканской партии. Вскоре от Леотара приходит объемистый пакет. В нем копии писем самого Леотара, а также всех депутатов парламента от республиканской партии к премьер-министру Лорану Фабьюсу. Приложены ответы Фабьюса. Премьер-министр заверяет каждого депутата, что дело Алены Говоровой и ее дочери Лизы взяты под особый правительственный контроль.

Говоров посылает приглашение Алене и Лизе. Алenu вызывает заместитель начальника московского ОВИРа. Беседа сводится к тому: «Вам еще не надоело? И не надейтесь!»

* * *

В Венсенском замке Говоров входил в угловое здание, поднимался на второй этаж, попадал в вестибюль, где с одной стороны стояла статуя не то рыцаря, не то современного воина (что-то выполненное в советском стиле), а с другой стороны висели французские военные флажки — поблекшие и пыльные. Там, где была статуя,

начиналась какая-то военно-воздушная шарага, там, где флажки,— Институт сравнительной военной истории. Все эти учреждения напоминали Говорову музей, хотя несколько раз на лестнице он замечал пробежавших студенческого вида ребят в солдатской форме. Говоров основывался на своем советском опыте: у солидного военного учреждения должен стоять часовой с ружьем. Здесь же часовых не было. Вот внизу откровенно, без всякой научной маскировки располагался Музей горных стрелков, на стенах красовались фотографии егерей из разных полков. Говоров подозревал, что обитатели второго этажа тоже тайно коллекционируют картонных солдатиков...

Как правило, секретарша просила Говорова подождать: генерал или еще не приехал, или был занят. Генерал приезжал к десяти утра, иногда к одиннадцати, в час уезжал обедать и после обеда в институте не появлялся. Если секретарша не печатала на машинке, то она любезно беседовала с Говоровым, изредка отвлекаясь на телефонные звонки (да, мой полковник, я вас сейчас соединю с генералом). Потом по какому-то ей одному ведомому сигналу она срывалась из комнаты, через минуту вновь возникая на пороге с очаровательной улыбкой: «Генерал вас ждет!» Она открывала Говорову дверь генеральского кабинета. Генерал всегда вставал из-за стола, шел навстречу...

Генерал производил жутко несолидное впечатление: маленький, худенький старичок в мешковатом гражданском пиджачке. Где громкий генеральский смех? Где властные жесты? Генерал говорил очень слабым голосом и был похож на профессора ботаники (перебирать сухие листики — его ремесло, а вот накалывать букашек и бабочек, пожалуй, ему не по силам), но это единственный человек во Франции, который сказал: «Я считаю Лизу и Алену своими детьми, и я сделаю все, чтоб они приехали в Париж».

(«Вы знакомы с генералом Гамбьезом? — воскликнул пожилой журналист из «Фигаро», когда Говоров решил обратиться за помощью к прессе, видя, что тихая дипломатия не проходит. — Но ведь это мой генерал! Под его командованием мы высадились на юге Франции в 44-м году!») А французский консул в Москве был страшно расстроен, узнав, что генеральское приглашение не сработало. «Поймите, — повторял

он Алене,— для советских генерал Гамбьез — более весомая фигура, чем министр иностранных дел».)

—...Я пробыл в Москве десять дней,— рассказывал генерал,— приемы, официальные встречи, а меня больше всего интересовали архивы второй мировой войны. Это трудно понять советским, они полагают, что главное для гостей — обеды и водка. Много водки. Я познакомился с заместителем генерального прокурора. Сначала он был несколько насторожен. Мы вспоминали войну, он тоже ветеран. Мы подружились. Я говорил с ним о вашем деле. Я сказал, что история Алены и Лизы унижает великий Советский Союз, подрывает его международный престиж. Он очень удивился, узнав, что им отказали в выезде по моему приглашению. Он заверил меня, что это невольный промах, ошибка мелкого чиновника.

— Он обещал исправить ошибку? — спросил Говоров.

— Он обещал куда-то позвонить. Кстати, два вечера подряд я звонил вашей дочери. Телефон не отвечал. Они с Лизой, наверно, уехали на зимние каникулы в деревню.

— Мой генерал, из Москвы зимой никто не уезжает в деревню. Они были дома и каждый вечер ждали вашего звонка. Вы звонили из гостиницы?

— Да, я диктовал телефонисткам номер. Очень милые девушки. Они его прилежно набирали, переспрашивали цифры, чтоб не перепутать. Я сам слышал долгие гудки.

...Значит, офицер КГБ, курирующий гостиницу, дал указание не соединять генерала с таким-то номером, думал Говоров. Старый фокус. Но генералу это не объяснить. Он не поверит, что в Советском Союзе, который он так любит, возможны подобные вещи. Он сочтет это примитивной антисоветской пропагандой. У каждого человека свои иллюзии. И пока генерал хлопочет о девочках, они в безопасности. В конце концов, генералу надо ставить памятник при жизни хотя бы за то, что он добровольно терпит мой ужасный французский.

— Знаешь, чем кончились твои попытки убрать Беатрис из парижского бюро? Она получила повышение! Джордж Вейли? Конечно, нет, он ей не начальник. Это отдел кадров, мистер Пук и К°. Сработал инстинкт американского чиновника. Раз подчиненные (а мы с тобой — в глазах отдела кадров — подчиненные Беатрис) недовольны ею, значит, она проводит правильную жесткую линию и Беатрис надо поддержать. Учти на будущее, если захочешь опять критиковать кого-то из начальства: чувство опасности объединяет американских бюрократов.

Естественно, Говоров ответил Боре Савельеву в духе В. П. — дескать, он Беатрис и отдел кадров в нос, в рот, в ухо и в глаз, а сам подумал, что с некоторого времени Боря стал значительно увереннее в себе и авторитетнее. Ну да, после того, как съездил в Пакистан. Командировку провел блестяще, перешел с афганскими партизанами границу, взял интервью у советских военнопленных. Записи бесед крутили по Радио, в советской прессе появилась гневная отповедь, что лишь прибавило Боре вес у начальства и в отделе кадров. Другой вопрос: почему командировку предложили Савельеву, а не Говорову? Вроде бы козыри у Савельева: 1) молодежь, 2) танкист, офицер запаса израильской армии, 3) знание английского. Но ведь очерки из Афганистана Говоров написал бы лучше, это же всем очевидно?

Работа на Радио сделала Говорова мнительным. Там, где была тривиальная шахматная двухходовка, он искал сложную комбинацию.

...А может, заметили, что избегает афганскую тему? Перевести французскую статью про советскую оккупацию — пожалуйста, но сам писать не рвется.

Первое тривиальное объяснение: он не военный обозреватель, у него иной профиль. Все. Точка. И отстаньте!

Нет, копнем глубже. Война в Афганистане — самое чувствительное, болезненное место для Союза. А у Говорова в Москве заложники: Лиза, Алена, Наташа. Говоров не стремится идти на обострение. И вот это кто-то на Радио усек (и в Москве тоже?). Но тогда, ради интереса, Говорова можно проверить, предложить Афганистан, мол, поедешь или боишься, ведь там стреляют?

Стрельба не довод, более того, для Говорова это как раз аргумент в пользу поездки, если бы педалировали на стрельбе, он бы сразу заказал билет в Карачи. Но если бы намекнули, что командировка принесет ему авантаж на Радио, Говоров под благовидным предлогом отклонил бы такую честь. Да, он перешел бы с партизанами афганскую границу (и уж постарался бы сделать хлесткий радиорепортаж), но вот брать интервью у советских военнопленных он бы не стал.

...Он прокручивал интервью Савельева. Все в них правильно. Боря умница, задавал точные вопросы, не подталкивал на готовые ответы, не провоцировал, и солдаты рассказывали потрясающие, страшные вещи. Такой материал для Радио — золотая жила. Но ведь висит в воздухе немой вопль (Говоров ощущал его кожей): «Помоги нам! Вытащи нас отсюда!» Как ни молоды и неопытны наши солдатики, однако понимают: интервью по «вражеским голосам» — необратимый шаг. Если отобьют свои, то сдачу в плен можно и простить (или не простить, кто знает), но вот интервью на Радио — никогда. Хорошо, мы пошли тебе навстречу — так сделай для нас что-нибудь. А Савельев ничего не мог для них сделать, как не смог бы и Говоров. Если бы смог — прополз бы на карачках горный перевал, привез бы ребят в любую цивилизованную страну, а там, хлопцы, решайте, просите политубежища или возвращайтесь на родину. Сами с усами. Увы, судьбы солдат в чужих руках. (В чьих? Поди разберись!) Поможет солдатикам интервью или их потопит — это выяснится впоследствии. А пока журналист их использовал, захлопнул крышку магнитофона и через два дня уже ночует в роскошном номере отеля «Хилтон» в столице Пакистана. И очень доволен, что выполнил редакционное задание. А над головой солдатиков захлопнулась другая крышка, и они ночуют в палатке вместе с афганцами (как любезно свидетельствовали партизаны) или... в яме на цепи. И если оперативная обстановка в приграничном районе изменится, то афганцы могут и пристрелить солдатиков. (А почему нет? Или партизаны забыли советский напалм, заживо выжигающий их деревни?) И как тогда дальше жить удачливому корреспонденту? Как ему забыть глаза своих соотечественников, молящие о помощи?

Но копнем еще глубже. Когда-то Лева Самсонов ска-

зал: «Наши дела на Лубянке не закрыты. Ежедневно, к девяти утра, приходит в свой кабинет капитан, раскрывает твоё досье, аккуратно подшивает новые материалы, поступившие на тебя, и раз в месяц посылает резюме по инстанциям. У каждого из нас свой капитан, исправно зарплату получает». Капитан, лейтенант или майор — не важно. Лева Самсонов, несмотря на свою мегаломанию, иногда мыслил очень здраво. Да и Говорову тоже время от времени казалось, что какой-то чин из Большого дома внимательно наблюдает — не нарушил ли он правила игры, не переступил ли установленные рамки?..

Какие правила? Какие рамки? Где они записаны? Кем установлены? Нигде и никем. Однако каждый советский эмигрант интуитивно чувствовал, что, выпуская его из страны, КГБ просчитывает варианты: например, этот человек дойдет до таких-то пределов, черт с ним, но вот дальше не сунется. Впрочем, у эмигрантов из Восточной Европы было проще, и с ними не церемонились: болгарина Маркова из лондонского бюро откровенно предупреждали: не трогай семью Живкова, пришьем. Пришили отравленным зонтиком. Болгарина Костова за те же грехи пытались убить в Париже. Когда румынку Вероник зверски избили в подъезде ее парижского дома, она знала за что: ей звонили по ночам, советовали: не лезь в личную жизнь Нику Чаушеску.

Говоров лез на рожон. Писал и пробивал в эфир (не все застревало в столах у осторожного американского начальства) фельетоны про самого Леонида Ильича. Но странное дело, почему-то не трогали Говорова в советской прессе. Ну, мелькнуло его имя в каком-то непонятном контексте: мол, уехал в Израиль, печатается в русской нью-йоркской газете. О том, что на Радио работает, — ни слова. Как только Радио ни поливали, каких только (совсем посторонних людей) к Радио ни причисляли! Про Говорова — молчок. Почему? Оглохли в КГБ? Более того, старый друг, приехавший с делегацией из Москвы, рассказывал: «Кручу я как-то ручку приемника, и вдруг твой голос, читаешь фельетон про Брежнева, чисто, будто по программе «Маяк». Я ушам своим не верю — в середине дня, в центре Москвы. Короткое замыкание, что ли, на станциях перехвата? Правда, как только кончил, взвыли глушилки». Слу-

чайное совпадение? Все может быть. Лишь позже Говоров понял, что в Союзе менялся политический климат, товарищ Андропов устал ждать, начал потихоньку сталкивать Леонида Ильича, и Говоров, сам того не подозревая, ему подыгрывал. А вот капитан (лейтенант или майор) ситуацию давно просек, поэтому лениво подшивал фельетоны Говорова в досье и хихикал в рукав.

Бред собачий разбираться в их кагебешных играх! А что не бред? Наша жизнь? И чудилось Говорову, что сидят они с этим капитанлейтенантмайором, пропустили по рюмашке и, как водится у русских, ругаются, выясняют отношения. Говоров про Сахарова — капитан бормочет: «Это не мы решили — Политбюро». Кстати, о Политбюро — стыд, позор! Капитан вздыхает: «Сам понимаешь, собрались старые пердуны!» Говоров про диссидентов, что в тюрьмах. Капитан: «Страна должна защищаться». Говоров: «От кого? От людей, которые хотят лишь добра стране? Ладно, тебя не переубедишь (после второй рюмашки на «ты» перешли), но зачем вы в литературе погром учинили?» Капитан: «Мы в это дело не лезем, в вашем Союзе писателей свои энтузиасты, им только дай волю!» Говоров про Афганистан, а капитан в ответ: «Тут я с тобой согласен. Влипли. Но это наша трагедия. В Афганистане гибнут наши ребята, наши дети. Это ты понимаешь?» Говоров: «Понимаю. Именно поэтому я не рвался в Афганистан». И капитан усмехается: «Так ведь на твоих девочек кирпич с крыши не падал».

Бред собачий разбираться в кагебешных играх! Или просто эмигрантская мания преследования, дескать, за нами еще следят... Да кому вы там нужны, на Западе? Но потом, когда в истории с Алексеем Скворцовым Говоров задел и х за живое, реакция КГБ была мгновенной. Сразу дали понять, что перешел дозволенные рамки. Отключили у девочек телефон и по ночам к ним стали стучаться в дверь, выгнали Наташку с кафедры, появился фельетон в «Крокодиле» и был снят фильм по Юлиану Семенову, где Говоров возник на советском экране в виде отвратительной личности.

Ну а что же наши защитники, благодарные американцы? Защитники? Когда в Гамбурге подложили бомбу и погибла машинистка чешской редакции, даже Беатрис, всегда трепещущая перед начальством, завопила:

«У вас в Гамбурге забор и военизированная охрана, а у нас в Париже проходной двор». Приехал кто-то из отдела безопасности (оказывается, был такой отдел на Радио), пошатался по коридорам, подергал пальцем задвижки на окнах, сказал, что на вахтера ставки нет, и порекомендовал сменить дверной замок.

И благодарности оставалось ждать недолго. Уже был подписан приказ о назначении мистера Пелла.

Голоса из публики:

— А куда же смотрит наша доблестная французская полиция?

— Всегда так! Когда надо, то полицейских не видно. Они в комиссариате сидят и протоколы на машинке печатают!

— Флики — расисты. Они хватают только черных и арабов!

— Наоборот, от черных они прячутся. Пойдите в метро «Насьон». В коридорах толпы черных наркоманов и ни одного полицейского... Порядочной женщине страшно.

— А ты юбку пониже опусти, тогда и приставать не будут.

— Месье-дам! Минуточку внимания! — Говоров пытается остановить скандал. — В данном случае полиция ни при чем. В принципе, эмигрантами должна заниматься ваша служба безопасности — ДСТ. Но ребятам из ДСТ я никогда не завидовал. Ведь им в первую очередь надо за иностранными разведками следить, а как тут уследишь? Это в Москве кайф: на каждого потенциального шпиона — по двадцать кагебешников. А в Париже наоборот: на каждого сотрудника ДСТ по пять иностранных агентов. Не берусь судить, как сейчас, но во времена «холодной войны» так и было. Возьмите арифмометр и подсчитайте. Сколько их сидело под крышей советского и восточноевропейских посольств? Сколько без «крыши» под другими вывесками? И не забудьте китайское и севернокорейское посольства. Не забудьте арабские страны и разномастных террористов с Ближнего Востока. Кто за кем ходит, кто кого караулит? Ваше счастье, что каждая иностранная разведка работала на себя. А если бы разведки объединились? Тогда бы всем ребятам из ДСТ пришлось бы запе-

реться наглухо в своем «аквариуме» и носа на улицу не высовывать...

Голос Говорова тонет в разъяренном реве публики. Нет ничего слаще для француза, чем ругать свою полицию!

Дважды Говоров хоть краешком глаза наблюдал французские службы в действии. Вот две истории, а выводы из них пусть делает сама почтенная публика.

Советский дипломат попросил во Франции политубежища. Не понравилось дипломату, что его с семьей срочно отзывают в Москву. Никаких грехов он за собой не числил, но по некоторым оттенкам поведения своих коллег понял, что шьют ему дело и за границу больше не выпустят. Думал, гадал дипломат и вечером, накануне отъезда, вышел с семьей на улицу, мол, прогуляться (без единой вещички, чтоб не вызывать подозрения) и напрямик отправился в полицейский участок. Начали объясняться с дежурным. Тот в полном недоумении. Чего приперлись на ночь глядя? Приходите завтра, возьмите randevu, порядок есть порядок. Еле-еле упростили дежурного позвонить куда надо. (А куда надо? Говоров, например, не знает. Дипломат, парень ушлый, знал.) Короче, там, где надо, сообразили, прислали машину, спрятали семью. (Тоже характерный штрих: в Москве если кто из иностранцев попросит политубежища, то может уже на следующий день преспокойно фланировать по улицам. В Париже службы безопасности, хозяева города, вынуждены прятать перебежчиков на конспиративных квартирах. И, наверно, не без причин.) Шли недели. С дипломатом беседовали, как говорится, выпотрошили, а взамен ничего не предложили. То есть документы и статус политического беженца гарантировали, но что касается работы... Вы свободный человек в свободной стране. Устраивайтесь сами! Прямо скажем, стоять у конвейера на заводе «Рено» дипломату не светило. И надеялся он, что службы других стран его оценят по-другому, предложат кое-что поинтереснее. Чувствовал дипломат, что французы — как собаки на сене: он им не нужен, но отдавать другим не хотят. Надо было искать выход, тонко, дипломатично, чтоб не обидеть своих покровителей. Дипломат нашел. «Хочу дать пресс-конференцию».

«Не надо,—скривились службы,—у нас сейчас и так очень напряженные отношения с Советским Союзом, кампания в газетах нам совсем ни к чему». — «Хорошо, тогда я выступлю по «радиоголосам», вещающим на Союз. Французы их не слушают, а я хоть объясню своим родителям в Москве: жив, здоров, остался в Париже по доброй воле». Против такого аргумента французам было трудно возражать. Забота о родственниках и для французов святое дело. Дипломат полагал, что если он высунется на американском Радио, то американцы непременно обратят на него внимание. Как связаться с Радио? Французы не горят желанием помочь. И на кого там нарвешься? Дипломату доподлинно было известно, что КГБ старается всюду засунуть своих людей. Опять мнительность? Кто не был в шкуре перебежчика, пускай помолчит... «Кто работает на Радио в парижском бюро?» — спросил дипломат. Ну, для служб это не бином Ньютона, дали список. «Свяжите меня с Андреем Говоровым, лично с ним не знаком, но книги его читал. Ему я доверяю».

Все эти подробности дипломат рассказывал Говорову потом. Пока что позвонили Говорову и объяснили, что к нему хочет прийти такой-то господин. Не желает ли месье Говоров с ним побеседовать? Кто именно звонит, в трубке не назвали, но Говоров догадался. Конечно, Говоров не возражал, тем более имя дипломата промелькнуло в газетах.

Назначили час встречи. Говоров спустился на улицу. Подъехала машина. Вышли двое. О чем-то между собой дискутируют. Один показывает то на Говорова, то на машину: дескать, выбирай. Другой, по виду явно соотечественник, упрямо кивает в сторону Говорова. И тогда сопровождающий дипломата француз сделал жест, который на всех языках мира означает лишь одно: «Ладно, в таком случае я умываю руки».

Между прочим, дипломат рассчитал точно. После того как на Радио прошло несколько интервью, американцы пригласили дипломата в Германию и пристроили преподавать в военной школе.

Вторая история совсем забавная и произошла в те древние времена, когда у Говорова с Самсоновым были мир и дружба. В Париж транзитом из Москвы в Бостон прилетела невестка Сахарова Лиза Алексеева, та

самая, ради которой Андрей Дмитриевич держал свою первую голодовку в Горьком. В вечерних субботних телевизионных новостях показали, как девушка с раскосыми татарскими глазами спускается по трапу самолета, но на вопросы журналистов отрицательно качает головой, разговаривать не хочет. Буквально через минуту у Говорова зазвонил телефон, Кира сняла трубку и зовет Говорова. Сдурела баба, пока идут новости—его нельзя трогать! Говоров на нее волком смотрит, Кира посмеивается, протягивает трубку.

— Андрей, прошу извинения, знаю, что отрываю вас от телевизора...

— Владимир Владимирович, все интересное уже кончилось, пошли их французские глупости,—с залихватской любезностью отвечает Говоров. А как иначе ответишь, когда звонит его непосредственный начальник, директор парижского бюро?

— Андрей, по моим данным, пресс-конференция Лизы Алексеевой ожидается завтра вечером в Бостоне. Но вы же в хороших отношениях с семьей Сахарова. Если бы вы смогли перехватить Лизу в Париже, интервью на десять минут? Мы бы утерли нос нашим американским коллегам.

— Владимир Владимирович, как говорят в Советской Армии: «Приказ начальника — закон для подчиненного».

— Андрюша, это не приказ, нижайшая просьба...

— Понимаю. Шучу. Однако смело сообщайте в Гамбург, что в понедельник утром они получат интервью.

В трубке удивленно и одобрительно крикнули.

Конечно, всегда приятно выскочить первым и утереть нос своим коллегам из Нью-Йорка или Вашингтона. Но в данном случае Говоров понимал, что это важно для Владимира Владимировича. Над головой директора стали сгущаться тучи, в Гамбурге собирались отправлять его на пенсию. Сверхоперативный материал из Парижа повышал акции директора, мол, старая гвардия умеет работать. Говоров был больше всех заинтересован, чтоб Владимир Владимирович оставался на своем месте. По многим причинам. Хотя бы потому, что для всех на Радио (особенно в Гамбурге) строгий распорядок: приходиться и уходить в определен-

ный час, а Говоров являлся в бюро, когда ему это было удобно. То есть существовал между ним и директором негласный договор — вы мне вольное расписание, зато я вас никогда не подведу.

Почему же на этот раз Говоров так уверенно обещал? Вдруг не найдет Лизу Алексееву? Сорвется интервью? Нет, найдет. Не сорвется. Ибо Лева Самсонов еще в пятницу его предупредил: Таня, дочь Люси Боннэр, прилетает из Бостона в Париж встречать Лизу, остановятся у меня в редакции, для всех это тайна, но для тебя... Короче, запасись заранее магнитофончиком.

Для журналиста такая информация дороже денег. И как только кончились известия (не мог же Говоров не досмотреть прогноз погоды?), он набрал номер «Вселенной», после двух гудков положил трубку, набрал еще. Условный сигнал. К телефону подошла Таня. «Андрей, я так и думала, что это ты. Кроме Вики и тебя, никто не знает, где мы. О, есть много о чем рассказать. Но мы с Рэмом уже не держимся на ногах, а Лиза вообще свалилась. Знаешь, за двадцать четыре часа Горький — Москва — Париж кого угодно выбьют из колеи. Приходи завтра утром, потремемся, позавтракаем, заодно отвезешь нас в аэропорт. Интервью для Радио? В принципе, мы решили дожидаться Бостона. В самолете все обсудим, взвесим, дело ответственное. Но для тебя, естественно, исключение. Привет Ки-ре».

Говоров приехал в девять утра. Таня в халате, Рэм бредет, Лиза в ванной. Редакция журнала превратилась в походный бивак. Диван раздвинут, как кровать, на полу матрас, все незастелено, разбросаны разные интимные принадлежности. Но присутствие Говорова никого не смущает, он человек с в о й. С ходу начался обычный треп.

И тут звонок в дверь. «Это Вика,— говорит Таня,— пойди открой, а я хоть пока оденусь».

На пороге пожилой французский господин показывает карточку с трехцветной полосой наискосок. Говоров пытается загородить собой пространство, все-таки картина не для посторонних глаз.

— Чего изволите?

— О, вы говорите по-французски,— приятно поражен гость.— Извините за вторжение. Наша задача—

охранять мадемуазель Алексееву. Как она поедет в аэропорт?

— Я повезу.

— 43—15, это номер вашей машины? Прекрасно. А с кем я имею честь?

Говоров протягивает свои водительские права, а в них журналистское удостоверение, тоже с трехцветной полосой, но выданное Министерством иностранных дел Франции.

Француз делает запись в свой блокнот.

— Очень хорошо. Внизу вас караулит фотограф из «Пари матча». Мы проверяли. А так вроде никого нет. Мы тоже возникнуть не будем, но если что — учтите, мы рядом.

И француз галантно откланялся.

Потом явился В. П., поднялся из своей квартиры (на два этажа ниже редакции) Лева Самсонов. Всей компанией отправились в кафе. Воскресное утро. Улицы пустынные. Лиза удивлена. Говоров ей объясняет — дескать, это престижные кварталы Парижа. Здесь живет буржуазия, всю неделю она пьет кровь рабочего класса, а сейчас дрыхнет, переваривает. Правда, толстый корреспондент косолапо мельтешит перед ними, щелкает снимки на почтительном расстоянии. «Смотрите, девочки, — объясняет В. П., — как люди тут на хлеб зарабатывают, столько суеты ради двух или трех ваших фотографий в журнале». Что ж, у каждого своя работа. Вот настал и черед Говорова. В середине завтрака включил магнитофон, попросил всех помолчать (даже официант понял значительность момента, двинулся неслышно, на цыпочках) и задал несколько вопросов. И только про Сахарова: как ему живется в Горьком? как его здоровье? как перенес голодовку? Конечно, в голове вертелся еще один щекотливый вопросик: «Почему вы, Лиза, допустили, чтоб Сахаров пошел на голодовку, стоил ли ваш отъезд такой жертвы?» Но пропустил его Говоров — в сущности, для него сделали исключение, он первый, негоже смущать девушку некорректными вопросами. Спросил лишь: «Как реагировал Андрей Дмитриевич, когда вы получили разрешение на выезд?» — «Был счастлив как ребенок», — ответила Лиза. Что ж, значит, так надо было, и не Говорову учить жить академика Сахарова. Последний вопрос: «Почему вы ни слова не про-

изнесли перед французскими журналистами в аэропорту?»

— Они ринулись на меня, как стадо слонов. Я испугалась.

— Хватит мучить девочку,— вмешался Вика.— Нам надо успеть ей Париж показать.

А разве Говоров против? Он готов хоть сейчас за руль, но ведь все жаждут поговорить, расспросить Лизу, и с Таней и Рэмом давно не виделись... Короче, как писал тов. Пушкин: «бойцы вспоминали минувшие дни». Парижане рассказывали, как они каждый вечер у советского посольства пикетировали, все больше народу собиралось, а когда Самсонову удалось привлечь местных интеллектуалов... Бостонцы тоже делятся опытом: Сахаров начал голодовку, а в Америке глухо, мы отправились в Вашингтон, несколько знакомых конгрессменов и сенаторов что-то вякнули в печати, и опять затихло, отчаялись уже раскачать общественное мнение, и вдруг как-то само собой покатилося, разрослось, выплеснулось на первые страницы газет...

Спыхватился Говоров: «Братцы, время поджимает!» Виктор Платоныч в крик: «Невозможно, чтоб Лиза уехала из Парижа, не посетив собор Парижской Богоматери. Еду с вами, поставим свечку за здоровье Андрея Дмитрича!»

Припарковал Говоров машину под знаком «Остановка строго запрещена». На площади перед собором публика клубится, полицейских пока не видно. Неужели, змеи, они и в воскресенье дежурят? Но ведь где-то рядом должна быть охрана? Если штраф навясят, Говоров к охране обратится: выручайте, ребята!

В соборе Вика витийствовал, объяснял все архитектурные прелести.

Вышли из собора, глядь, к их машине другая пристроилась, и тот, у т р е н н и й, пожилой француз нервно бегаёт взад-вперед. Заметил Говорова и на циферблат своих ручных часов тычет.

— Успеем,— успокаивает его Говоров.

— Посмотрите на ваше переднее колесо!

Говоров ахнул. Шина всмятку, наверно, поймал где-то гвоздь.

Плача и рыдая, полез Говоров в багажник за ин-

струментами. Разумеется, приходилось Говорову — и не раз — менять колеса, но, прямо скажем, не был он спецом в технике, для него любая гайка загадка, да еще когда такой цейтнот надвигается.

Скептически наблюдал пожилой француз танец маленьких лебедей с домкратом в исполнении Говорова, потом вздохнул: «Отойдите, я сам». Скинул пиджак, засучил рукава, кликнул своего шофера, вдвоем они мигом домкрат приспособили, открутили гайки, приладили запаску. Вытер француз лоб рукой: «Теперь можете хвастаться, что вам поменял колесо комиссар полиции».

Поехали. Полицейская машина сзади подпирает. Только разогнались, как у моста Берси, на скоростном пути, — пробка. Вдумайтесь, граждане: в воскресенье, в самое время обеда — затор! Кто-нибудь из публики скажет: «Это происки КГБ». А Говоров ответит: «Это ваш чертов Париж».

Полицейская машина поравнялась с Говоровым, комиссар кричит: «Зажгите фары, следуйте за мной». Шофер пришлепал себе на крышу синюю мигалку, включил сирену, вывел Говорова из пробки, и помчались они по городу, как правительственный эскорт. А на автостраде полиция так поднажала, что Говоров стал отставать — не та скорость у его драндулета.

В конечном счете они приехали вовремя, даже успели в зале для почетных гостей выпить по бокалу шампанского с американским консулом, который прибыл специально в аэропорт проводить Лизу Алексеву.

Какой же вывод из этой истории сделает для себя уважаемая публика?

Что касается Говорова, то он решил: иду в банк, беру кредит и покупаю новую машину — старая тачка для таких подвигов уже не годится.

* * *

И вот на новой машине (точнее, сравнительно еще новой) из той древней истории (проводы Лизы Алексеевой), почти не сбавляя скорости и со свистом вписываясь в витражи, снова вписывается Говоров в эту главу, возвращаясь в тот же аэропорт «Шарль де Голль», встречать Аксенова из Америки. (Говоров сделал круг по времени и по кольцевым подъездам аэропорта. Тот,

кого он провожал, улетал в Америку, тот, кого он встречает, прилетает из-за океана. Опять круг в пространстве и во времени. Все возвращается на круги свои? И много что-то кругов. В этом есть какая-то символика, но нам, простым смертным, в ней не разобраться, пусть господа литературоведы, критики и структуралисты ломают головы.) Публика, надеюсь, помнит, что глава начиналась с рассказа о бурной деятельности Союза спасения от коммунизма. Так вот, ССотК организовал еще одно (безумное, по мнению Говорова) мероприятие: съезд русских писателей-эмигрантов в Париже. То есть, с одной стороны, в этом было много привлекательного. Действительно, почему бы русскому литератору, прозябающему на вэлфере где-нибудь в Филадельфии (и отнюдь не в лучших домах), не прокатиться за казенный счет в Европу, пожить в приличном отеле, толкнуть речугу о том, что наболело и накипело, пообщаться с давними приятелями и почувствовать себя в некотором роде значительной личностью? Когда подобную конференцию устроил университет Южной Калифорнии, Говоров с охотой полетел в Лос-Анджелес. Все правильно. С одной поправкой: та конференция предназначалась в первую очередь для американских славистов, проходила в огромном, переполненном зале, и университет выделил средства из своего бюджета.

Здесь же заранее было известно (устроителям, во всяком случае), что ни малейшего внимания прессы или публики это сборище не привлечет, все ограничится говорильней в узком кругу, в холле отеля, рассчитанном на тридцать человек максимум. Тогда, спрашивается, при чем тут ССотК? И кого эти ораторы собираются спасти от коммунизма (себя они уже спасли, эмигрировав) — непонятно. Говорову любопытно было бы знать, как объяснял Самсонов доверчивым американцам необходимость сего мероприятия, требующего таких значительных расходов. Однако для Самсонова — затея имела другой, и довольно прозрачный, смысл: показать братцам-кроликам (сиречь литераторам), что в эмиграции хозяин тов. Самсонов — почти как тов. Георгий Марков в Союзе писателей СССР. В его руках деньги, он может закатывать балы.

...Говоров не из лихости со свистом крутил виражи. Он опаздывал к самолету. Пока нашел место в паркин-

ге, пока спустился в зал прибытия пассажиров — глядь, вся русская делегация уже на выходе, стоят с женами в стороне, чем-то неуловимо напоминая эвакуированных времен войны. Как Говоров и ожидал, из Америки прилетела не первая сборная. Нет Бродского, нет литературных критиков Вайля и Гениса, нет Довлатова. Правда, есть Аксенов (но это уже стало традицией — или Аксенов, или Бродский! Они не пересекались!). Кстати, где Аксенов?

— Где Аксенов? — спросил Говоров, сделав общий привет публике.

Заметив в его руке ключи от машины, ему радостно заулыбались:

— Андрей, ты приехал за нами? С автобусом?

«Так, значит, обещали автобус, которого, естественно, нет. Как нет и секретарш ССотК, которые, наверно, еще в постели у начальства. А может, вообще все начальство — президент, генеральный секретарь, председатель и директор — не опохмелилось и забыло о самолете из Нью-Йорка? Или увлеклось давним спором — кому отдавать Правобережную Украину?»

Говоров так завелся, ибо увидел генерала Григоренко — бледного, худого, в инвалидном кресле-каталке. Еще два года назад Говоров брал у него интервью по случаю выхода книги воспоминаний генерала во Франции, и тогда Григоренко выглядел вполне боевито. А теперь — полупарализован, сник, отсутствующий взгляд... Зачем старика надо было тащить в Париж? Для галочки в отчете? А если уж пригласили, то неужели ни одна сука из «Вселенной» не могла явиться в аэропорт загодя, оказать хоть генералу уважение?

Делиться своими соображениями с братьями писателями Говоров все же не стал, наоборот, постарался успокоить.

— Сейчас за вами кто-то приедет от Самсонова. Наверно, автобус в пробке застрял. Ждите, не расходитесь. А я смогу взять только Аксеновых.

— Хорошо Аксенову, — услышал Говоров завистливый вздох. Но он уже отходил от группы, разглядев Васю и Майю в другом конце зала.

(Мелькнула, ей-Богу, мелькнула мысль: «Почему бы не взять Григоренко с женой? Ведь все поместятся!» Нет, решил Говоров, эту кашу заварил Самсонов, вот он пускай и расхлебывает.)

Несется машина по пустой автостраде в Париж. Куда-то рассосались все пробки. И в машине обычный для друзей веселый треп.

— Не слишком ли гонишь?

— Неправильно цитируешь. У классика так: «Не слишком ли грозен, как я погляжу».

— Майка, они в этом рабочем поселке Парижский жуть как все образованные. Давят нас эрудицией. Ладно, Андрюха, твоя машина — класс, я поверил. Теперь сбавляй газ.

— Вася, я держу сто тридцать, согласно дорожному знаку. Не нарушаю на клумбу. Это ты в своем Новом Свете отвык от скоростей.

— Да, в нашем захудалом Вашингтоне больше девяноста не сделаешь. Глухая провинция, сразу штраф прилепят. Майята, мы с тобой из глухой провинции.

— Это особенно заметно на фоне товарищей из делегации, к которой ты имеешь честь. Пальто на Майке от Кардена?

— В нашем Вашингтоне о Кардене не слыхали. Верно, Майята? Темнота. Разве что негритянка, по глупости, платье французской фирмы напялит.

— «Вася, Вася, я снялася в платье бело-голубом».

— А как там дальше? Майка, кажется, он забыл слова!

...И так еще километров десять. И вдруг:

— Если я правильно понял, парижские либералы не почтят наш черный шабаш своим присутствием?

— «Я, конечно, бюллетень взял заранее и бумажку из диспансера нервного». Я, Вася, заболелю, имею право раз в два года. Но как В. П. общаться с Самсоновым после письма об увольнении?

— Письмо идиотское. Но один входил в запой, другой выходил из запоя. Если бы не раздули эту историю, они бы поладили.

Резко нажал Говоров на тормоз. Воткнулись в конец пробки. Братский привет от тружеников парижского транспорта. Теперь поползем с черепашьей скоростью. Но вот как все представляется из-за океана: один входил в запой, другой выходил! А кто писал донос на Говорова? И Говоров должен все это кушать? Почему

же Вася не бежит целоваться с Бродским? Конечно, на расстоянии все кажется несерьезным.

Сменился темп движения, сменилась тема разговора. Раз Аксенов решил оставаться «над схваткой» — пусть. «Нас мало, и нас все меньше. А самое страшное — все мы врозь». В эмиграции — особенно. А то начнешь выяснять отношения, и... некому будет петь песенку «Вася, Вася, я снялася».

* * *

И вот на новой машине (точнее, сравнительно еще новой) помчался Говоров в Германию к Лит Литычу (настоящее имя — сообщаем по секрету любопытным — Литератор Литераторович). Мчался Говоров по французским и бельгийским автострадам, бодро насвистывая, только кустики мелькали. А как выехал на немецкий автобан — присмирел, вцепился в руль. Держит Говоров свои классические 140 км. в час, а мимо со свистом то и дело проносятся «Мерседес», «Поршензон» или здоровенная «Опелюга» и через минуту скрываются за горизонтом. Вспомнил, как Аксенов просил его сбросить газ. Тут и Говоров в свою очередь почувствовал, что непривычен к здешним скоростям. Сумасшедшие люди режутся на немецких дорогах!

Но за каким чертом понесло Говорова в чужие земли?

Объясняем. Во время съезда русских писателей в Париже (Говоров все же взял бюллетень и торжества для мировой общественности не освещал) Лит Литыч приехал к нему домой. Договорились, что Лит Литыч будет писать для парижской редакции скрипты. Говоров давал ему карт-бланш: рецензии на книги, комментарий к советской периодике, взгляд и нечто о чем угодно — только пиши, зарабатывай денежку. Пообещал Лит Литыч вкалывать, вернулся в свою немецкую берлогу и ни гугу. Говоров был знаком с Лит Литычем двадцать лет, отношения между ними менялись, колебались, но в общем оставались на дружеском уровне. Говоров ценил прозу Лит Литыча (хотя тот писал в традиционной манере), однако знал, что Лит Литыч работает крайне медленно. Если Лит Литыч брался за статью, то доводил ее до совершенства... корпя над ней

по несколько месяцев. «На Западе так не живут, на Западе так не работают!» — поучал его Говоров, теребя звонками из Парижа. Лит Литыч клялся, божился, что завтра засядет, непременно, обязательно, а Влада, жена Лит Литыча, горько жаловалась Говорову, мол, нет денег, последние сбережения, доэмиграционные гонорары за книги проедаем.

Созвонился Говоров с Гамбургом: «Не желаете ли интервью с Лит Литычем?» — «Мечтаем!» — «Пошлите меня в командировку». — «Почему тебя? Нам из Гамбурга к Лит Литычу как-то ближе». — «Так ведь он с вами не разговаривает!» — «Сожалеем, но ничего поделать не можем. А отправлять корреспондента из Парижа в Германию слишком накладно, в бухгалтерии не поймут». — «Тогда, — предложил Говоров, — раз Радио так обнищало, я поеду за свой счет». — «Это пожалуйста, — обрадовались в Гамбурге. — Это мы с превеликим удовольствием разрешаем».

...В сумерках свернул Говоров с автобана, сразу повеселел (жив остался), песенку под нос мурлыкает: «Горит свечи огарочек, утих неравный бой...» Почему именно эту, времен сорок пятого года? Да потому, что в ней припев: «В Германии, в Германии, в проклятой стороне». Сидит в Говорове советское воспитание, никуда от него не деться!.. Но главное — повторял себе Говоров — не сорваться, не сказать. Глупо и бессмысленно напоминать Лит Литычу их встречу на аэродроме во Франкфурте!

Короче, нашел Говоров Нижний Городок. Нашел дом, где жил Лит Литыч. И ждал там Говорова накрытый стол (чем богаты, тем и рады), на который водрузил он свой скромный презент из Парижа (макет Эйфелевой башни? Не угадали. Бутылку французского коньяка, разумеется). Поужинали, потрепались вволю. Не сорвался Говоров, не сказал. Утром, после чая, включил магнитофон, заставил Лит Литыча работать. Исписали две катушки пленки, полный обзор современного положения в советской литературе сделали. Остался Говоров доволен материалом. Ведь Лит Литыч пером по бумаге медленно скребет, а магнитофона не стесняется, очень логично все излагает.

— Вот,— сказал Говоров,— теперь из Гамбурга тысячу марок как минимум тебе переведут. Согласись, на дороге не валяются.

Согласился Лит Литыч, действительно, такие деньги подбирать на улице ему не приходилось.

Потом погуляли втроем по городку. Говоров все хвалил: спокойный, тихий городок, нет парижских пробок, мостовые чистые, не вляпаешься в дерьмо собачье, как в Париже, водка у вас в полтора раза дешевле, чем во Франции. Спрашивается, за что мы, страны-победительницы, кровь проливали? На курорте, ребята, блаженствуете!

Лит Литыч не спорил, посмеивался. Но когда Говоров пригласил ребят в кафе, когда за столик уселись, то беседа потекла по другому руслу, вернее, это был монолог Лит Литыча, сдержанный и меланхоличный, а Говоров лишь свои комментарии вставлял.

— Живем плохо. Как в клетке. Влада по-немецки не желает, в магазинах рукой на продукты показывает, надеется, что продавцы по-русски заговорят. Я пытаюсь выкручиваться своим слабым английским. Если врача надо вызвать, то Копелеву в Кельн звоним, дескать, выручайте, Лев Зиновьевич! Квартиру нам муниципалитет оплачивает. Получаем крохотное пособие из фонда помощи беднякам. Надеемся выиграть суд у партии «Орлов», но с адвокатом очень трудно объясняться.

— Однако деньги на журнал американцы под тебя дали? — спросил Говоров.

— Верно. Сколько отвалили партии «Орлов», не знаю, но много. И я поднял журнал и авторам мог платить. Хороший журналчик получился.

— Вроде эмигрантского «Нового мира», — согласился Говоров.

— Я бы долго продержался, но «орлы» захотели мной руководить. Не сразу, постепенно уздечку натягивали. Свои вонючие партийные статейки мне подсовывали. Своих графоманов рекомендовали печатать. А когда увидели, что журнал ускользает из рук, — меня и уволили.

(Влада добавила сочные характеристики каждому члену политбюро из партии «Орлов». С таким язычком, подумал Говоров, Влада Лит Литычу не помощник. Не масло — бензин в огонь подливала.)

— С американцами ты разговаривал?

— После того, что случилось, приезжали ко мне двое. Выслушали. И как в жопу провалились. Растворились в космосе. Пойми, это психология чиновников. Они тридцать лет в партию «Орлов» деньги вкладывали. Если им сейчас признать мою правоту, значит, тридцать лет их деятельности псу под хвост. Кто же на это решится? Они, конечно, приняли сторону «Орлов».

— Почему ты с Гамбургом не работаешь?

— В Гамбурге повсюду ставленники «Орлов». Партийные директивы выполняют. Своих людей в руководство двигают.

«Взвейтесь соколы орлами,— подумал Говоров,— Лит Литыч заклинился на партии. Бесполезно. Его не переубедить».

— Я одного не понимаю: почему ты пособия по безработице не получаешь?

— Э-э, они так хитро оформили договор со мной, будто я не на работу поступаю, а свой журнал, свое коммерческое предприятие открыл. В этом случае мне никакого пособия не положено. Я в немецком законодательстве не разбираюсь, подписал бумаги, которые мне подсунули.

И тут Говоров сорвался:

— В Германии, где гениальное социальное страхование, ты остался без пособия! Значит, «Орлы» заранее рассчитали, что деньги на журнал возьмут, а тебя — в шею! С самого начала ловушку тебе подстроили! Но ведь я специально прилетел во Франкфурт, чтобы тебя встретить и еще в аэропорту предупредить. Я же тебе говорил: не связывайся с этим говном!

Сорвался. Вылетело слово. И увидел Говоров, что Влада вот-вот заплачет.

— Да, мы помним. Предупреждал. Но чего ты сейчас от нас хочешь? Чтоб мы повесились?

Заткнулся Говоров. Заказал еще пива.

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

Примерно за три месяца до ЭТОГО

Боря Савельев передал Говорову пачку советских газет и журналов. Читая по привычке их вечером, Гово-

ров нашел много статей об Андрее Тарковском. Теперь (посмертно) Тарковский был уже лауреат Ленинской премии, гений, светоч отечественной кинематографии. Газеты с горечью (и очень подробно) писали о том, как травили Тарковского на родине.

Говоров завелся. Конечно, сейчас все друзья Тарковского. Но где они были, когда... Говоров вспомнил свою последнюю встречу с Тарковским. Пресс-конференция в Париже. Задают вопросы о новом фильме, о творческих планах. Но Тарковский упорно сводит разговор только к своему сыну. «Ведь я так и умру, не увидев своего сына!» — буквально кричит Тарковский. Потом Говоров подходит к Тарковскому: «Андрей, репортаж о пресс-конференции я пушу сегодня по Радио. И не хочешь ли ты прийти ко мне завтра в бюро, мы засядем в студии и сделаем специальную передачу, посвященную твоему сыну?» — «Отличная идея», — моментально соглашается Тарковский. «Помогите мне перевести несколько вопросов», — просит Говорова Николь Занд. Говоров представляет журналистку Тарковскому. «Это газета «Монд», — объясняет Говоров. — Николь Занд самая влиятельная баба во Франции. Все кинорежиссеры и писатели толпятся в очереди у ее кабинета». Но Тарковский слушает Николь Занд с капризной гримасой. Плевать он хотел на влиятельную французскую газету, тем более, что Николь Занд опять спрашивает о фильме. А вот интервью для Радио его явно заинтересовало. «Сколько ты мне дашь времени?» — «Столько, сколько сочтешь нужным», — отвечает Говоров. — Однако ты рассказывал, что отказался снимать фильм в Голливуде, хотя там тебе предлагали миллион долларов. Увы, мы тебе сможем заплатить лишь тысячу франков». Тарковский озорно подмигивает: «Тоже на дороге не валяются».

На следующий день они записали часовую передачу. Тарковский перечислял, к кому в Союзе он писал письма и посылал телеграммы. Во все высшие инстанции и персонально: Брежневу, Андропову, Черненко. Не получил ни одного ответа. Влиятельные зарубежные гастролеры от советского кинематографа боятся с ним встречаться. Премьер-министр Швеции, президент Италии, европейские сенаторы, министры, члены парламента лично ходатайствовали перед советским правительством. Глухая стена. Не выпускают сына. «Я

для них был крепостной, и мой сын — крепостной. Хозяин — барин. А я ведь умру без сына», — повторял Тарковский.

«Если Тарковскому, с его мировой славой, не удастся, на что же мне рассчитывать?» — подумал Говоров об Алене и Лизке.

После записи пили кофе в говоровском кабинете, и Тарковский рассказывал о своем житье-бытье. Квартиры у него нет. Зарубежного подданства нет. Договоров нет. Друзья предоставили временную квартиру во Флоренции. Америка предложила гражданство, но он предпочитает жить в Италии, там привычнее, такой же бардак, как в России. Он готов к тому, что его на улице застрелит мотоциклист, — в Италии такое случается. «Плевать. Не боюсь смерти. Я успел в своей жизни сделать главное».

Через полгода из Вашингтона в панике позвонил Аксенов. «У Тарковского рак. Он в крайне тяжелом состоянии. Свяжись с Мариной Влади, пускай она скажет своему профессору Шварценбергу, чтоб тот положил Тарковского к себе в клинику». С той же печальной новостью звонили из Германии и Швеции: вся надежда на лучшего онколога мира профессора Шварценберга!

Телефон Марины тупо отзывался длинными гудками. Лишь поздно вечером Говоров услышал незнакомый мужской голос: «Марины нет. Что передать?» Говоров от лица всей русской эмиграции изложил просьбу, дескать, пусть Марина похлопочет... «Я профессор Леон Шварценберг, — ответил голос. — Господин Тарковский находится у меня в госпитале. Делаем все возможное».

То, что произошло далее, Говоров так комментировал по Радио: «Неожиданно в госпиталь профессора Шварценберга явились два сотрудника советского посольства: то ли это была добрая инициатива посла Юлия Воронцова, то ли проверка: не симулирует ли Тарковский? Видимо, убедившись, что Тарковский серьезно болен, посольские товарищи предложили ему подписать прошение на высочайшее имя и заверили, что сына выпустят. Обещание свое они сдержали. Сын с бабушкой прилетел в Париж, Андрея Арсеньевича можно поздравить».

По телевидению Говоров наблюдал, как сын Тарковского — юный, худенький, радостно взволнован-

ный — получал премию за отца на кинофестивале в Каннах... На смерть Тарковского Говоров с В. П. сделали большую передачу, а некролог написал Матус, считавшийся на Радио главным специалистом по кино.

После ужина Говоров не отрубился, как обычно, а, ворочаясь в постели, продолжал думать о Тарковском. Не повезло, чуть-чуть не дожил до триумфального возвращения на родину. Или повезло — смерть ускорила официальное признание. Удивительно, как Тарковский предвидел свою судьбу. Или предчувствовал. Ведь в их последнем разговоре Говорова поразило, что Тарковский не строил никаких планов на будущее. «Нельзя так жить на Западе, — талдычил Говоров, — без дома, без постоянной зарплаты, без социального страхования. Ты нашел продюссера для следующего фильма?» Тарковский пожимает плечами. «Зацепись за университет, пока ты на волне, тебя пригласят читать лекции!» Тарковский отмахивается. «Между прочим, недавно мы сидели в кафе с Андроном Кончаловским. Он сказал, что если я тебя встречу, передай — он готов помочь, выбьет для тебя выгодный контракт в Америке». Злая судорога скользнула по лицу Тарковского, ничего не ответил. «Хорошо, я не вмешиваюсь в ваши отношения, я просто помню, что вы когда-то дружили». Он увидел их в фойе Центрального Дома литераторов, молодых, веселых, неразлучная пара. «Ребята, что? Действительно «Андрея Рублева» положили на полку?» — «Знаешь, с чего я начал в Америке? — усмехнулся Кончаловский. — Вставил себе новые зубы. Человек с плохим зубным протезом в Америке не проходит. Я тебе позволю». Затрезвонил телефон, множество издавна знакомых голосов, перебивая друг друга, обращались к Говорову. Выделялся голос Вики. «У тебя завтра запись», — сказал Говоров и почувствовал в трубке пустоту, голоса удалялись, затихали, впрочем, прорвался какой-то звонкий женский голос, что-то спрашивал, но по-французски и не у Говорова. И вот в трубке глухое молчание, отключили. «Так, наверно, приходит смерть», — подумал Говоров и побежал по лестнице, в приемной поздоровался с секретаршей (секретаршей Бога?), но в кабинете навстречу ему встал не Бог и даже не апостол Петр, распределяющий литфондовские путевки в рай и ад, а маленький старичок, в котором Гово-

ров узнал генерала Гамбьеза. «Мой генерал», — сказал Говоров. Генерал улыбнулся. Что сказал генерал? Провал. Конечная станция московского метро, его станция. Говоров выходит из метро, в снег и сумерки, и различает во втором доме на улице, его доме, три горящих окна на пятом этаже. Его окна в говоровской московской квартире. Там ждут Говорова его девочки, Наташка и маленькая Алена, а может, Наташка и Лиза, а может, Алена — это Лиза... Привычным движением переложил Говоров из одной руки в другую тяжелую авоську с продуктами и по протоптанной между сугробов дорожке поспешил к освещенным окнам, к своим девочкам, к своему последнему и вечному приюту.

VI

За пять лет до ЭТОГО

Говоров провел в Америке два месяца в командировке, о чем впоследствии написал рассказ. Писал он его долго и трудно, используя для работы уик-энды и дни отпуска. Потом он успел сделать еще кучу статей для Радио, затем (после увольнения) сочинил десятки писем в разные инстанции и учреждения, где надеялся получить хоть что-то. Но к прозе своей, к писательству, он больше не возвращался. Почему? Может, тому причина — депрессивное состояние, из которого Говоров так и не выбрался? А может, он решил, что этот рассказ — последняя точка в его литературном творчестве? Кстати, Говоров даже не пытался опубликовать рукопись, видимо, полагая, что в ней много личного, не предназначенного чужому любопытствующему глазу. Значит, и на свободном Западе тоже пишут в стол?

Читатель вообще волен пропустить эту главу, ибо она ничего не дает для развития сюжета. Впрочем, есть ли сюжет в книге? Ведь мы, как в том известном анекдоте про детективный фильм, заранее сообщили: убил шофер! Но нам кажется, что в рассказе раскрываются какие-то новые черты в характере Говорова, и даже авторская выдумка, литературный прием, — в рассказе

Говоров не дед, и отец Лизы — тоже симптоматичен. Рассказ, конечно, автобиографичен, но в нем почти не упоминается жена Говорова Кира и ни слова о сыне Денисе. Странно все-таки. Может, чувство вины перед первой семьей, оставленной в Москве, подспудно давило на Говорова во время всей эмиграции и поэтому фатальный исход в его судьбе был запрограммирован заранее? То есть проблема была не психологическая, а психическая? Не знаем. Мы не специалисты в этом вопросе. Однако старая русская пословица гласит: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Если бы, не дай Бог, случилась беда с Денисом или Кирой? Бился бы Говоров головой об стену? Еще как! И ведь, по рассказу, чувствуется — он доволен своей жизнью. Тогда какого черта рвется Говоров взвалить на себя неподъемную тяжесть и сделать всех счастливыми? Может, сломался Говоров не от реальных ударов, которые на него обрушились, а потому что увидел: не построил он свой мир таким, каким задумал.

Но даже Создатель сотворил наш мир далеким от совершенства... О, эта человеческая гордыня! Жить бы Говорову, как все, настоящим, а не прожектами, не мечтать о невозможном, сидеть тихо, не дразнить начальство — глядишь, благополучно дотянул бы до пенсии. Куда, зачем он полез? Тема для еще одной диссертации о загадочной русской душе.

Говоров озаглавил свой рассказ:

ТУМАН В АНН-АРБОРЕ

И иногда себя спрашиваешь: как ты тут оказался? и куда тебя несет?

Все логично и продумано в этом лучшем из миров, все крутятся, и ты крутишься со всеми, однако полагаешь, что по собственной воле и на собственной орбите, но вдруг — крохотная пауза, озарение, как впервые со мной случилось в самолете, летевшем из Магадана в Певек, и вот тогда возник вопрос: и за каким чертом тебя несет на берег Северного Ледовитого океана? Второй раз подобный вопрос я себе задал тоже в самолете, следовавшем рейсом из Алма-Аты в Ташкент. Ну хорошо, как я оказался в Алма-Ате, еще можно было объяснить. Но что я, московский житель, забыл в Ташкенте?

Наверно, в самолете, когда висишь между небом и землей, приходит самое лучшее время для раздумий. Маяковский это состояние обозначил точно — «мелкая философия на глубоких местах». Он плыл на пароходе из Европы в Америку — комфортабельно, но не очень устойчиво: под ногами семь километров океана — и сочинял свою «мелкую философию»: «так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова». Тогда на самолетах еще не путешествовали.

Самолеты стали привычны при жизни моего поколения. Первый раз я летел с отцом из Москвы в Черновицы в 1954 году. В самолете было всего человек девять. При посадке в Киеве самолет вплотную подкатил к маленькому зданию аэровокзала, и навстречу вышел важный швейцар с золотыми галунами. Не помню, была ли красная дорожка, но пассажиров встречали почтительно, как космонавтов.

Лет через десять, пользуясь «крыльями Аэрофлота» в своих многочисленных командировках, я побывал в самых отдаленных точках Советского Союза, на Севере и Востоке, и уже знал, что самолет — это не только рекламная улыбка стюардессы, но и ожидание летной погоды в течение нескольких суток на лавках (или под лавками) аэровокзалов в Хабаровске и Новосибирске, огромных, как массовые захоронения мамонтов, — и тем не менее, загуляв с ребятами в Центральном Доме литераторов, мы после полуночи кидались в такси и мчались во Внуково, где, сидя в ночном буфете — туда еще пускали всех, а не только интуристов, — пили стаканами грузинский коньяк «три звездочки», слушали объявления по радио о прибытии (отбытии) рейса из Бухареста или в Томск и вместе с табачным дымом вдыхали полной грудью «романтику трудных дорог».

Теперь сесть в самолет так же просто, как сесть в трамвай. Впрочем, нет, трамвай нынче — музейная редкость.

В конце февраля в Нью-Йорке наступила весна. В этот день я ушел из бюро пораньше и прогулялся по аллеям Центрального парка. Пригревало солнце, я распахнул свою дубленку, и меня обогнал спортивной трусцой элегантный паренек в синей шапочке, желтой

майке, зеленых трусах, сиреневых носках и красных кедах. Кинув последний взгляд на научно-фантастическую панораму небоскребов пятидесятих улиц, я вернулся в свой отель («Имперский отель», а не какой-нибудь хрен моржовый!), позвонил в свою контору, чтоб они там урегулировали счет за гостиницу, сложил чемодан, спустился вниз и заказал такси. Как заказать по-английски такси — я знал, что мне отвечал портье — ни слова не понял. Однако, как ни странно, такси пришло, — микроавтобус, заехавший потом по дороге еще в два отеля.

Описание нью-йоркской пробки пропускаю.

Когда из Манхеттена мы выбрались в Квинс, стало темнеть.

Самолет поднялся, мелькнули в иллюминаторе сияющие небоскребы и провалились куда-то вбок. Самолет набирал высоту, огни внизу постепенно исчезали, мы уходили в плотную черноту. Через час мы должны были приземлиться в Детройте.

И вот тогда я опять себя спросил: как ты тут оказался? и зачем тебя туда несет?

Со стороны, наверно, все выглядело интригующе и даже заманчиво. В аэропорту меня ждала высокая, красивая и молодая американка в шубе из какого-то дорогого зверя. Мы поцеловались и пошли к ее машине. Несмотря на то, что руки мои были заняты чемоданами, я старался не горбиться, ступать уверенно, словом, соответствовать ситуации и мировым стандартам: деловой, скажем даже, несколько преуспевающий мужчина в командировке, приятная встреча...

Я надеялся, что по дороге увижу — для коллекции — и небоскребы Детройта или (что там у них есть?) хоть какой-то светящийся силуэт центра, но мы сразу свернули на хайвэй и поехали прочь от города. Огни остались в аэропорту. Казалось, хайвэй был проложен по черно-серой пустыне, где ничто не растет и не шевелится и лишь на самом шоссе призрачно плавали, нарастали и со свистом проносились мимо фары встречных машин. Потом и они исчезли. Мы уперлись как бы в стену тумана, который, отступая, тормозил ход машины. Мы осторожно пробирались, как самолет через плотную облачность. Мотор ровно урчал, машина под-

рагивала, мы явно куда-то ехали, но фары нашей машины высвечивали туман, туман и еще раз туман, мы как будто застряли в нем. Мы потеряли где-то реальный мир, мы дрейфовали вне времени и пространства, и я бы не удивился, если бы мы оказались в центре Саргассова моря или, как по мановению волшебной палочки, туман вдруг растворился и перед нами возник бы плакат: «Трудящиеся Тульской области приветствуют дисциплинированных водителей».

Наконец я стал замечать по бокам и чуть выше какие-то мерцающие светлые пятна. Мы совсем сбавили скорость. Пошли повороты, свидетельствующие о том, что мы прибыли в город. Однако опять мерцания по бокам погасли, туман загустел, навалился. И только я подумал, что, видимо, не избежать нам встречи с Саргассовым морем, как машина остановилась.

— Приехали.

Над входом в радужном кругу плавился фонарь, дом нависал черной массой, и хотя мы были в двух шагах от дома, определить его очертания я не мог.

В этом доме... Стоп. Цитата из Пушкина. У меня уже была цитата из Блока («красивая и молодая»). Боюсь, что с нарастанием в геометрической прогрессии художественной литературы без цитат не обойтись. Ведь в конце концов будут перепробованы все словесные сочетания. Поэтому предлагаю всем писателям честно признаваться в невольном плагиате и брать пример хотя бы с шахматистов. Шахматисты, разбирая свою партию, без тени смущения пишут: «Сначала была разыграна защита Нимцовича (уже цитата), до двенадцатого хода мы повторяли партию Ботвинник—Бронштейн, чемпионат СССР 1952 года (еще одна цитата), потом мой противник выбрал вариант, впервые примененный Спасским против Петросяна в матче на первенство мира»,— и т. д. и т. п. Правда, меня могут заподозрить в некотором кокетстве, дескать, вот фрукт, помнит наизусть «Евгения Онегина»— уверяю вас, это не кокетство, а элементарная порядочность. Дело в том, что если наши родители вольно или невольно занимались «всеобщей электрификацией всей

страны» (В. Ленин), то на долю моего поколения выпала всеобщая радиофикация. Культуру в приказном порядке спускали в массы. Массы не противились, массы (вопреки мнению злостных антисоветчиков) активно ее принимали. Допустим, если, садясь в поезд, я не успевал резким движением вывести из строя усилитель динамика, то мне в купе были гарантированы до полуночи: «где ж вы, где ж вы, очи карие», «не нужен мне берег турецкий», «о баядерка, ты не любишь меня». Радио орало на полную мощь в парикмахерских, на рынках, в мастерских бытового обслуживания, в общих номерах гостиниц, на площадях в районных центрах, в столовых, на улицах во время первомайской демонстрации и народных гуляний и ежедневно у соседа за стеной. Спасительная пауза наступала разве что, пардон, в уборной, когда дергал за ручку водосливного бачка. Однако когда бачок успокаивался, тебя опять настигла ария Ленского в исполнении Козловского или Лемешева: «В этом доме узнал я впервые радость чистой и светлой любви». Поэтому при такой культурной радиоинтенсификации я просто был обречен запомнить на всю жизнь не только «артиллеристы, Сталин дал приказ», но и всю русскую поэтическую классику, которую доносили до самых низов (включая и сортирных) народные артисты СССР, солисты Большого театра, Государственный хор имени Пятницкого и Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии.

Итак, в этом доме можно было бы безболезненно разместить всю нашу парижскую литературную эмиграцию, причем, скажем, «Вселенная» и «Запятая» могли бы вообще годами не сталкиваться, пользоваться разными выходами, а для Марьи Васильевны был бы гарантирован персональный ход через печную трубу.

Слава Богу, до этого пока не дошло.

Для справки: этот дом уже вошел в историю русской литературы. О нем пока еще сочиняют диссертации в американских университетах, а со временем будут защищать диссертации в России, присуждать ученые степени. Этот дом уже в каком-то смысле реликвия. Но мы, суеотящиеся современники, не можем жить в историческом музее, нам бытовые удобства пода-

вай — мягкую постель, отдельную ванную, а также чего-нибудь выпить...

Короче, Хозяйка мне отвела спальню примерно в двух километрах от центрального холла. По дороге, путешествуя по коридорам, я увидел комнату, в которой сидела с нянькой дочь Хозяйки. Я ее уже видел, когда ее привозили в Париж. С тех пор, естественно, она очень выросла. И как все взрослые, я бы, естественно, сказал: «О, как ты выросла!» (После чего удивляются — почему дети вдруг начинают неестественно буйнить и бить посуду?) Но, не зная английского, я лишь сказал по-русски: «Здравствуй!»

Ноль внимания, фунт презрения. Не замечая меня и глядя только на маму, девочка резким голосом произнесла тираду. В ответе Хозяйки прозвучали успокаивающие педагогические интонации. Может, разговор шел об игрушках, а может, девочка спросила что-нибудь вроде: «Опять, мама, ты привела русского дурака, который ни слова не может произнести на понятном языке? Что ему у нас делать?» А мамаша ее урезонивала: «Будь воспитанной девочкой, и вообще, тебе пора спать».

Я поймал себя на том, что буквально впился глазами в девочку. На ее мать я никогда так внимательно и оценивающе не смотрел, а там было где разгуляться взгляду.

Значит, так, думал я, ей, наверно, уже семь лет. Какая же она большая и самостоятельная. А пятилетняя девочка? Должна быть чуть меньше ее, но уже с характером и норовом. Это тебе не «а-дя-дя» и не «тю-тю-тю», а вполне сложившийся человек...

Почему-то было запрограммировано, что меня надо кормить в ресторане. Клянусь, я бы предпочел тихий, интимный ужин дома. Мы опять сели в машину и окунулись в туман. Плавание вслепую по Саргассову морю. Но какой-то странный туман в Анн-Арборе: в центре города он значительно реже. Наверно, тут его разгребают лопатами, как в Москве — снег.

И в ресторане, как мне сказали, студенческом, было весело и уютно. На столиках горели красные свечи. В дальнем углу негромко бухало что-то блестяще-металлическое и джазовое.

Мы ужинали втроем, с молчаливым и корректным молодым человеком, теперь главным распорядителем

у Хозяйки. Мысленно я дал ему чин — Первый Помощник, как на корабле. За столом шел информативно-фривольный треп.

— Ну,— сказала Хозяйка, имея в виду наших общих нью-йоркских знакомых,—с кем, они говорят, я сплю?

Или:

— Как тебе нравится ...? (Фамилию до всеобщего сведения не довожу.— А. Г.) Три недели назад он мне позвонил и потребовал, чтобы я издала полное собрание его сочинений!

— Считаю это как попытку изнасилования в подъезде. Надеюсь, ты отбилась?

— Ну что с него взять? Урка!

Или:

— Дошло до того, что они пишут друг на друга обличительные письма. Между ними двумя я хожу как по проволоке. Если кто-то из них почувствует, что я беру сторону другого, будет дикий скандал. Словом, все, что между нами происходит, это дерьмо. Но понимаешь, для меня это свое дерьмо.

Или:

— Все американские девочки теряют свою девственность на заднем сиденье машины.

— Кто же был твой соблазнитель?

— Мой первый муж.

...Впрочем, мне пора заткнуться, а не разглашать всему миру тайны девичьи.

В дальнем углу блестяще-металлическое забухало громче и живее. Кофточка на Хозяйке сдвинулась так, что обнажилось плечо. Изредка Хозяйка бросала то на меня, то на Первого Помощника свой снисходительный, королевский взгляд. Наверно, мы с Первым Помощником были похожи на двух выжидающих котов, разве что не облизывались.

«И поводила все плечами, и улыбалась Натали» (Белла Ахмадулина).

Джон Апдайк проговорил длинный период и лениво стал ковырять вилкой салат из крабов. Фрида перевела:

— «Приходилось ли вам, друзья мои, встретить женщину, в которую вы влюблялись, долго за ней

ухаживали, у вас с ней устанавливались сложные отношения, однако с самого начала вы чувствовали—это баба другого класса и ничего вы от нее не добьетесь?»

Мы сидели вчетвером в ресторане ВТО: Апдайк, Фрида Лурье (консультант по американской литературе Иностранной комиссии Союза писателей), Аксенов и я. Апдайка занесло в Москву в какой-то год из либеральных шестидесятых. Только что в журнале «Иностранная литература» был опубликован его роман «Кентавр». Все его прочли, и все восхитились. Я не знаю, чего ожидал Апдайк и что ему говорили в Америке о холодной и загадочной России, но по прибытии в Москву он попал в радушные и цепкие объятия Иностранной комиссии. Явно была установка: встретить прогрессивного американского писателя по высшему классу. Удалось ли Апдайку побродить одному по московским улицам—в этом я сильно сомневаюсь. С десяти утра в сопровождении матерински любящей его Фриды Апдайк появлялся в ЦДЛ, и там его передавали с рук на руки, с банкета на банкет, из восьмой комнаты в партком. Иногда он пересекал общий зал ресторана—высокий, чуть сутулый, с блуждающей, полупьяной улыбкой на лице,—и со столиков несло: «Смотрите, Апдайк». Думаю, Апдайк решил, что в России все так живут: пьют с утра водку и закусывают черной икрой.

Фрида была дисциплинированной и исполнительницей, но к нам хорошо относилась. Она и организовала эту встречу, видимо, объяснив Апдайку, что в перерывах между официальными банкетами с секретарями союза неплохо бы закусить на частном обеде с двумя писателями, которые... Словом, Апдайк заинтересовался. В ЦДЛ обязательно бы кто-нибудь подсел, поэтому выбрали Дом актеров.

И вот. Апдайк твердо знал, о чем положено говорить между собой мастерам молодежной прозы двух континентов—конечно, о бабах.

Аксенов, человек светский, более искушенный в общении с иностранцами, ответил в том смысле, что да, разумеется, такие ситуации бывали и с ним, в русской литературе вообще популярен образ таинственной и неприступной Незнакомки.

— Нет,—сказал я.—Такой бабы я не встречал.

Фрида перевела. Апдайк положил вилку и посмотрел на меня неожиданно трезвым и долгим взглядом. Не могу сказать, что я отчаянно врал, хотя у меня была очень затяжная несчастная первая любовь. Просто потом, в 21 год, я стал известным писателем. А что значит быть в России молодым и знаменитым, можно понять, лишь живя в России. Ну и кроме того, я рано и (как спустя тридцать лет стало ясно) удачно женился (о своем втором браке я бы этого не сказал) и в основном имел дело с бабами, которые сами от меня чего-то хотели.

Вы уже заметили, что хозяйка дома в Анн-Арборе проходит под кодовым именем Хозяйка (цитата из самого себя, в одном рассказе я этот прием уже использовал). Так кого же я имею в виду? Увы, для нынешнего читателя это не секрет, а вот потомки пускай гадают и мучаются.

На второй год моей эмиграции Хозяйка приехала в Париж с Хозяином. Я пришел к ним в гостиницу с приятелем. Хозяйка устроилась так удачно в кресле, что ее юбка задралась метра на три выше, чем это позволяют себе дамы в Москве. Приятель не сводил глаз с ее загорелых полных колен.

Хозяин пригласил меня пройти в другую комнату, чтобы там обсудить наши издательские дела.

— Ты не боишься оставлять их наедине? — спросил я.

— Это почему же? — капризно растягивая слова, сказала Хозяйка. — Объясни. Это интересно.

Вот тогда я впервые подумал: какие бы не были ситуации и обстоятельства, но эта баба не для меня. Это баба другого класса.

Кажется, Первого Помощника мы потеряли в тумане на обратном пути. Или, убедившись, что не будет с моей стороны пьяных сцен и приставаний, он сам отчалил.

Теперь, когда вся ночь впереди, можно вести, чере-

дуя виски с интеллигентными сплетнями, планомерную осаду, намекая, но не настаивая, а там — как Бог подаст. В конце концов, нет таких крепостей, которые большевики... (И. Сталин).

Но где мои семнадцать лет на Большом Каретном? (В. Высоцкий). Или хотя бы тридцать семь?

Старость, дети мои, сказывается тогда, когда в час ночи, поставленный перед альтернативой продолжать усилия (с каким-то маловероятным исходом чего-то добиться) или просто идти спать, — четко выбираешь последнее. И признаюсь, я уже валился с ног.

Она пришла ко мне в середине ночи. Села на край кровати. Я сразу приподнялся:

— Знаешь, я так и думал, что ты придешь.

— Пойдем отсюда, я не хочу здесь.

Я послушно следовал за ней по темным коридорам, и вот мы добрались до центрального холла, где еще светил торшер у столика со стаканами, которые мы так и оставили. Но тут открылась входная дверь и вошли двое бородатых раввина в черных пальто и в кипах. Они, очень извиняясь, попросили приютить на пару ночей две еврейские семьи, новоприбывших эмигрантов. Появились кишиневские евреи с детьми и чемоданами. Хозяйка давала какие-то указания. Гости устраивались прямо на ковре. Их становилось все больше и больше. Но когда вторгся цыганский табор с маленьким медведем и бубенцами, я понял, что это сон, и проснулся.

Да не меня она встречала в аэропорту Детройта!

Тогда кого же? Ну да, тебя, конечно. Но в самый последний миг, когда повалила толпа с нью-йоркского самолета, почудилось ей, поверила она, что появится Он, бывший чемпион университетской баскетбольной команды, ставший потом, по прихоти судьбы, знаменитым профессором-славистом... Ведь сколько раз — десятки, сотни — встречала она здесь Хозяина, возвращавшегося из деловых поездок по Штатам и Европе. Почему бы ему и сейчас не приехать?

Однако вместо знакомой высокой фигуры вышел приземистый пятидесятилетний плешивый человек, ну да, старый друг семьи, ну да, автор, и по его глазам она

поняла, что ждет он от нее рассказов, как ей тяжело, больно, одиноко, всхлипываний и причитаний. Фигу! Знала хорошо русскую манеру выплескивать друг на друга все свои горести и переживания и находить в этом даже какое-то удовольствие. Ан нет! Мы, американки, сильные натуры. Работа продолжается, жизнь продолжается. И пусть будет весело! Покрутим задом, оголим плечо...

И в эту игру я втянулся.

Утром, выйдя в центральный холл, я обнаружил неизвестных мне ранее обитателей дома. Во-первых, сиамского кота, очень независимого господина. Во-вторых, белого королевского пуделя, который приветствовал меня дружеским помахиванием хвостиком.

Девочка завтракала. Сама себе накладывала кукурузные хлопья в чашку и заливала их молоком.

Она мне улыбнулась и что-то спросила.

Я вернул ей улыбку и ответил одной из десяти фраз, которые я знал по-английски:

— Извини, я не понимаю.

Хозяйка встанет не раньше двенадцати, ибо засыпает не раньше четырех утра. Я хотел выйти на улицу, сделать, по обыкновению, часовую прогулку, но меня неодолимо тянуло к девочке.

Вот девочка кончила завтрак и пошла путешествовать по дому, переставляя по дороге игрушки. Я повторял, выдерживая некоторую дистанцию, ее круги, за мной вплотную следовал пудель, а за ним — кот. Куклам давались ценные указания, поправлялись их платья, и вообще, видимо, их учили приличию. Пару раз меня приглашали в свидетели, предлагая вступить в беседу, мол, «Смотри, Дженни, даже этот дядя подтвердит, что нельзя всю ночь спать в кресле, вниз головой, задрав вверх ноги, сядь как следует и разгладь платье», — в ответ я лишь беспомощно разводил руками. С полосатым плюшевым котенком беседа затянулась. Его прижимали к груди, пели какую-то песенку. Странно, я думал, девочка предпочитает играть с живым котом.

Блуждая по дому, я обнаружил недостроенный сборный домик с садиком и игрушками — конструк-

торы такого типа я посылал в Москву,—но девочка к нему не притронулась.

Так мы провели примерно час, потом девочка решительно направилась в другой зал, села на диван, взяла телевизионный переключатель телевизора. На киноэкране заверещал и закувыркался цветной Микки-Маус. Я впервые видел телевизор, проецирующий изображение на экран, но вот это меня меньше всего интересовало, как, впрочем, и кота, который залег на диване, свернувшись в клубок и закрыв голову лапой. Пудель, напротив, начал проявлять беспокойство. Он явно от меня чего-то хотел. Я его понял и пошел надевать дубленку. Пудель терпеливо ждал у входной двери.

Туман утром приподнялся, но, зацепившись за верхушки деревьев, остался висеть. Очень ему это нравилось, и никуда он не собирался двигаться. Всюду был снег, довольно солидные ностальгические сугробы, и лишь на шоссе — грязно-серая каша. По этой каше мы с пуделем и шлепали. Думаю, пес планировал обычный круг возле дома и теперь не верил собственному счастью. Он забегал вперед, заглядывал мне в глаза — идем дальше? Идем! И тогда он бросался в сторону, задрав ногу, ставил метку у очередного заборчика, иногда оттуда раздавалось возмущенное «гав-гав», на что пудель незамедлительно отвечал: «От такого слышу!» Много ли собаке надо для полного блаженства? Вынюхать чужие секреты и облаять дальнего соседа...

Мы шли так, как нас вело шоссе, а оно куда-то загибалось, поднималось и опускалось. По бокам, на равном расстоянии друг от друга, стояли аккуратные нарядные двухэтажные коттеджи, перед каждым на расчищенной от снега площадке — одна или две машины. Над дверью дома — баскетбольное кольцо.

Вот она, типичная провинция, не ведающая, что такое преступность и сабвей. Средняя Америка для среднего американца, вызывающая бешеную зависть у всего прогрессивного человечества! Впрочем, похожие дома я видел в двадцати километрах от столицы прогрессивного человечества: между знаменитой Баковской фабрикой презервативов и писательскими дачами

в Переделкине — в густом сосновом лесу вдоль шоссе с «кирпичами» спрятался поселок с генеральскими дачами. Примерно то же самое по жилплощади и архитектуре (о внутреннем комфорте не берусь судить — меня туда не пускали). Но дачи были огорожены высокими, глухими заборами, с колючей проволокой наверху. Из-под ворот рывкал, злобно выл могучий зверь. При звуке шагов открывались смотровые окошечки в воротах, и вас провожал бесстрастный взгляд солдата-охранника.

Справедливости ради надо отметить, что шоссе там было в идеальном состоянии, снег всегда тщательно соскребался, в гололед посыпался песок.

А здесь? Каша под ногами, и ботинки давно промокли. За полтора часа прогулки я встретил пятнадцать машин (вежливо притормаживающих, чтобы не обдать грязью) и ни одного прохожего.

Когда мы вернулись, я спросил у Хозяйки, куда ведет эта дорога?

— Понятия не имею. Чтобы ехать в город, я всегда сворачиваю направо.

— Но пешком ты иногда ходишь? В хорошую погоду?

— Пешком? У меня нет времени.

А потом мы заперлись в кабинете. Хозяйка выключила телефон.

Еще в Париже свою командировку я составил так, чтобы между работой в нью-йоркском и вашингтонском бюро завернуть на уик-энд в Анн-Арбор. В Нью-Йорке специально взял магнитофон, техники мне его провели и зарядили, чтобы записать интервью для Радио с Хозяйкой. Вот, собственно, почему я сюда и приехал.

А вы думали — за чем?

Это интервью я считаю чрезвычайно важным. В России должны знать, что лучшее русское издатель-

ство за границей, несмотря на смерть Хозяина, продолжает жить и работать.

Правда, для этого было совсем не обязательно посылать парижского корреспондента — из Нью-Йорка до Анн-Арбора ближе и дешевле. Также не очень понятно, почему мне в Нью-Йорке пришлось набирать новых авторов.

Стоп. За что я себя презираю, так это за то, что в последнее время мне начинает нравиться моя чиновничья должность и все сопутствующие ей атрибуты. Я доволен, когда человек соглашается выступить по Радио лишь при условии, что я буду вести с ним интервью. Гораздо хуже другое: события в Москве меня уже меньше волнуют, чем интриги в нашей конторе. Конечно, я с охотой комментирую смену главного редактора в московском журнале, однако, увы, меня больше занимает очередной идиотизм нашего очередного американского шефа. А вот с ними не соскучишься. В нашей конторе постоянный открытый конкурс для начальственных идиотов со всей Америки.

Но при чем здесь я?

Ведь в России я был писателем и в эмиграцию уехал, чтобы писать свои книги!

Вот передо мной возникает типичная рожа московского редактора, уголки рта опущены, в глазах скука. Редактор знает, что наделен безграничной властью, как римский кесарь, поэтому он не говорит, а изрекает: «Зачем же вы так? Почему ваши герои видят только помойку советской жизни? Это мы снимем, это зачеркнем. А вот так не бывает. Если бывает, то нетипично. Вы можете со мной спорить, но ваши аргументы меня не убедят».

Другой редактор, редактор-умница, редактор-друг: «Старик, куда это тебя занесло? Эх как закрутил! Я-то понимаю, на что ты намекаешь. Давай ослабим. Хорошо, снимем не абзац, а пол-абзаца. Кто надо — догадается, зато наш главный пропустит. Иначе он обязательно споткнется на этом месте, и полетит вся сцена. Я же хочу, как лучше! Старичок, в конце концов, тебе решать: или я пробиваю книгу, или забирай рукопись и держи ее в столе».

И так продолжалось двадцать лет. Мои книги выходили в свет инвалидами — то без руки, то без ноги, то

с набрюшником дополнительных страниц и ненужных разъяснений.

Я должен был уезжать. Иначе оказался бы в тюрьме. Да не по высоким политическим мотивам, а за обыкновенное убийство: нервы мои уже не выдерживали, и редактора моей следующей книги я бы удушил голыми руками.

На Западе свобода, бля, свобода и нет московских редакторов. И нет моих читателей. Западного человека интересуют свои проблемы, и мне их не понять. К тому же переводчикам платят так мало, что, люди добрые, подавайте им милостыню на улице!

Чтоб не зависеть от эмигрантских партий и шаек, я взял на плечо магнитофон и выучился профессии радиожурналиста.

В Москве мне тоже приходилось служить в редакциях. Но в обществе победившего социализма другой ритм работы. Я возвращался домой и вкалывал до полуночи над собственной рукописью.

— Сколько ты пишешь статей в месяц? — спросил я своего бывшего коллегу, приехавшего в Париж в командировку.

— Одну, ну и, сам знаешь, надо подготовить еще авторскую, то есть написать за какого-нибудь чайника.

— А я обязан сделать три в неделю, и все считают, что у меня привилегированное положение.

Радио — бездонная бочка! Давай, давай! Чем больше — тем лучше. Главное — информация. Но информация состоит из слов, а я привык складывать слова, как домино (если получается). Поэтому мне тяжело дается каждая фраза, я чувствую — она не точна, да просто плохо написана. Однако корреспонденция должна пойти в эфир вовремя — в Москве арестовали, французский президент принял, открылась выставка, укусила жучка собачку...

Какой же я к черту писатель! Последнюю книгу закончил два года назад, и никто не знает, когда смогу начать новую...

С работы прихожу с тупой, гудящей головой, и потом, граждане, мне уже не тридцать.

В прошлый уик-энд я выступал в Чикаго. Выступление организовал хитрожопый малый, книжный

жучок, назовем его товарищ Волк. Довлатов предупредал:

— Не связывайтесь с ним, этот человек удавится за доллар, он ни разу не купил на улице гамбургер.

— Сережа,— возражал я,— вы плохо думаете о людях. Он встретил меня на аэродроме, потратился на бензин и пригласил в «Макдональд».

— Позор,— кричал Довлатов,— русского писателя кормить в ресторане фаст-фуд!

В вестибюле Чикагского еврейского центра товарищ Волк ловко и быстро разложил книги, завел магнитофон с пленкой шлягеров Брайтон-Бича: «Ах, как люблю я мои денежки!», «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой» и т. п.

— Книги они не любят,— объяснял мне товарищ Волк.— Вся надежда на кассеты. Может, окуплю расходы на дорогу.

Он не ожидал, что придет столько народу. Книжный прилавок пустел на глазах, а магнитофон выключили за ненадобностью.

В зале искали свободные места. В вестибюле остался лишь товарищ Волк.

Мне было странно встретить здесь своих читателей — бывших ленинградцев и одесситов — на другом континенте, в стране, где все говорят на непонятном мне языке. Мне было стыдно, что они платили за входные билеты, в принципе, я бы им должен оплачивать — спасибо, дорогие, что пришли, спасибо, что помните! И приятно было убедиться, что, несмотря на обилие эмигрантской литературы, они по-прежнему предпочитают книги Аксенова, Войновича, Владимова, Некрасова, а из новых — оценили Довлатова.

Я опять почувствовал себя писателем, будто выступал перед родной московской аудиторией. Я говорил до тех пор, пока администрация не стала гасить свет и гнать публику из зала.

Чикаго мне дал хороший заряд бодрости, тем более что на следующий день я успел кое-что увидеть в городе.

Однако, согласно статистике, в Чикаго одних только гангстеров намного больше, чем моих читателей.

— Ну как вам Чикаго? — спросил я у товарища Волка, когда в иллюминаторе появились огни ночного Нью-Йорка.

— Потрясающе! Здесь мы живем как мудаки и платим за гамбургер по доллару семьдесят пять. А там их продают за доллар сорок!

В Москве мне представлялось, что это издательство хоть и маленькое, но все же двухэтажный особняк: у дверей вахтер (не мрачный отставной милиционер, а веселый студент — потягивает виски, читает Фолкнера и Достоевского); на первом этаже крутятся печатные машины, наборщики подгоняют свинцовый шрифт металлическими линейками (как в типографии «Московской правды»); на втором этаже — редакция, корректоры, экспедиция, бухгалтерия, у каждого редактора отдельная комната; большой кабинет директора — в данном случае Хозяина, он же главный редактор; в приемной секретарша непрерывно говорит по телефону. Короче, в штате как минимум человек двадцать — по советским понятиям явный недобор, но по западным вполне нормально.

...Мы спустились в подвал. Похоже на книжный склад. Просторно. Лампы дневного света. Несколько столиков с гранками и корректурой. Шкаф с рукописями. Две современные наборные машины. Новая машина, последний крик техники, которая сама набирает, читая с листа, — но пока не работает, что-то не налажено.

— Так сколько у тебя народу?

— Четыре человека плюс один студент, временный, проходит практику. Ну и я. Тираж мы печатаем в городской типографии.

— И все счета на тебе?

— Конечно. Правда, в последний день месяца приглашаю бухгалтера, помогает подвести итог.

...И еще много технических подробностей.

— Ну, — сказал я, — у тебя нагрузка, как у председателя колхоза. Хозяйство большое и механизированное. С утра в поле.

Сравнение с колхозом ей почему-то не понравилось.

В Париже они всегда останавливались в «Рице» или «Интерконтинентале». Я полагал, что это вопрос престижа: у них были встречи с французскими издателями, и те совсем по-другому смотрели бы на американцев, проживающих в отеле «две звездочки», — это бы отразилось на деловых переговорах. Но если в Анн-Арборе такая зима, если здесь неделями такой туман, что кажется, будто тебя отрезали от остального мира, то, попав в европейскую столицу, хочется позволить себе сияющий иллюминаторами отель и почтительных швейцаров.

В сорок пять лет — самый расцвет в жизни мужчины — он узнал, что смертельно болен.

Два года отчаянной борьбы. Сверхинтенсивные курсы лечения. И он продолжал работать, как будто впереди еще три спокойных десятилетия.

Я решительно отказываюсь, что называется, «вживаться в образ» и пытаюсь проникнуть в мысли человека, который по неделям, по дням, по часам приближается к неизбежности и сознает, что оставляет любимое дело, молодую жену и маленькую дочку.

Видимо, по недостатку воображения мне этого не понять.

Последний раз, когда они были в Париже, мы сидели в маленьком ресторанчике на левом берегу и обсуждали издательские планы на следующую пятилетку. Внешне Хозяин сильно сдал, похудел, однако, по обыкновению, не переставал шутить. По традиции (уже ранее указанной мною) разговор перешел на баб, тем более что я люблю повторять фразу Алешковского: «Баб не видел я года четыре», и так часто, что ее уже приписывают мне. Кстати, сейчас в моем исполнении эта фраза звучит как явное хвастовство. Всего четыре года?

— И вообще, пора пойти к бабам, — сказал я, — сил нет терпеть.

— Что ж, давай пойдём.

Я опешил. Хозяин говорил серьезно. Он был готов.

— Идите, — сказала Хозяйка. — Потом примешь ванну и объяснишь мне, как тебя продезинфицировать.

Заметя мою растерянность, Хозяин несколько смущенно добавил:

— Боюсь, что другой возможности у меня больше не будет.

Не думаю, что Хозяин надеялся получить от парижских девок нечто такое, чего ему не хватало в красавице жене. Может, важен был поступок. Какая-то эскапада. Баловство. Почувствовать себя здоровым. Как все.

— Перестань! — закричал я. — Вот снова приедешь в Париж, и тогда обязательно пойдём! Обещаю! К этому дню я поставлю на площади Пигаль первую сборную.

Нет, повторяю, мне не понять психологию человека, который знает, что для него все кончено. Я живу во власти иллюзии, будто каждому остается сто лет. Когда придет мой час, тогда поговорим. Если успеем.

А пока я хочу только спросить — за что ему так?

Я бы делил людей на два вида: на собак и на кошек. Я из породы собак, мне не сидится на месте, мне надо обегать как можно больше пространства. Хозяйка же явная кошка, ей хорошо, когда она свернется где-нибудь в углу.

Мои попытки вытянуть ее в город ни к чему не привели, то есть мы в конце концов приехали в Анн-Арбор, но ровно за десять минут до назначенной встречи в ресторане с ее командой.

Мы все же прошли по улице метров двести, и, наверно, Хозяйка посчитала это грандиозным подвигом. Я то надеялся покрутить по центру хотя бы час...

Зато в ресторане она в своей стихии, потягивается и мурлычет. И команда у нее очень симпатичная, «коллектив небольшой, но пьющий» (из какой-то стенгазеты). Я этих ребят знал только по голосам, с каждым (и с каждой) говорил по телефону, когда названивал из Парижа или Нью-Йорка.

Для категории старых пердунов, к коей я принадлежу, новая компания — находка! Все твои глупости и древние байки здесь принимаются с неподдельным интересом. И ты сам, пораженный, что это все еще кого-то интересует, прибавляешь обороты. Хозяйка тоже довольна: зануда гость, оказывается, может развеселить публику.

— Тебе надо написать книгу про Московский Дом литераторов. Это будет замечательная вещь. Сразу издаю.

Я обещаю, но знаю, что не напишу. Пока мне еще

очень близки мои друзья (многие уже недруги, даже идеологические противники — если применять штампы советской пропаганды), с которыми выпил по ящику водки.

А мне хочется ей сказать, что она очень красивая баба, что это для нее я выкладываюсь, что давно у меня не было такого состояния (влюбленности, что ли?), но в то же время я предчувствую — такой она больше не будет. Через год я ее увижу, и уже что-то изменится. Ее пик пройден. Скольких женщин я наблюдал в их звездный час! А потом, причем, увы, в довольно короткий срок, куда это все девается? Природа особенно жестока к женщинам. Мужик может быть полжизни старым и лысым — никого это не волнует, что-то свое он продолжает получать. А женщина сегодня чудо, сегодня блистает (глагол этот беру у классической литературы, классики в бабах разбирались), завтра же вдруг гаснет. И все. Начинается проза, остается милый человек со многими завлекательными женскими качествами, но чудо кончилось, блеск пропал. Чувствуют ли сами бабы, что проходят свой звездный час?

— А теперь признайтесь,— это я обращаюсь к ее команде,— лютует Хозяйка? Пьет кровь стаканами из рабочего класса?

Видимо, чем-то эта фраза ее задевает. Во всяком случае, после ресторана она меня в свою машину не сажает.

Меня везут на другой, и я уже привык к тому, что в Анн-Арборе туман на привязи. Вечером веревочку отпускают. Мы пробираемся к дому в египетской тьме, замешенной на манной каше.

Хозяйка рассеянна и со мной холодна. Как провинившийся пес, заползаю в свою комнату.

А ночью мне снятся Путаки! О Господи!

Утро было повторением предыдущего, с той лишь разницей, что на прогулку я отправился один. Почему пудель за мной не последовал, он мне не сообщил. Туман опять аккуратно приподняли метров на восемь. Я топал часа два и встретил по дороге четыре машины, двух собак и одного рыжего кота. Люди, ау! («Карнавальная ночь», реплика актера Филиппова).

Когда я вернулся, в доме царила воскресная суэта.

К тому же проснулся телефон. Известно, что на воскресенье всегда набирается масса дел. В чем они конкретно состояли, мне трудно судить, но внешне все выразилось в кругах. Хозяйка бодрым, спортивным шагом пересекала центральный холл, скрывалась в какой-то комнате, потом неожиданно появлялась с другой стороны, проваливалась в подвал, где контора, и я ждал, когда она вынырнет на поверхность,— глядь, Хозяйка спускается со второго этажа по лестнице. За Хозяйкой, не отставая, шла девочка, за девочкой — пудель, за пуделем — кот. И ни разу этот порядок не нарушился. Я насчитал кругов двадцать, пока не сбился со счета. Иногда Хозяйка притормаживала — около телефона или около меня. У нас возникал короткий диалог, но часто ответ на свой вопрос я получал со следующего круга, причем тон менялся: в подвал Хозяйка спускалась ангелом, одарив меня с порога обольстительной улыбкой,— через пять минут пикировала со второго этажа разъяренным коршуном.

— ...Я не повезу тебя на могилу. Это все ваши русские языческие глупости. Он у меня в сердце, и мне этого достаточно.

— Но в Нью-Йорк на конференцию, ему посвященную, ты поедешь?

— В светских спектаклях не участвую.

... — Как ты не понимаешь, что когда подаешь мне шубу, а в дверях пропускаешь вперед, ты меня унижаешь! У нас в Америке принято, что женщины такие же самостоятельные, как мужчины.

... — Повтори еще раз это слово. Не аген, а эген. Тебе надо каждый день запоминать несколько английских слов. Ты просто ленишься.

... — Ты лучше, чем кто-нибудь, можешь написать роман об эмиграции. Пусть будет скандал. Ведь ты сдаешь свои позиции одного из лидеров литературы. Тебя постепенно забывают.

— Для эмигрантского скандально-модернового романа нужны три компонента: микроскоп, чья-то жопа и Лимонов.

— Надеюсь, от подробностей ты меня избавишь?

— Рассказываю лишь технологию: микроскоп вставляется... Лимонов припадает к окуляру и диктует по вдохновению.

Однако были ли услышаны мои перлы? Процессия уже продефилировала, и в дальней двери исчезает хвостик кота.

Как мы и договорились вчера вечером, за мной приезжает редактор моей книги Рейчел со своим мужем. Они везут меня в город, показывают достопримечательности Анн-Арбора и в первую очередь Мичиганский университет. Позже мы заворачиваем в единственное открытое по воскресеньям молодежное кафе. Это магазин, где продают салат, сахар, соленые огурцы и кока-колу, а заодно и подают горячие блюда и кофе на несколько столиков, к которым сегодня не пробиться. Мои спутники смущены:

— Извините, конечно, это не как в Париже.

Неужели я выгляжу столичной штучкой?

— Ребята, если не поздно, давайте поедem на кладбище.

Мне уже знакомы, увы, американские кладбища. Это как поля для гольфа, но вместо лунок — маленькие каменные плиты. А тут все под снегом, правда, иногда в проталинах что-то можно различить.

Мы ищем могилу Хозяина. Полчаса мы кружим в радиусе пятидесяти метров. Ребята уверяют, что могила должна быть здесь. Тем временем, как по команде, вместе с вечерними сумерками спускают туман.

Могилу мы не нашли.

Это мой последний вечер в Анн-Арборе. Я сижу наверху в комнате Хозяйки. Это нечто среднее между спальней и кабинетом. Хозяйка полулежит на постели, небрежно и эффектно выставив колени, и вычитывает гранки. Я просто читаю да посматриваю в ее сторону.

— Сколько ошибок! — периодически восклицает Хозяйка. — Больше я им не пошлю ни одной рукописи.

Я сочувственно поддакиваю. Теперь мне стали ясны

странности ее распорядка: если днем крутишься в суете, то работать приходится вечером и ночью, особенно когда поставила себе целью всех и все проверять. Правда, на вопрос: является ли проверка всего самоцелью или необходимостью в частном бизнесе? — я ответить не могу.

Потом, видимо, наступает пауза в работе, и Хозяйка спрашивает тем же капризным тоном, как тогда, в парижской гостинице, растягивая слова:

— Ну расскажи, где ты сегодня был?

Я рассказываю.

— А где ты утром гулял?

— По тому же кругу. Дорога, которая идет налево, к тем белым домам на горке, в конце концов делает круг.

— Не может быть!

Клянусь, первый раз она на меня смотрит с некоторой почтительностью. Кажется, я открыл ей Америку. Попытаемся развить успех.

— А вообще ты как барыня. Тебя надо развлекать байками, чтобы не заскучала.

— Почему же? Я и сама очень люблю поговорить. Особенно когда внизу... Но тебе этого никогда не узнать.

— Хамишь старому человеку?

— Не хамлю, а защищаюсь. Я же одинокая женщина. У меня теперь нет защитника.

Снова она уткнулась в гранки, а я — в книгу, но в комнате возникло напряжение электрического поля.

Интересно, в американских домах перегорают когда-нибудь пробки? Очень бы кстати сейчас было короткое замыкание.

Вдруг Хозяйка откладывает страницы. Прислушивается.

— Она не заснула. Слышишь, она плачет?

Я ничего не слышу.

— Ну как же, она плачет! Подожди, я спущусь к ней.

Хозяйка уходит. Я закрываю глаза. Короткое замыкание произошло, но... в моей голове. Выскочил какой-то предохранитель, и теперь начинается — в который раз — мое сумасшествие, мое наваждение. Теперь я слышу. Я слышу голос моей маленькой девочки, моей младшей дочери, которая живет в Москве и которой

я никогда не видел. Но это не тот веселый, чуть картавый голосок, каким она говорит со мной по телефону: «Здравствуй, мой бедненький папочка!» Нет, я слышу ее плач. Ее, наверно, бьют (кто? почему? не знаю), бьют жестоко, и она не плачет жалобно — она кричит как звереныш, наивно надеясь, что те, кто бьет, испугаются ее крика, убегут. Ее плач то глуше, то поднимается пронзительно и отчаянно. Она зовет меня, и я должен быть там, разметать в диком порыве ярости этих извергов или просто заслонить ее своим телом, пусть удары сыплются на меня, но только ее не трогайте, сволочи!

Что же мне делать? Биться головой об стенку? Если бы это помогло... Я должен быть там, но как мне перемахнуть через тысячи километров и, главное, через государственную границу моей родины, через ряды колючей проволоки, за которыми сурово бдят краснощечные ребята в зеленой форме, с «калашниковыми» наперевес?

— Учтите, вы никогда не вернетесь на родину, — сказал мне молодой чиновник ОВИРа, сразу ставший наглым и высокомерным, когда увидел мои эмиграционные бумаги. А ведь сначала, еще не зная, зачем я пришел, он, услышав мою фамилию, на секунду напрягся и с почтением спросил: «Вы... однофамилец? А, вы тот самый. Да, я читал».

Когда Хозяйка вышла из комнаты девочки, она неожиданно обнаружила своего гостя на кухне. Гость довольно развязно потребовал бутылку виски и сказал, что закусь он сам найдет в холодильнике, и сказал, чтоб она не беспокоилась, ему и одному хорошо, и вообще, не надо возникать.

Хозяйка пожалала плечами и поднялась наверх. Как большой специалист в русской литературе, а значит, в психологии русской души, она поняла, что произошло: гость сообразил, что ничего у него с ней не получится, ничего ему не обломится, и решил надраться в одиночку. Она знала, что с русскими так бывает.

Мой самолет в Вашингтон улетал в пять вечера. Поэтому утро я спокойно провел с ребятами в конторе, наблюдал, как проходит рабочий день в издательстве.

После двенадцати в подвал заглянула Хозяйка, энергичная и озабоченная. Несколько ценных указаний сотрудникам, и потом мне, тоном не допускающим возражений:

— Мы сейчас поедem в город.

— Зачем???

— Твоя жена не поймет, если я не куплю ей подарок.

Я пытался объяснить, что у меня дома не ждут никакого подарка. Бессмысленно. Однако, в конце концов, почему бы не прошвырнуться по улицам?

На одном углу Хозяйка притормозила.

— Вот кладбище. Вы же не нашли... Если хочешь...

Куда подевалась уверенность в ее голосе?

— Да, я хочу.

Я следовал за Хозяйкой, а она шла прямо и четко, словно ее вела стрелка компаса.

Через минуту мы у могилы. Каменная плита чиста от снега. Странно, как мы вчера ее не нашли? Крутились же рядом...

У Хозяйки отчужденное лицо, но мне кажется, что если она когда-нибудь действительно чувствует себя одинокой и незащищенной, то именно здесь и в момент, когда сюда приходит кто-то посторонний.

— Спасибо,— говорю я,— а теперь можешь отвернуться. Это наши с ним, русские дела.

И я опускаюсь на колени.

В Вашингтоне у меня выдались два или три свободных вечера, и тогда я всласть мерил ногами мостовые города. Верный указанию Аксенова — не заходить дальше 14-й стрит (негритянский район!), — я заворачивал на улицу, где советское посольство, далее огибал Белый дом и потом по Пенсильвания-авеню чесал до Джорджтауна. Станный все-таки этот столичный град! Днем бурлит, а после восьми вечера вымирает. У ресторанов еще можно встретить кого-то, а так впечатление, что объявлена воздушная тревога. Слышишь даже звук своих шагов. «По темным улицам Кронштадта»...

Потом я возвращался в гостиницу и заказывал ужин

к себе в номер. В ресторан не спускался, мне было и так хорошо.

Не знаю, как для кого, а для меня эмиграция связана с дефицитом времени, и в первую очередь времени, которое я могу проводить в одиночестве.

Для писателя важно иногда отстраниться от всего и от всех (Браво! Истина на уровне «Волга впадает в Каспийское море». Даже ниже) хотя бы для того, чтобы задать себе несколько глупых вопросов. В том числе и этот: зачем меня сюда принесло?

Я вспомнил свои поездки по Союзу и первую командировку в город Бийск на Алтае. Тогда я жил в общежитии со строительными рабочими, в комнате на шесть человек. Сейчас в моем номере можно было бы разместить шестнадцать. Огромный номер в шикарной гостинице, хоть катайся по нему на велосипеде. Однако что из этого следует? Я стал счастливее, что ли? В Бийске, тридцать лет назад, я был легок на общение, предприимчив и полон грандиозных планов. Зато теперь пришло спокойствие — что-то в этой жизни я успел сделать. Стоит ли одно другого? Не знаю. Меняю шило на мыло.

Но, вероятно, надо, чтоб тебя куда-то несло, а не только шагать в выверенном направлении, иначе... И т. д. И т. п. Мелкая философия на высоте четвертого этажа гостиницы.

Несколько раз я звонил в Анн-Арбор. У Хозяйки и в мыслях не было приезжать в Вашингтон. Действительно, зачем?

И в аэропорт Детройта отвезла меня не она, а ее Первый Помощник.

Провожать меня вышли девочка, пудель и кот. Впрочем, не успел я еще сесть в машину, как пудель с лаем умчался под горку. Кот затаился в боевой позе, заметив соскочившую с дерева белку. А девочка...

У меня кольнуло в сердце от жалости. (Цитата из всей литературы, включая букварь.) Каюсь, признаюсь — все эти дни у меня к ней была злая ревность, ибо я ставил на ее место свою маленькую дочь. Но как я мог завидовать ей, как я мог думать, что ей лучше? Ведь моя дочка, может быть, когда-нибудь (во всяком

случае, пока есть теоретический шанс) увидит своего отца, а эта девочка — уже никогда.

...А девочка в полном и благом неведении, кто и что про нее думает, вдруг запела какую-то песенку и начала прыгать, радуясь пробившемуся наконец сквозь туман солнцу, засверкавшему снегу, простору, птицам, белкам, прекрасному дню — прямо картинка с рекламной открытки благополучной и беспечной Америки.

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

Примерно за год до ЭТОГО
и почти до самого конца

Говоров, конечно, работал. Он приезжал туда каждую пятницу к двум часам дня. Сначала надо было оформлять какие-то бумаги в приемной, потом и эта процедура отпала, ибо администрация ушла в глухую бессрочную забастовку. (Говоров бесился: он не может нигде и никак устроиться, а тут люди бастуют уже несколько месяцев, и над ними ничего не каплет, никакой черт им не страшен!) Так вот, Говоров проходил прямо в зал, разгороженный на квадраты высокими перегородками, искал глазами Карин, делал ей знак рукой, она с улыбкой спешила ему навстречу — блеклая, востроносая, но очень милая студентка в белом халате (белая мышь), — они уединялись в одной из квадратных клеток и после, увы, обычно долгих приготовлений Карин усаживала его в кресло, точнее — укладывала, так как спинка кресла опускалась. В этом кресле он лежал три-четыре часа, не вставая, и иногда, если закрыть глаза, было даже приятно... Девичий локон касался его лба, тонкие пальцы осторожно трогают его губы. «Не закрывайте рот», — воркует Карин, он чувствует близкое дыхание юной женщины, старается совершенно расслабиться, и какие-то заманчивые воспоминания из далекого прошлого... «Как честный человек, — думал Говоров, — я должен бы на ней жениться: никогда ни с одной бабой я не проводил столько времени, можно сказать, рот в рот». И вдруг, как удар тока, сверлящая боль! Говоров не мог сдержать стоны, Карин извинялась: «Я задела нерв», или:

«Я достала иголкой десну», или: «У меня сорвались щипцы».

Говоров «работал» манекеном, живым станком, подопытным кроликом в зубной школе при госпитале парижского предместья, и белая мышка Карин старательно оттачивала на Говорове сложные и кропотливые приемы ремесла.

Всю жизнь Говоров мучился с зубами. Но незадолго до эмиграции ему поставили протезы из нержавеющей стали в литфондовской поликлинике. Говоров прибыл на Запад, как хорошо отремонтированный советский танк — «гремя огнем, сверкая блеском стали». Как вы правильно догадались, ничто не вечно под луной. Литфондовская броня отказала — правильно вы догадались — почти сразу после увольнения. Знакомый дантист — правильно вы догадались — развел руками: «Надо менять все мосты у меня это очень дорого у вас нет таких денег знаю вашу ситуацию дам направление в госпиталь, там все значительно дешевле».

И верно, в госпитале Говоров платил сущие гроши, а когда администрация ушла в глухую несознанку, Карин вообще стала возиться с ним бесплатно. (Ей-то было все равно, никаких денег она и так не получала, для нее важна была практика.) Говоров внес в кассу социального обеспечения только половину стоимости протезов (которых так и не дождался — но тут уж его вина). Правда, Карин, увлекшись, спилила ему два зуба, выбила несколько пломб, поломала верхний мост — а на что Говоров рассчитывал, на санаторий? Он попал в то место, где именно на ошибках учатся! Если Карин что-то удавалось, то наступал черед ошибаться преподавателю, которому Карин, как на экзамене, сдавала работу — полузалеченный зуб Говорова. То, что Карин так тщательно утрамбовывала, преподаватель расковыривал недрогнувшей рукой. Тогда обращались к Профессору, который в аварийных ситуациях спасал положение. Но Профессор появлялся, как красное солнышко, был нарасхват. За ним студенты буквально охотились, чтоб ухватить за край халата и притащить к своим пациентам. Профессор орудовал ловко, хотя не очень церемонился с подопытными кроликами. Карин делала все медленно, зато старалась не причинять лишнюю боль. Словом, Говоров пред-

почитал отдавать себя на растерзание белой мышке. А что ему еще оставалось?

— Пойди к нормальному дантисту! — умоляла Кира.

— На какие деньги? — отвечал Говоров. — По пятницам у меня хоть совесть спокойна: в поте лица за р а б а т ы в а ю себе новые зубы.

— Скажи, что у тебя просто роман с Карин, — вздыхала Кира.

Роман? Нет. Но какое-то понимание, сообщничество с Карин установилось. Например, по правилам госпиталя полагалось закрывать рот пациента синей пленкой. Для гигиены. За этим строго следила одна стерва-преподавательница, которую боялся даже Профессор. Говоров задыхался под пленкой, захлебывался. Стерва была неумолима: пусть пациент сдохнет, но порядок не нарушит. Когда же стерва отсутствовала, то Карин, облегчая Говорову существование, работала без пленки. А ведь рисковала получить плохую отметку. Короче, со скрипом (и зубовным скрежетом) дело продвигалось. Говоров носил временный протез и надеялся, что к декабрю каторга закончится, и тогда в знак благодарности он пригласит Карин в ресторан. Но Говорова добила не стерва-садистка, а общий любимчик Профессор.

... Пятый час Говоров полулежал в кресле, и от неудобной позы ныла спина. Однако момент был ответственный: после долгих ухищрений Карин удалось изловить Профессора, и теперь сам маэстро делал Говорову слепок верхней челюсти. Профессор священнодействовал в почтительном окружении студентов, попутно рассказывая своему помощнику, как он катался в горах на лыжах. И кого-то там выеб, кажется, свою ученицу...

— Застыло, не поддается! — театрально произнес Профессор, сильной рукой ломая Говорову рот. — Придется звать полицию. Оп-ля!

Громовой взрыв хохота. Говоров почувствовал, что у него ничего нет наверху.

— Это бывает, — комментировал Профессор, демонстрируя обществу розовый слепок, — вместе с временным мостом вышли старые протезы. Не волнуйтесь, месье, я вам все вставлю на место.

Цирковой номер на потеху публике. Говоров хотел

сползти с кресла, отряхнуться, сказать спасибо и гордо удалиться. В конце концов, он не клоун! Но как уйти? Без верхних зубов? От обиды и унижения закусить губу? Чем?

Профессор сдержал свое слово. Через полчаса все было в ажуре. Более того, маэстро даже извинился перед Говоровым.

Карин выглядела смущенной.

— Временный мост, на сколько его хватит? — спросил Говоров.

— На полгода. Разве вы не придете в следующую пятницу?

Не буду ей ничего объяснять, решил Говоров. Она старалась, она усердно вкалывала, на ее беду кролик дал слабину.

Говоров уже знал, что полгода — срок для него вполне достаточный.

VII

Примерно за десять лет до ЭТОГО

Говоров почувствовал, что ему становится все тяжелее общение с Самсоновым. Внешне все выглядело нормально: старые друзья, есть что вспомнить, плюс Говоров не позволял себе ни единого худого слова в адрес Самсонова — в их окружении всегда было много людей, которые «переносить горазды». Но когда выходил очередной номер «Вселенной», Говоров молча протягивал его Виктору Платоновичу, раскрыв журнал на той странице, где печаталась «колонка редактора».

— Ты думаешь, я не читал? — капризным голосом отвечал Вика. — Увы, читаю. По стилю — абсолютная копия газеты «Правда»: та же нетерпимость и поиски врагов. Это беда Левы. В сущности, он очень добрый человек, у него золотое сердце. Вот голова — злая. Попадает вожжа под хвост, и он лезет на стену.

Но Говоров знал, что лазанье на стенку — перманентное состояние Самсонова. «Каждое утро я просыпаюсь с одной мыслью, — признавался ему Самсонов, — ну какую подлянку мне сегодня кинут?» Почему-то так получалось, что последнее время Самсонов как бы ему исповедовался, хотя виделись они до-

вольно редко. Например, приезжает в Париж какой-то важный гость (от Сахаровых или от Солженицына), Самсонов считает, что они с Говоровым должны его встретить. Говоров везет Самсонова в аэропорт. Самолет запаздывает. Лева заводит разговор о политике: «Запад зажрался, избалован, потерял чувство опасности, при первой же угрозе со стороны Советского Союза спустит штаны и станет раком». Можно было соглашаться или не соглашаться с Самсоновым, но говорил он интересно, приводя в подкрепление своих тезисов конфиденциальную информацию из Вашингтона. Затем перебирались косточки ближайшего окружения Самсонова: «Они мне лижут жопу, потому что у меня деньги. Если Шпрингер прекратит дотацию и я не смогу платить им зарплату и гонорары, они разбегутся как крысы с тонущего корабля, предварительно облив меня помоями». Тут Говоров лишь сочувственно вздыхал. Он мог бы еще добавить, но зачем? Осторожно, очень осторожно Самсонов кидал пробный шар в Вику: «Конечно, мы с тобой его любим, его все любят, хорошо быть любимчиком, когда всем обещаешь, никому не отказываешь, отказывать авторам приходится мне, наживаю врагов, а В. П. ведет себя, как барин, и мало работает в журнале». — «Давай доживем до его лет, — возражал Говоров, — и посмотрим, сможем ли мы вообще работать? Я заставляю Вику вкалывать для Радио. Скрипт в неделю — для него большая нагрузка. Главное, ты будь спокоен — Вика всегда тебя поддерживает». Этот довод действовал, Самсонов менял тему и с удвоенной энергией накидывался на кого-то, который раньше печатался во «Вселенной», а теперь позволил себе критиковать журнал в американской печати, проданся, сука, левым профессорам!

«За что он меня так ненавидит, ведь я ему ничего хорошего не сделал!» Это была чья-то фраза, цитата, которую Самсонов взял на вооружение и не уставал повторять. Подразумевалось, что он, Лева Самсонов, как раз много сделал для этого типа, но ни один хороший поступок не остается безнаказанным, и вот в результате черная неблагодарность. Говоров понимал, что эти слова произносятся не случайно, служат предостережением и ему, мол, смотри, я тебе тоже помогал. Действительно, Самсонов помогал многим, но взамен требовал если не слепой преданности, то строгого следова-

ния за собой, шаг вправо, шаг влево (особенно влево) карался отлучением от церкви. Самсонов был обречен на постоянное разочарование в людях, ибо любой эмигрант-литератор на первых порах пребывает в состоянии полной растерянности. Лева Самсонов, протягивающий ему руку, кажется добрым ангелом, однако потом, оглядевшись и попривыкнув, эмигрант начинает жить по своему разумению, в конце концов, он выбрал свободу, и плевать ему на недовольство редактора «Вселенной». И Говоров жалел своего старого московского товарища Леву Самсонова и клялся себе, что уж он от Левы не отступит, но тут Самсонов заводился: КГБ, советская пресса, столичные братья писатели, немецкие социал-демократы, министры, конгрессмены, римский папа, президент США — все плетут заговор против «Вселенной» и лично против Самсонова. Евтушенко, Вознесенский, Синявский — агенты КГБ, Картер, Брандт, Гюнтер Грасс, Артур Миллер, Жан-Поль Сартр — суки, сволочи и мандавошки! А самый убудок и ничтожество, которого давно пора посадить в лагерь куда-нибудь под Пермь, чтоб заткнулся зековской пайкой и перестал обсирать западную демократию, — это, конечно, Генрих Белль, он, подонок, лишил Самсонова Нобелевской премии. Комитет в Стокгольме уже приготовился голосовать за Самсонова, но тут пришла телеграмма от Белля, дескать, Самсонов — антисемит. Представляешь себе, я антисемит? У меня половина авторов — евреи, меня в Израиле Бегин, премьер-министр, принимал, фотографию я же тебе показывал, а кролики из Комитета поверили Беллю, испугались и дали Нобеля этому бездарному жидяре из Бруклина, которого советская разведка еще до войны поймала на мальчиках!

Говоров видел, что это уж не Лева Самсонов вещает, это — болезнь, мания преследования, мания величия, но остановить поток брани было невозможно. У Говорова распухла голова, раскалывалась от боли, и тогда он решал, что последний раз едет куда-то с Самсоновым, им наедине лучше не оставаться, от следующего приглашения надо как-нибудь отбояриться. И отказывался под благовидным предлогом. А Самсонов сразу усекал, что Говоров его избегает, недаром он себя называл «человеком без кожи», изменения в отношениях моментально угадывал. И передали

Говорову, что Самсонов где-то обронил: «Андрей как сел в кресло на Радио — зазнался, нос от меня воротит».

Но иногда они еще находили общий язык.

В журнале «Иностранная литература» появилось интервью с Юрием Трифоновым. В обычной своей, мягкой, ироничной манере Трифонов рассказывал о своей поездке по скандинавским странам. И вдруг Говоров споткнулся на фразе: «Я очень рад, что в Швеции и Финляндии изданы книги Л. И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение». Надеюсь, они укрепят дружеские связи между нашими народами».

Говоров позвонил Самсонову:

— Лева, ты читал интервью...

Самсонов не дал закончить:

— Юрия Трифонова? Учу наизусть.

Говорова всегда поражала выборочная информированность Самсонова. Он мог начисто пропустить хороший роман в московском журнале и прочесть его значительно позже, под давлением Вики, прибавив: «Ну да, ничего, лучше, чем я ожидал». Но стоило кому-то из уважаемых советских писателей дать петуха, как о подобных происшествиях Самсонов узнавал мгновенно. Впрочем, возможно, чудо объяснялось тем, что у Левы был «наш человек в Гаване», то есть в отделе новостей Гамбурга, который четко знал, какого рода события в первую очередь интересуют редактора «Вселенной».

— Лева, по-моему, это прекрасная тема для очередной нашей беседы «Писатели у микрофона».

Самсонов сказал, что он сам собирался звонить Говорову, просто не хотел напрашиваться, давно пора рассказать, кто такой Трифонов, Сталинские премии никогда не присуждались даром, у Трифонова со времен «Студентов» рыльце в пуху, а теперешняя его жена — кагебешница, это всем известно, влияет на Трифонова в нужном направлении.

Говоров не стал спорить. Переубеждать Самсонова — занятие бессмысленное. В конце концов, у Говорова в запасе ножницы и Толя Шафранов, с которым они сядут и вырежут из беседы все самсоновские закидонны. Но главное, он надеялся, что к четвергу Лева остынет и будет говорить разумные вещи.

Так оно и получилось.

Самсонов начал с того, что очень любит Юрия Валентиновича, что «Студенты» для него были радостным открытием в эпоху сталинского безвременья, а потом

Трифонова произошел качественный скачок: «Обмен», «Предварительные итоги» и особенно «Дом на набережной». Трифонов, наверно, единственный прозаик в советской литературе, который пишет то, что думает. Тем горше, тем печальнее...

— Лев Иваныч,— как обычно, играя под наивного дурачка, вставил свою реплику Говоров,— может, мы в безопасном Париже оторвались от советской действительности? Нам-то просто отсюда призывать советских писателей к смелости и принципиальности. Может, сейчас такое положение, что не произнеси Трифонов проникновенных слов о нашем дорогом Леониде Ильиче, его бы арестовали или, не дай Бог, расстреляли? Ну хорошо, я утрирую. Но вдруг Юрию Валентиновичу пригрозили: мол, не скажешь о Брежневе, исключим из Союза писателей, отнимем дачу, выгоним из квартиры?

Нет, Андрей Петрович,— ответил Самсонов с очень доброй интонацией, которую только он один, когда хотел, мог придать своему голосу,— я абсолютно убежден: ни один волос не упал бы с головы Юрия Валентиновича, не те нынче времена. Более того, если бы Трифонов промолчал, ничего бы не помешало ему отправиться в следующий заграничный вояж со своей милой и очаровательной женой. Не будут сейчас ссориться с самым престижным на Западе советским писателем.

Тогда почему?— спросил Говоров.— Неужели Юрий Валентинович и впрямь высоко ценит литературные произведения Брежнева?

В наших спорах с Юрием Валентиновичем мы часто расходились в оценках,— усмехнулся Самсонов,— однако не настолько, чтобы я мог предположить, будто Трифонову изменил литературный вкус. Все проще, Андрей Петрович. Вся жизнь в нашей стране пронизана откровенным цинизмом. В обстановке, когда все кругом говорят не то, что думают, теряется чувство ответственности даже у лучших представителей нашей интеллигенции. И это — самое страшное...

Говоров был доволен. Беседа получилась. Хотел немедленно отправить ее в Гамбург, но Шафранов попро-

сил: дай, мол, почистить пленку, вырезать ваши «бэ-э-э» и «мэ-э-э». Правда, Говоров, в отличие от Самсонова, считал, что Трифонов произнес слова о книгах Леонида Ильича не по небрежности, нет, его очень попросили их произнести. Не заставили — заставить Трифонова сделать что-то против его воли было невозможно, — а уговорили. Видимо, новый роман Трифонова застрял в редакции, и друзья-болельщики, сочувствующая редакторша стали умолять: «Юрий Валентинович, упомяните, Христа ради, Брежнева — сразу роман сдвинется с мертвой точки. Роман-то важнее, его ждут миллионы читателей». И вот, чтоб роман увидел свет, пробормотал Трифонов несколько общих фраз. Но раз у Говорова нет конкретных доказательств своей версии, пусть прозвучит гипотеза Самсонова. В ней тоже много верного.

А потом появился печально знаменитый 25-й номер «Вселенной», в котором главный редактор журнала Лев Самсонов дал интервью своей сотруднице Фаине Путаке. Случай уникальный: за всю историю русской литературы ни один главный редактор с в о е интервью в с в о е м журнале не печатал. Заранее предупреждая возможную критику, Фаина в предисловии к интервью написала: «Нам не стыдно».

Высказывания Левы Самсонова читались с интересом. Особенно в тех местах, где он касался политики. Он был достаточно резок, однако чувствовалось: Лева себя контролирует, внимательно следит, чтобы его не заносило (не так, как в «аэродромных» откровениях с Говоровым). Когда же речь зашла о литературных симпатиях, то тут Самсонов кое-что себе напозволял. Например, стихи Краснопевцевой и Фаины Путаки ему нравятся, а вот песни Высоцкого он хоть и любит, но это не литература.

Ну и что? Вроде бы ничего страшного. Человек искренне так думает. Имеет право.

Но интервью Самсонова сопровождалось пространными комментариями Фаины, было подано как портрет писателя и крупного общественного деятеля. А в комментариях встречались такие перлы:

«Он — театр. Страшный театр. Потому что не просто достоверный, то бишь похожий, а переселившаяся,

воплотившаяся целыми кусками жизнь... Человек — батальное полотно: вот это всего точнее. И страшнее. Перед этим отступаешь.

А он,—с придыханием продолжала Фаина, имея в виду своего главного редактора,—баталия. Кулачный бой. И—небывалый, фантастический, марсианский. С дикой помесью видов оружия—от какого-нибудь сверхсовременного ультразвукового до дреколя. Он — бой и армия. Он — армия и солдат».

Но этого ей казалось мало, и тогда она добавляла еще:

«В нем сострадание так же остро, как и страдание. Живя в боли, как музыкант в музыке, как живут в доме, в одежде, в обращенном на тебя взгляде, он к чужой боли умеет прикоснуться с такой непонятно откуда берущейся, от живота, что ли, идущей деликатностью, с такой больничной, покойной, врачующей, легкой... Вот и собакевичев взгляд! Вот и мужская грубость! Ах ты, Господи, прости Ты нас, грешных, что же мы так глухи и слепы? Что же нам увидеть все недосуг?.. Батюшки-и-и, а глаза-то у його — сыни-и-и».

Говоров буквально сошел с ума.

Ладно, черт с ней, с Фаиной, хотя она баба способная, о театре и кино пишет профессионально, Говоров всегда ей заказывал рецензии, на этот раз — прокол, кликушество или завелась в истерике («идущей от живота»?), как заводятся женщины в момент оргазма, или это другое, вызов тем бедолагам, которые вынуждены лизать жопу начальства, краснея, задыхаясь от запаха, скороговоркой, штампованными фразами, всем своим видом показывая — дескать, не хочу, но положение обязывает, семья, дети — так вот, им демонстративно давался предметный урок: сначала объект промывается дорогими духами, подкладывается сафьяновая подушечка, высовывайте побольше язык, улыбайтесь, работать надо с вдохновением, нам не стыдно! Ладно, черт с ней, с Фаиной! Но Лева Самсонов — хоть кончил от восторга — не должен бы печать это в своем журнале! Когда «Вселенная» попадет в Москву (а попадет обязательно, в КГБ не такие идиоты, чтоб не закинуть пикантный материалчик в Союз писателей), там умрут со смеху. Вот, мол, до чего докатилась наша гордая и независимая эмиграция! У нас даже Анатолий Софронov и Михаил Алексеев — репутации хуже некуда —

однако такой подхалимаж в своих журналах публиковать не рискуют. Теперь все мы в говне. И как объяснить московским друзьям, что ни Говоров, ни В. П. здесь ни при чем? В глазах Москвы Самсонов, В. П., Говоров — одной веревочкой связаны. Выступить по Радио? Но на Радио закон: эмигрантской свары в эфир не выносить!

Как только Говоров прочел дуэт Путаки с Самсоновым, он сразу же набрал номер Вики. Галя скорбным голосом объяснила, что Вика утром раскрыл журнал, час матерился, клялся, что это интервью ему никто в редакции не показывал, даже в известность не поставили, и ускоренным темпом «отправился в Гонолулу». Позвони через неделю!

— Через неделю я буду в Вене. Посылают в командировку.

— А слевой ты не хочешь поговорить? — осторожно спросила Галя.

— О чем и как мне с ним теперь разговаривать?

* * *

Когда-то лихие наполеоновские офицеры и генералы, придя в Австрию с огнем и сталью, обворожили Вену своей галантностью. Французский язык стал модным. Вена охотно покорила парижскому шарму, как строгая сорокалетняя замужняя дама, которая вдруг с пылом отдается юному любовнику. Любовник давно ускакал искать геройской смерти на Бородинском поле или на холмах Ватерлоо, а дама все смотрит на портрет (усы, эполеты, расшитый мундир, сабля — полный порядок), вздыхает и платочком утирает краешек глаз. Потом ворвалась на танках советская армия и без всяких там пардонов по-солдатски изнасиловала Вену. Девять лет почти половина города принадлежала русским. А в результате? За что, спрашивается, мадам-месье и уважаемые товарищи, кровь проливали, если нынче ни одна собака в Вене по-французски и по-русски не гавкает? Конечно, хорошо порыскать по улицам, то, наверно, кто-то откликнется на родной фене, но время в командировке у Говорова было рассчитано по минутам. Из всех монументальных утюгов бывшей столицы империи Габсбургов он выбрал отель «Регина» именно потому, что там обнаружился портье-поляк, когда-то

учившийся в Москве, и старушенция-телефонистка, запомнившая из «Бель эпок» названия цифр по-французски. До «Регины» Говоров перепробовал несколько отелей, не шикарных, но классных (в пределах цен, оплачиваемых Радио). И всюду одно и то же, комнаты чистые, уютные, кровати — широченные (ностальгия по утерянным имперским пространствам в Венгрии и Чехословакии), мягкие ковры, ванные кубатурой с Азовское море — словом, все было заботливо приготовлено, чтоб клиент мог привести бабу и с ней поиграться! Но нигде ни намек на письменный стол! Даже магнитофон приходилось ставить на низкую шатную скамейку для чемоданов. Видимо, владельцы отелей и в мыслях не допускали, что в гостиничном номере клиенту надо будет работать!

Говоров прилетел в «Регину» брать первое интервью у советских эмигрантов. Пик эмиграции уже прошел, хотя в Вену ежемесячно прибывали сотни семей, выехавших из Союза по еврейской линии. Тех, кто направлялся прямо в Израиль, размещали в госпитале, охраняемом австрийской полицией. Никого из посторонних туда не пускали, боялись покушения палестинских террористов, но однажды, когда Говорову было очень нужно, он смог прорваться в госпиталь, совершив своего рода журналистский «скуп» (повезло: представитель израильской миссии оказался давним поклонником его книг), и записывал интервью в вестибюле, а за спиной Говорова дышал солдат в зеленой форме с автоматом наперевес.

Тех, кто не хотел ехать в Израиль (их становилось все больше и больше), поселяли в дрянных пансионатах и отелях, принадлежащих пани Бертине. Пани Бертина, полька, осевшая в Австрии после войны, хитрая ведьма (работавшая, по мнению Говорова, на КГБ, ЦРУ, Мосад, австрийцев и поляков и готовая продать все эти разведки японцам, если те предложат сто шиллингов), безбожно обирала своих неопытных постояльцев, сколотив на третьей эмиграции изрядный капитал. Те, кто не хотел ехать в Израиль, мечтали о Штатах и Канаде. Им казалось, что, добившись (наконец!) разрешения в ОВИРе, они преодолели главную преграду. Каково же было удивление и разочарование, когда люди понимали, что в Штатах и Канаде их не очень хотят. То есть начинался отбор, пересортица эмиграции. Одних —

квалифицированных специалистов — хотели, других выручали заокеанские родственники и знакомые, посылавшие им «гарант», а третьим предстояло болтаться долгое время в Италии в ожидании визы или отказа в визе. Американский еврейский фонд ХИАС отстеги-вал по три доллара в сутки на нос (в местной валюте), вызывал на собеседование, уговаривал, давил на психику, обещал райские кущи в Израиле. Блеск роскошных венских витрин ослеплял и будоражил, оптимистов вдохновлял, пессимистов приводил в уныние. Считали, пересчитывали каждый шиллинг, продавали за бесценок пани Бертине привезенную из Союза икру и водку, остальные отечественные драгоценности, пропущенные таможей (янтарные бусы, бинокль, фотоаппарат «Зоркий»), никто не покупал. Жили в тесноте, пани Бертина подселяла в комнаты к семейным одиноких молодых людей, ссорились на кухне из-за конфорок, у туалета возникали очереди. И вы, московский или ленинградский интеллигент, с ужасом понимали, что тупеете, опускаетесь и скоро, как ваши соседи из Ташкента, предпочтете посещение музеев с картинами Брейгеля игру в домино или в шашки в холле на первом этаже.

И вдруг пани Бертина осторожно скребется в вашу дверь и совершенно ей несвойственным почтительным голосом просит пройти в бюро, к телефону, ибо вам звонит корреспондент американского Радио Говоров.

И дальше отношение к вам сразу менялось, в вашу комнату уже никого не подселяли, через пару дней вас переводили из пансионата в гостиницу — пани Бертина быстро соображала, что, раз американский корреспондент прилетел специально ради вас из Парижа, значит, вы не самозванец и прохвост, а человек значительный, лучше с вами быть в мире и в дружбе. И в ХИАСе на очередном собеседовании вы замечали, что вас слушают внимательно, даже сочувственно.

Говоров находил своих подопечных через ХИАС. С Говоровым чиновники ХИАСа были откровенны: «Да, мы не любим этих эмигрантов. Отказники, идейные евреи едут в Израиль. Поверьте, в общем потоке мы различаем диссидентов и стоящих людей. Но их — единицы. Общий поток чудовищен, это погибшие души, вконец развращенные советской системой. Их волнуют только деньги, они и с нас стремятся урвать побольше. Они и здесь спекулируют, врут и пишат нам друг

на друга доносы. Мы работаем ради их детей, надемся, что дети станут настоящими американцами». На возражения Говорова следовали жалобы: «Они все надуваются. Мыльные пузыри. Хоть бы кто-нибудь из них признался, что в России чистил канализацию. Нет, все директора, доктора наук, знаменитости!» Говоров называл имя. Чиновник смотрел досье: «М-да, этот господин выделяется из общего потока. Он скромнен, чувствуется интеллект. И потом, раз вы в нем заинтересованы... Скажите, он действительно писатель?»

Феликс Штейн действительно был писателем. Правда, в Союзе ему удалось опубликовать лишь один свой рассказ в журнале «Юность». Но рассказ обратил на себя внимание. Его запомнили. Штейн писал сценарии, по ним снимались фильмы, однако, когда Говоров узнал, что Штейн в Вене, и позвонил в Гамбург главному редактору Фридману, Леня сказал: «Мне ничего объяснять не надо. Я читал его рассказ в «Юности». Будь спок, я растолкую американцам, кто такой Феликс Штейн».

Мистер Трак (новый директор Радио, сменивший Фрэнка Стаффа) решил, что ради одного Штейна посылать Говорова в Вену слишком накладно. Говорову поручили интервью с двумя диссидентами и еще кого найдут, по выбору. «Общий поток» Радио не интересовал, подавай людей известных! Говоров нашел в списках ХИАСа своего старого знакомого, московского художника, и ленинградского мима, артиста достаточно популярного в Союзе. Леня Фридман кандидатуру художника одобрил («Как же, сам бывал у него в мастерской»), а мима забраковал: «Мы не телевидение». Мим ужасно обиделся, как обиделись еще несколько человек, с которыми Говоров пересекся у пани Бертины и которые прозрачно намекали, что не только готовы, но были бы рады, если. Увы, для интервью на Радио они не тянули, «общий поток», и Говоров даже не стал их предлагать.

К художнику Говоров приехал в пансионат с тяжелой «Нагрой» на ремне через плечо (значительно позже Говоров понял, что может обходиться легким магнитофоном «Сони»), и в беседе участвовали жена и дочь художника (семейное трио понравилось в Гамбурге — новые формы работы), а сам художник через каждые пять минут повторял в микрофон: «И пусть

я умру здесь под забором...» «Не умрешь»,— сказал Говоров и пригласил на ужин все семейство в ресторан. В ресторане художник поначалу бледнел, глядя на цены в меню. Говоров его успокоил: «Однажды ты кормил меня в Доме архитекторов, теперь мой черед». Художник оживился, и все пошло как за московским столом, тем более что художник сообщил кучу новостей про общих знакомых, и Говоров внимательно слушал. Как бы между прочим художник осведомился, заплатят ли ему за. «Через десять дней из Гамбурга тебе переведут гонорар, в этом отношении Радио пунктуально».— «Сколько?» Говоров назвал сумму в немецких марках. Семейство застыло. «А сколько это будет в шиллингах?»— осторожно спросил художник. Говоров сказал.

Впоследствии художник, ставший парижской и нью-йоркской знаменитостью, любил вспоминать этот эпизод, приговаривая: «Твой приезд в Вену был для нас первым праздником на Западе. Я опять поверил в себя».

— Так вот,— втолковывал утром Говоров по телефону Феликсу Штейну,— если ты боишься запутаться с трамваями и метро, то мы поступим очень просто. Ты сейчас выходишь на улицу, садишься в такси, называешь адрес: отель «Регина»— и такси тебя привозит. Все. Не забудь взять у таксиста квитанцию. Сможешь? Ты знаешь немного немецкий? Молодец! У тебя преимущество передо мной, я в Вене как тургеневские Герасим и Муму— нечленораздельно мычу. За такси я тебе деньги сразу верну. Это не кутеж. Мне Радио оплачивает все транспортные расходы. Не забудь взять квитанцию.

Говоров встретил Феликса Штейна в вестибюле и предложил позавтракать в ресторане отеля. «Я не хочу»,— отважно сказал Штейн. «Хочешь»,— сказал Говоров.

Потом они поднялись в номер, Говоров сменил батареи в «Нагре» (он помнил, как в первую свою командировку в Вену не проверил магнитофон, одна беседа пошла в брак, поплыл звук) и записал часовое интервью со Штейном. Теперь вроде бы все дела были кончены и Говоров мог спокойно гулять по городу, созерцая венские архитектурные красоты. Однако для Гово-

рова работа лишь начиналась. Необходим был подробный разговор о каких-то вещах, которые не вошли в интервью, — последние сплетни, если хотите. Человек, неделю назад прибывший оттуда, невольно осторожничал перед микрофоном. О чем-то нельзя было сообщать, чтобы не навредить другим. Какие-то свои резкие замечания и оценки лучше было бы не запускать в эфир — себя скомпрометируешь. Благодаря таким доверительным беседам Говоров набирал уникальную информацию. В Гамбурге его коллеги тоже штудировали советские газеты и журналы, но у Говорова был прямой контакт. Поэтому в Гамбурге лишь в общих чертах представляли себе московскую жизнь, а Говоров «держал руку на пульсе».

И еще было важно объяснить собеседнику, что его тут ждет, выяснить и скорректировать его планы. Феликс Штейн стоял перед выбором — ехать ли ему в общем потоке в Америку или принять приглашение в Западный Берлин? Кажется, для него путь в Америку открыт, а в Германию трудно получить визу, но новые знакомые из партии «Орлов» обещали, что нелегально провезут Феликса с женой и ребенком через границу на машине. Говоров поморщился. «Феликс, мой тебе совет: не связывайся с «Орлами». Через границу они провезут, но ты попадешь в полную зависимость от партии. И если ты разочаруешь «Орлов», они сделают так, чтоб тебя выслали из Германии. Кто приглашает в Берлин? Академия? Контора серьезная, она добьется для тебя визы, не нервничай, жди. Берлинский вариант лучше Америки. Во-первых, ты знаешь немецкий, во-вторых, Западный Берлин жаждет стать культурным центром Европы, тебе дадут стипендию плюс немецкое социальное страхование. Насколько я понимаю, ты хочешь сидеть дома и писать книги, может, у тебя получится в Западном Берлине, а в Америке придется искать работу, это точно». Дальше поговорили об издании книг на Западе, о здешних гонорах. Надо ли просить аванс? Какой? Или скромно помалкивать в тряпочку? И как русские издательства... «О русских издательствах забудь,— сказал Говоров,— если сорвешь с них пятьсот франков, считай, крупно выиграл в лотерею». — «А сколько это — пятьсот франков?»

Мелкие житейские вопросы. Но кто на них ответит, если не Говоров?

И еще. Тут Феликс замялся.

— Вдруг ХИАС перестанет мне платить, когда узнает, что я собираюсь в Берлин? Деньги за интервью — приятный подарок, но их надолго не хватит. А я с женой, дочкой и котом. Кот, сволочь, тоже жратвы требует... Евреи шепчутся, мол, есть какой-то закрытый американский фонд доктора Фауста, там дают больше, чем в ХИАСе, но туда не попасть.

«Феликс прав,— подумал Говоров.— И как я раньше не сообразил?» Достал записную книжку, набрал номер по телефону и по-английски:

— Соедините меня, пожалуйста, с доктором Фаустом. Это Андрей Говоров из Парижа. Спасибо.

Штейн понял, кому он звонит, и смотрел на него так, будто он из кармана вытащил за уши трех кроликов. Чтоб сбить торжественность момента, Говоров пошутил:

— Кроме этого, я могу спросить по-английски: где кошка? Но это все.

С доктором Фаустом он объяснялся по-французски. Он никогда не видел доктора Фауста, все обещал забежать в его офис вместе пообедать. Но он знал, кто такой доктор Фауст, а доктор Фауст — кто такой Говоров. Если Говоров предлагал чью-то кандидатуру, доктор Фауст, как правило, не отказывал.

— Завтра в девять утра придешь по этому адресу.— Говоров протянул Феликсу бумажку.— Мне кажется, все будет в порядке.

Четыре кролика.

Они спустились в бар выпить кофе, Говоров продолжал учить Штейна уму-разуму, у него в запасе еще имелась пара кроликов, и вдруг Феликс спросил:

— А ты читал последнее интервью Левы Самсонова во «Вселенной»?

С насмешливым блеском в глазах преобразившийся Феликс Штейн (таким его Говоров помнил по Москве) достаточно язвительно высказал все, что думает об этом «литературном явлении». Нет, не все. Говоров догадывался, что последних уничтожающих слов Штейн не произнесет. А именно: «В Союзе у тебя и В. П. репутация смелых людей. Почему же вы не остановили Самсонова? Раз он ваш друг, то ему все можно? Или в эмиграции расцвело чинопочитание?» Просто из-за

элементарной вежливости не будет Феликс его тыкать носом в.

Говоров допил кофе, закурил (затягивая паузу), поднял на Штейна тяжелый взгляд (Феликс чуть стушевался, но не очень, приготовился к худшему) и сказал, проверяя действие своих слов:

— Тут возможна интрига. Фаина Путака решила подставить Лева. Так, чтоб от него все отвернулись. Мол, смотри, дорогой шеф, у тебя друзья лишь во «Вселенной». Жалко, что Лева проглотил наживку. (Это не довод!) Феликс, в эмиграции сплетни передаются мгновенно. Больше не выступай на эту тему. Тебе здесь жить. Будешь печататься во «Вселенной». Будешь! «Вселенная» — единственный журнал в эмиграции, где платят гонорар. У «Вселенной» еще сохранился престиж. Да, Лева совершил ошибку. Где гарантия, что ты не наломаешь дров на первых порах? (Кажется, Штейн вспомнил если не о жене и ребенке, то хотя бы о коте.) Обещаю тебе: все, о чем ты говорил, не уйдет в песок. Я напишу статью, передам ее по Радио, опубликую в Нью-Йорке в «Новом русском слове». Имен называть не буду, я здесь беседовал со многими людьми. Пусть догадываются. Пойми, меня интервью Самсонова задело больше, чем тебя. И я отвечу. Но не потому, что я самый храбрый и отчаянный. У меня сильная позиция. Я могу себе позволить такой риск. (Вот теперь Штейн поверил.) А ты не торопись влезать в эмигрантские свары. Успеешь.

Он простился со Штейном и с помощью гостиничной телефонистки из «Бель эпок» связался с Гамбургом. Пусть позвонят ему в номер в семь вечера, он передаст корреспонденцию о последних московских литературных новостях (самое важное из того, что рассказал ему Штейн). Когда он закончил читать корреспонденцию, трубку в гамбургской студии взял Леня Фридман. «Специально задержался, чтоб тебя послушать, очень интересный материал, спасибо за оперативность, через час пойдет в эфир».

Похвала от начальства всегда приятна, но Леня говорил из студии, на публику. Значит, у Фридмана свои соображения и планы...

Через час голос Говорова, посланный по кабелю в Испанию, поднятый оттуда мощной антенной на спутник связи, спустился на огромные российские про-

сторы, в клубящуюся тьму ночной метели. Родная земля встретила плотной радиозаглушкой, коктейлем из грохота отбойных молотков и визга электропилы. Молодые лейтенанты, глядя на прыгающие синусоиды на экране, с азартом крутили ручки приборов, преследовали и перекрывали убежавшую радиоволну. Но у каждой глушилки был определенный радиус действия, образовывались мертвые зоны, и тогда голос Говорова прорывался сквозь скрежет и вой. И во многих домах еще горел свет, оконные стекла подрагивали от порывов ветра, и люди, приникнув к приемнику, слушали репортаж Говорова из далекой Вены — если слушали, а не пили водку и не смотрели по телеку очередной матч по хоккею.

В это время сам Говоров стоял на узком тротуаре кривого переулка, напротив маленькой гостиницы «Турецкий медведь», и созерцал два окна на третьем этаже. Окна были плотно задраены шторами. Кто живет сейчас в этом номере? Не важно. Но именно в этом номере с тремя кроватями, шкафом и тумбочками (туалет и ванная в коридоре) прожил Говоров свой первый месяц в эмиграции. Что ж, Феликс Штейн начинает так же, как Говоров, правда, у Штейна, кроме жены и дочери, еще кот на иждивении, но ведь Денис в Вене был совсем крохотным! К великому счастью Говорова и Кыры, в цивилизованном мире обходились без ежедневной стирки пеленок. Юра фон Роден объяснил Говорову, что в любом магазине продаются специальные штанишки для младенцев, «куши». Вообще Юра фон Роден дал много полезных советов, плюс — деньги за интервью. Говоров ахнул, когда Юра вытащил из кармана и протянул ему 350 немецких марок. Они вкалывали целый день, Юра заряжал новые кассеты и заставлял переделывать, обращаться опять к той же теме. Говоров тихо матерился, жалел потерянное время — но если бы он знал, что за это заплатят! Юру фон Родена, корреспондента Радио, прилетевшего из Гамбурга, Говоров встретил настороженно. В советских газетах писали, что Радио в Гамбурге — логово бывших нацистских преступников, и фамилия парня звучала подозрительно. «Откуда у вас такой хороший русский язык?» — спросил Говоров. «Мой отец преподает советскую литературу в университете, я с детства воспитывался на русской культуре». — «О'кей, — сказал Говоров, —

поехали». Юра включил магнитофон. «Эмиграция для русского писателя — трагедия. Эмигрируя, мы попадаем не в другую страну, а на другую планету». Юра нажал на «стоп». А как же свобода, демократия?

Они долго спорили, и Говоров настоял, чтоб интервью с ним начиналось только так.

Давно уже Юра фон Роден не приезжает встречать эмигрантов. Его место занял Говоров. И не потому, что Юра плохой журналист, нет, он профессионал, ходячая энциклопедия, но его знания теоретические, книжные, а Говоров понимает своих собеседников с полуслова.

Говоров подумал, что не случайно его сегодня во всеуслышанье хвалил Леня Фридман. Явно в пику Юре фон Родену. У них какие-то старые счеты, и, став главным, Леня, похоже, задвигает Юру в архивный отдел. Надеюсь, с Радио Юру не выкинут. Было бы глупо терять такого работника. Впрочем, из Гамбурга никого невозможно уволить.

...Как бы ни был занят Говоров в Вене, он всегда находил время подойти к «Турецкому медведю». Своего рода ностальгия, ритуал. Свой дом в Москве ему никогда не увидеть, так хотя бы побывать на месте, где началась его новая жизнь. Кира выходила из этой двери с коляской и гуляла с Дениской по переулку. Тут неподалеку небольшой супермаркет, который поразил Говорова изобилием продуктов, особенно колбас. Ну да, после Москвы. А когда он прилетел в Вену из Парижа и заглянул в этот магазинчик — фу, жалкая лавочка!

...Тогда в «Турецком медведе», кроме Говоровых, жили еще несколько семей из России. В коридоре около их комнат витал аппетитный запах горячего борща. А Говоров мечтал вечером пить чай. Спуститься в кафе, заказать чай представлялось немислимым кутежом (деньги у Говорова были, но мало ли что впереди? Он их берег для Парижа). Как и все эмигранты, Говоров прихватил из Союза кипятильник. Однако от сети работала только электробритва. Хозяин «Турецкого медведя» экономил электроэнергию. Хозяин иногда врвался в комнату Говоровых и с порога радостно выпаливал: «Здравствуй, товарищ, руки вверх!» На этом его запас русских слов иссякал. Говорова интриговала загадка борща, пока ему не объяснили, что народные умельцы отвинчивают крышку с розетки и подклю-

чают кипятильник прямо к проводам. Кира стыдила: «У всех горячий ужин, а мы едим всухомятку». Наконец Говоров решился... и вырубил электричество на трех соседних улицах.

...Вообще их венская жизнь оставила добрые воспоминания. Они как-то по-хорошему сблизились с Киной (в Москве Кира чувствовала, что Говоров в первую очередь озабочен Аленой и Наташей), чуть ли не роман начался, как десять лет назад. Запоем читали эмигрантскую литературу и периодику. Верный своей привычке, Говоров пешком прочесывал Вену, по кварталам, легко ориентировался в городе. Между прочим, не раз проходил мимо «Регины», этот отель ему казался местом, где блаженствуют богачи...

Говоров вздохнул, бросил прощальный взгляд на зашторенное окно и поспешил в центр к Кёрнтнерштрассе — там по вечерам призывно и заманчиво сияли витрины магазинов, ресторанов и кафе.

Наверно, Феликс Штейн был бы несказанно удивлен и озадачен, если бы увидел, как Говоров, возвращаясь к «Регине», покупает в уличном киоске у турка горячие сосиски с булочкой и пакетик жареной картошки. А что делать, граждане? Почти все командировочные Говоров истратил на московских друзей и теперь мог себе позволить лишь такой импровизированный ужин, благо в шкафу была припрятана бутылка виски, приобретенная во фри-шопе парижского аэропорта.

* * *

Периодически в какой-нибудь советской газете появлялся фельетон про Радио с заголовком типа «Диверсанты за работой». Согласно фельетонисту, жители Гамбурга, простые немцы, с симпатией относящиеся к Советскому Союзу, диверсантов не любили и презрительно называли их павианами. «Павианы» — все сплошь предатели, отщепенцы или уголовники — в городе старались не показываться и прятались в мрачном здании Радио, огороженного от мира густой колючей проволокой. Фельетон сопровождала фотография: угол дома за проволочным забором. Как-то, будучи в Гамбурге, Говоров спросил: «Как делают такие фотографии? Монтаж?» Его повели на теннисный корт, расположенный по соседству. Действительно, если сни-

мать Радио через ограждение теннисного корта, то картинка получалась впечатляющей.

Радио находилось в городском парке, где всегда было много празднующихся. Летом в обеденный перерыв пугливые «павианы» устраивали пикник прямо на травке. Здание никто не охранял, лишь в центральном подъезде стоял немецкий полицейский и лениво проверял пропуски. Но можно было беспрепятственно пройти на Радио через боковые двери, что Говоров неоднократно проделывал. «Когда-нибудь вам под окна подвезут грузовик взрывчаткой, — предупреждал Говоров, — и никто не заметит». Очередной американский начальник озабоченно кивал тем предметом, который заменял ему голову. «Да, да, мы обсуждаем эту проблему с немцами». Обсуждение — если оно имело место быть — длилось годами, пока не взорвали чешскую редакцию. Только тогда соорудили забор — и фотографии Радио в советских газетах приобрели достоверность.

Голоса из публики:

— Кто взорвал?

Ну вот, откуда Говоров знает? Он же не полицейский детектив и участия в расследовании не принимал.

— А было расследование?

Разумеется. Только оно ни к чему не привело. Однако любопытно, что в советской прессе сразу радостно откликнулись на это событие. Одна газета даже сообщила подробности: радиодиверсанты не просто отравляют эфир своей клеветой, они еще в закрытых спецкомнатах варят какую-то подозрительную химию, и оттуда часто пахнет паленым. Дальше в своих предположениях газета не пошла, но проницательный читатель мог догадаться, дескать, радиодиверсанты сами себя взорвали.

— Значит, КГБ?

Говоров это не утверждает. Нет доказательств. Впоследствии на Радио распространилось мнение, что вообще произошла ошибка, мол, польскую разведку очень раздражали программы польской редакции в Гамбурге (в Польше уже действовала «Солидарность»), но ребята малость перепутали, не к той стене положили бомбу. Как и в случае с «болгарскими зонтика-

ми», предпочтительнее было думать, что все это художественная самодеятельность Софии, Праги, Варшавы, а Старший Брат в Москве ни о чем не ведает.

— Американцы послали ноту протеста?

Куда? Кому? К тому же был такой дипломатический нюанс. В советской печати постоянно критиковали американское правительство и проводимую им политику, но в умеренных дозах. Когда же речь заходила об американском Радио в Гамбурге, тут в выражениях не стеснялись. Похоже, по негласному двустороннему соглашению, «павианам» заранее отводилась роль мальчиков для битья.

— И как же чувствовал себя в этой роли Говоров?

Плохо. Правда, его лично никто «павианом» не обзывал, он в Гамбурге не жил и не работал, но после каждого советского фельетона он обращался с просьбой к начальству — давайте я отвечу, уж как-нибудь тоже найду нежные слова, моя профессия. И всегда получал категорический отказ: Радио в полемику не вступает.

— Мы не поняли — уже взорвали или только собираются?

Пока никто не собирается. Вокруг Радио тихо и спокойно. Лишь вороны каркают на заиндевелых ветках в парке.

— Тогда какого черта мы оказались в Гамбурге?

В Гамбурге оказались не вы, а Говоров. Из Вены он прилетел в Гамбург. Вот уж час сидит вместе с Леней Фридманом в кабинете мистера Трака.

— Значит, Радио заинтересовало его интервью с писателем Штейном?

— Конечно, — продолжал Говоров, — из-за Штейна меня бы в Гамбург не вызвали. Наверно, надо срочно обработать пленки с диссидентами?

Мистер Трак ласково зажмурился.

— Андрей, мы в первую очередь политическое радио, — заметил Фридман.

— Что ж, мне повезло. Заодно пообщаюсь со своими коллегами. И с новым начальством. — Говоров сделал полупоклон мистеру Траку. — Но знаете, все это мне напоминает известную байку про Молотова и Маленкова. Молотов был Председателем Совета Народ-

ных Комиссаров, а Маленков еще не набрал силы, так вот, когда Маленков чем-то не угождал, то Молотов орал на него: «Еще раз повторится — назначу тебя наркомом культуры!» И для советских руководителей на первом месте всегда была политика, а культура — как наказание.

Мистер Трак вежливо посмеялся.

Фридман работал в бешеном темпе. У Говорова было впечатление, что Леня одновременно правит скрипты, пишет политический обзор, отвечает на телефонные звонки и попутно объясняет ему ситуацию на Радио. Фридман отпускал его только в студию, чистить пленки, привезенные из Вены. Не успевали они с техником подклеить последнюю фразу, как Фридман возникал на пороге, вел за руку по коридору в свой кабинет. «К этому не заходи, с этим не разговаривай. Что значит — вы с ним в добрых отношениях? Мудак он и интриган, из банды Матуса!» Лишь раз в коридоре подлетел к ним высокий блондин:

— Вы Андрей Говоров? Узнал вас по голосу. Я Герд Браун. Рад познакомиться.

Герд умчался, и Леня сказал ему всед:

— Этот юный американец отнюдь не Спиноза, но далеко пойдет. Его готовят на повышение. Будь с ним в контакте. А вообще...

А вообще, по словам Фридмана, вот нынешнее положение в Гамбурге:

Выгнали старого президента Радио Тупелла. Тупелл — безобидный дурак, коллекционировал ресторанные меню, но он был хорош тем, что не вмешивался в работу редакций. На смену пришел новый президент, Трепелл, бывший посол в Португалии. Его плюсы: связи в Конгрессе, видимо, он сможет выбивать для Радио приличный бюджет. Его минусы: ничего не смыслит в радиовещании, но как человек энергичный — жаждет радикальных перемен. Отдает явное предпочтение восточно-европейским редакциям. По русской редакции стреляет от пуза длинными очередями. Это он убрал Фрэнка Стаффа, звезду американской журналистики. Мистер Трак — армейский майор, и, когда ты ему рассказывал анекдот про Молотова и Маленкова, я, честно говоря, не был уверен, что он знает, кто они

такие. Тем не менее мистер Трак не самый плохой вариант. Служака, работяга. Не интриган. Сумеет навести дисциплину. Давно пора. Ведь у нас тут русская партия бьется с еврейской стенка на стенку. Доходило до мордобоя в столовой. Наши русофилы кричат, что власть на Радио захватили жида. То есть я, как главный редактор, хотя с Матусом и компанией я говорю только по редакционным делам. Почему я тебя придерживаю за руку? Ты же не разбираешься в обстановке. Твой приятель Джон усердно копал под Франка, думал, что его назначат директором русской службы. Не похоже на Джона? Конечно, ты у нас инженер человеческих душ. Короче, пригласили мистера Трака, и теперь твой Джон спит в своем рабочем кабинете, ибо делать ему на Радио решительно нечего. Почему ты не хочешь переехать в Гамбург? Мы бы с тобой составили сильную пару. Иначе мне в замы дадут Олега Облачного, а он моряк торгового флота, образование — десять классов. Его плюс: ни во что не лезет, все ему до лампочки. Кто еще твои друзья? Чилианский? Ставленник «Орлов», почетный член этой организации. Правда, пока сидит тихо, «Орлы» нынче не в моде. Ира Хренкина хороший редактор? Она баба бойкая и начитанная. Первая стукачка на Радио. Стучит даже на собственного мужа.

— Леня, расскажи мне что-нибудь более веселое, — взмолился Говоров.

— А разве не весело? — изумился Фридман. — У нас каждая редакция — комната смеха. Как в Парке культуры имени Горького.

Странной парой, сопровождаемые озабоченными взглядами и перешептыванием (Фридман переводит Говорова в Гамбург? Кем?), проплывали они по коридорам, появлялись в студиях и кабинетах, сидели в столовой, и Говорову казалось, что он участвует в каких-то танцах-шманцах, и если раньше он не понимал значение этого слова — шманцы, то теперь был убежден: что бы оно ни значило, но на Радио именно шманцы. Шманцы, когда в столовой каждая партия, группа, компания занимает свой столик и с соседями не общается, в упор их не видит. Шманцы, когда приглашают в кабинет к американцу, просят прослушать програм-

му, высказать свое мнение, а потом спрашиваешь у Лени: «У кого мы были?» — и получаешь в ответ: «Никто не знает, чем он занимается. Вот зарплата у него большая. Это точно». Шманцы, когда на утренней летучке начальства собирается в два раза больше, чем журналистов, предлагают темы дня, а журналисты (кроме одного знаменитого Николая Ивановича, который готов делать пять-шесть корреспонденций за раз и тематика его нисколько не смущает) прячут головы в плечи — не хотят писать! Шманцы, когда в глухом подвале находишь говенный автомат с почтовыми открытками, намереваешься бросить монету, чтобы получить одну, и вдруг возникает дюжий парень в форме американского гвардейца и лениво цедит: «Только для американцев». И в то же время редакции бурлили, всюду кипели страсти, спонтанно вспыхивали споры-разговоры, но в основном о Радио, о местных делах и происшествиях и очень мало о том, чем живет страна, для которой они работают.

Все же Говорову удавалось отрываться от Лени. В столовой он подсел к Матусу, одиноко ковырявшему вилкой котлету (по столикам прошелестело: «???? Ведь Матус в опале!»), и Матус, помимо всего прочего, сказал: «Знаете ли вы, что Фридман по утрам стоит с секундомером в проходной, засекает опоздавших?» — «Не может быть!» — возмутился Говоров. Матус горестно вздохнул: «Поэтому я уезжаю в Лондон. Теряю в деньгах и в грейде, но не желаю этой собачьей дисциплины».

Заглянул Говоров и к Джону. Джон дремал над бумагами. Обсудили последние новости (естественно, гамбургские, а не московские). «Джон, ответь мне на один вопрос: насколько хорошо мистер Трак знает русский? Когда мы с ним беседуем, у меня ощущение, что он половину слов не понимает». Джон рассмеялся: «Когда я с ним говорю по-английски, у меня точно такое же впечатление».

И еще Говоров успел написать в Гамбурге статью о поездке в Вену. Пересказал все, что обещал Штейну, не называя фамилии собеседника. Фридман прочел, крикнул: «Может, смягчить немного?» — «Я и так смягчил». Фридман покачал головой, но подписал.

Услышал сам Лева этот скрипт по Радио или ему ра-

ныше донесли из Гамбурга — неизвестно. Однако как только Говоров прилетел в Париж, поздно вечером в его квартире зазвенел телефон. Самсонов проорал и швырнул трубку, не дожидаясь ответа.

Позже было выяснение отношений с Катей. Ведь Говоров знал ее девчонкой, задолго до того, как она вышла замуж за Самсонова. Теперь Катя стала преданной женой, на страже интересов мужа и «Вселенной». «Катя, пока Лева передо мной не извинится, я с ним больше не разговариваю». — «Андрей, ну не стоит обижаться. Лева поорет, поорет и успокоится». — «Пусть Лева орет на Путаку. А на меня даже генерал Ильин в Союзе писателей не смел повышать голоса».

...Русский Париж маленький. Невозможно за многие годы не столкнуться или в редакции, или на эмигрантском собрании, на демонстрации протеста. Но Говоров и Самсонов как-то изловчились ни разу не взглянуть друг на друга, словом не перекинуться.

Жан Пьер был бойкий крепыш, очень довольный тем, что имеет работу (а в стране два миллиона безработных!) и зарплату на тысячу франков больше смига*, что получил трехкомнатную квартиру в «ашелеме» (для семьи из четырех человек совсем не плохо, и хоть дом старой постройки, да другие ждут по пятнадцать лет!), что у него «Рено-5» (купил подержанную, но в хорошем состоянии, на счетчике 80 тысяч км., а заводится с пол-оборота — что еще надо?). Прошлым летом Жан Пьер провел отпуск в кемпинге в Сальбри около пруда: дешево, милые соседи, дети загорели, ловил рыбу. А совсем недавно Жан Пьер выиграл в лотерею «Тик-отак» сто франков! Выигрыш прогулял с друзьями в кафе, да не в деньгах счастье, главное — добрый знак, лиха беда начало.

Жан Поль был заторможенный зануда, очень недовольный тем, что всю жизнь горбится за месячную зарплату (всего на тысячу франков больше смига, тогда как другие грёбут миллионы!), что живет не в собственном доме или квартире, а в «ашелеме», с неграми и арабами (здание пятидесятих годов, планировка отвратная, три комнаты на семью из четырех человек — ужас! Гостей негде принять!). Жан Поль стыдился своего маленького «Рено-5» (80 тысяч км. уже набегал, вот-вот развали-

---

* Смиг — официально установленная минимальная зарплата во Франции.

тсся, а сосед, торгаш, сучий потрох, рулит на новенькой «Лансии»). Люди ездят отдыхать к морю. Увы, Жан Поль с детьми вынужден загорать в Солони, у грязного пруда, в палатке, взятой напрокат в кемпинге. Шум, гам, суета, никакого спокойствия. И тут недавно, как в издевку, выиграл по билету «Тик-о-так» сто франков. Другие шесть номеров в лото угадывают, а ему — вонючая сотня! Знак судьбы: большего ему никогда не выиграть...

Говоров часто повторял эту байку в назидание Кире, дескать, вот она — вечная проблема характеров оптимиста и пессимиста, дескать, все зависит от взгляда на жизнь, и, мол, Кристина Онасис, миллиардерша и красавица, чувствует себя несчастной, а уж ей-то, кажется, все должны завидовать. Однако со временем Говоров стал подозревать, что дело не только в характерах, вернее, не столько в характерах, сколько в возрасте. Раньше Говоров был Жан Пьером. Но сумеет ли он и дальше сохранить свою природную жизнерадостность? Уже случались какие-то сбои, резкие перемены, и Говорова пугало, что он может когда-нибудь превратиться в типичного Жана Поля.

У Галины Вишневской был прощальный спектакль в Парижской Опере. Ростропович прислал Говорову билет и приглашение на банкет в «Кафе де ля Пэ». Говоров решил, что банкет он, естественно, не пропустит, а билет на «Евгения Онегина» кому-нибудь подарит. Корреспонденцию для Радио он готов написать заранее, с закрытыми глазами: «Выдающееся событие в культурной жизни Франции... Галина Вишневская последний раз пела Татьяну на оперной сцене... Восторженная публика...» И обязательно надо напомнить, что указом за подписью Брежнева Ростропович и Вишневская лишены советского гражданства, всех званий и орденов. Вот, собственно, и все. Не сообщать же советским радиослушателям, кто убил Ленского.

Утром в день спектакля Савельев и Говоров сидели в кабинете Владимира Владимировича. Рабочая пятиминутка, обычно заканчивающаяся за час: распределение тем, обсуждение новостей, какие-то сплетни из Гамбурга, просто треп. Тенью проскользнула Беатрис, положила на директорский стол телекс, испарилась.

Владимир Владимирович прочел вслух: «Мистер Трак предлагает мистеру Говорову сделать получасовой репортаж из Оперы». Говоров устроил детский крик на лужайке: «Они озверели? С ума спятили? Нам через глушилку передавать запись «Евгения Онегина», которого советское радио транслирует ежедневно из всех оперных театров страны? Или товарищ Трак меломан? Я ему куплю полный набор пластинок Чайковского в праздничной упаковке в советском магазине «Глоб».

Директор парижского бюро, вальяжный и всегда спокойный, весело смотрел на Говорова. Когда Говоров иссяк, Боря Савельев иронически заметил:

— Создается впечатление, что Андрей не стремится повышать свой культурный уровень.

— Или хочет поругаться с Ростроповичем,— в тон ему добавил Владимир Владимирович.

— Да нет, ребята, я люблю Славу и Галю, но...

— Тогда почему «но»? — притворно удивился Владимир Владимирович.— Тем более, сдаётся мне, что эта инициатива исходит — я употребляю вашу терминологию — не от товарища Трака, а от товарища Трипелла.

— Андрей вас научил своему языку, но не совсем,— перебил Савельев.— Андрей сказал бы так: «Это товарищ Трипелл кинул мне подлянку».

Директор вздохнул:

— До таких высот мне пока далеко. В общем, товарищ Трипелл очень чтит Ростроповича и, насколько я знаю, мечтает с ним подружиться. В этом случае Трипелл совершенно прав: Радио должно не просто сделать реверанс, а подчеркнуть значительность события.

— Значит, мне в тридцать третий раз слушать «Евгения Онегина»? — в панике пролепетал Говоров.

— Ах, вот в чем дело? — рассмеялся Владимир Владимирович.— Но наше ремесло требует жертв. И путей отступления я для вас не вижу. Разве что бежать в советское посольство и просить политического убежища.

В мрачнейшем настроении Говоров явился домой — переодеться в костюм, нацепить чертов галстук. И вдруг Кира предложила: «Давай я пойду в Оперу.

Объясни мне только, какие кнопки нажимать на магнитофоне и что надо записывать».

Молодец, Кирюха, выручила! Говоров прокайфовал последние известия по телеку, уложил Дениса, неспешно пролистал «Юность», «Коммунист», «Экспресс», а к полдвенадцатому ночи, отдохнувший и бодрый, подъехал к Опере. Из дверей вниз по лестнице валила разнаряженная публика. Вместе с французской звучала английская речь. Подруливали большие лимузины с дипломатическими номерами. Говоров увидел в толпе раскрасневшееся, оживленное лицо Киры. «Ей-Богу, она интересная баба,— как бы со стороны отметил Говоров,— не уступает парижанкам».

— Записала, как ты просил: последние Галины «а-а-а!» и много аплодисментов. Наберется минут на десять. Между прочим, зря ты не пошел. Галя мне понравилась, у нее сильный голос. И музыка клевая.

Говоров на секунду потерял нижнюю челюсть.

— Ты хочешь сказать, что никогда раньше не слышала «Евгения Онегина»???

— Однажды маменька купила мне билет в Большой театр, но я предпочла свиданку,— честно призналась Кира.

Да, граждане, Кирюха на одиннадцать лет его младше. Другое поколение!

Говоров повесил магнитофон себе на плечо, поцеловал Киру, проводил ее к метро и чинно отправился на банкет.

Банкет был скромненький. Человек на сто. Пять министров. Семь послов. Три королевы. Еще какие-то чернофрачно-галстучные господа, явно не подметальщики улиц. Но приглашен был и русский церковный хор в полном составе. Увидел Говоров и Самсонова с Катей. Табличку со своим именем Говоров нашел за столиком, где сидели старый знакомый из Би-Би-Си, главный с «Немецкой волны» и европейский корреспондент «Голоса Америки» — радиофицированный уголок. Бойцы идеологического фронта дружно вдарили по закуске. Немец хвалил вино (в котором Говоров ни хрена не понимал), американец рассуждал на профессиональные темы (мол, овес нынче дорог), а англичанин смиренно обронил, что успел послать свою корреспонденцию в Лондон. Класс! Би-Би-Си, как водится, всех обскакало. Надо было что-то придумывать. «Кол-

леги! Просветите темного деревенского мужика, из каких стран коронованные особы?» Коллеги охотно просветили: значит, так, рядом с Вишневской две красотики — королева Дании и королева Голландии, напротив — две старухи-гренадерки, нет, это вдова Помпиду, а вот другая — королева Италии. «Это не считается, — сказал Говоров, — ее давно свергли рабочие и крестьяне». Встал, вытер салфеткой рот, вытащил магнитофон из-под стула и нагло поперся к столику, где. «Андрей, не приставай, не могу, — не оборачиваясь, бросила Вишневская, — видишь, три королевы!» — «Клал я на них с прибором, — зло прошипел Говоров. — Галя, я хочу, чтоб твои милые подружки из Большого театра уже завтра знали, что ты не будешь сидеть дома и мыть посуду, а продолжишь свою концертную деятельность». Вишневская вскинулась, обожгла его взглядом. «Жди в коридоре, приду через две минуты».

В два часа ночи в радиофицированный уголок подсел Ростропович. Улыбка до ушей, но выглядит плохо — лицо зеленое, скулы обтянуты. «Устал, наверно, — подумал Говоров. — Еще бы, дирижировал целый вечер, а сейчас, когда все гуляют, обходит столики, чтобы никого из гостей не обидеть. В этом весь его характер». Несколько захмелевшие и изрядно поужинавшие «голоса» радостно закурлыкали, загудели: «Мстислав Леопольдович, позвольте выпить с вами за здоровье Галины Павловны!» Ростропович воровато оглянулся: «Друзья, помилуйте, только вам, по секрету. Я пятый день не жру и не пью. У меня двухнедельный курс голодной диеты. Нельзя музыканту жить с таким брюхом».

И Говорову:

— Изнасиловал мою жену?

— Слава, трудящиеся советской страны жаждут услышать твой горячий привет Министерству культуры и лично товарищу Демичеву.

— Подлец и кровопивец, — сказал Ростропович, непонятно кого имя в виду, Демичева или Говорова.

Утром Говоров принес в монтажную пленку, на которой, кроме «И я другому отдана и буду век ему верна» (Бурные аплодисменты), были десять минут интервью с Ростроповичем и восемь с Вишневской.

— Какой букет! — ахнул Шафранов. — Да мы такую конфетку соорудим!

Когда готовая передача посылалась по телефону в Гамбург, в студию пришли даже венгры и поляки. Беатрис соответствовала торжественности момента. Владимир Владимирович слушал и бормотал: «Андрей — злодей и карьерист. Умаслил начальство. Трипелл будет писать кипятком».

Мистер Трак не замедлил отбить в Париж благодарственный телекс.

— Про таких, как ты, — смеялся Савельев, — песни поют и былины слагают.

Но это удачи. А случались и проколы.

Конечно, конфликт с партией «Орлов» начал сам Говоров. «Ну чем они тебе мешают? — удивлялся В. П. — Они делают полезное дело, выпускают и распространяют книги». — «В основном свои бездарные партийные брошюры». — «Неверно. Они и тебя издавали. Меня издают. Хотят партию? Пускай! Они живут в свободном мире». — «Вика, но ведь они распределили между собой министерские посты! Как будто в СССР ждут не дождутся, чтоб их пригласить в правительство!» — «У каждого свои забавы. Наши партийные пенсионеры при жэках играют в домино, а они — в министерства». — «Вот видишь, они старые идиоты!» — «Зато ты у нас очень умный! Смотри, я ни с кем не ссорюсь, и они мне организовали поездку в Австралию».

В общем, Говоров их не трогал, пока не прочел в «Русской газете» резолюцию партийного съезда «Орлов», в которой между прочим было сказано: «С диссидентским движением в России мы установили оперативно-техническую связь».

Говоров взбеленился. Провокаторы чистой воды! Однако ответить по Радио не разрешили (мол, опять эмигрантские распри!), и Говоров опубликовал статью в «Новом русском слове».

«Старички-боровички из партии «Орлов», — писал Говоров, — играют в опасные игры. КГБ шьет нашим диссидентам обвинения, будто их деятельность инспирирована «орлами». За это дают тюрьму и лагеря. Наши диссиденты заявляют, что они независимы, и вдруг — какой подарок КГБ! Что такое «оперативно-техническая связь», на Лубянке прекрасно пони-

мают. Резолюция съезда, да еще опубликованная в печати, послужит основанием для новых судебных процессов в России. Если бы партия «Орлов» не существовала, КГБ был бы просто обязан ее выдумать».

И вот, накануне прилета Лит Литыча во Франкфурт позвонил Копелев из Кельна:

— Андрей, по моим сведениям, Лит Литыч попадет прямо на аэродроме в объятия «Орлов». Боюсь, что они его охмурят, как ксендзы Козлевича. Объясните ему обстановку. Я могу пристроить его в свой университет.

— Лев Зиновьевич, я еду не с пустыми руками,— заверил Говоров.— У меня в кармане несколько предложений, на выбор, для работы на Радио.

Говоров понимал, что «Орлы» не забыли его статью и могут устроить мелкие пакости. Поделился своими опасениями с начальством. Из Гамбурга прислали подкрепление — журналиста и техника с магнитофоном.

...Команда Говорова металась по лабиринтам огромного франкфуртского аэропорта. Самолет из Москвы приземлился час тому назад. Пассажиры получили багаж. Но где Лит Литыч? Исчез! Растворился в природе!

Может, Лит Литыч не прилетел, в Москве в последний момент его сняли с самолета? КГБ любит откалывать такие номера!

Говоров попросил Володю, своего гамбургского коллегу, проверить в авиакомпании список пассажиров, а сам с техником крупной рысью прочесывал залы и коридоры. Совершенно случайно они вломились в одну дверь и там...

При виде Говорова прошел глухой ропот. Партия встретила его «нерушимой стеной, обороной стальной». «Орлы» стояли насмерть, как двадцать восемь героев-панфиловцев, не подпуская Говорова к Лит Литычу. Женщины плотно окружили Владу, кудахтали, сюсюкали, гладили ее, чуть ли не руки целовали. М-да, граждане, такой прием оказывают только Ее Императорскому Величеству. Дальше последовала смесь рукопашной с позиционно-окопной войной. Протискиваясь между спинами и животами, получая толчки, тычки и ненавидящие взгляды, Говоров выигрывал по санти-

метру пространства, пока Влада торжественно не объявила на публику:

— Лит Литыч, смотри, кто появи-и-и-и-ился! Андрей Говоров собственной персоной!

Раз матушка государыня изволили обратить свое высокое внимание, то тиски ослабли и Говоров был допущен до Лит Литыча.

Обнялись, поцеловались. Говоров заметил в глазах Лит Литыча растерянность и успел спросить: «Ответишь на несколько вопросов для Радио?» Тут же между ними вырос моложавый тип с чисто гебешной физиономией, который категорически заявил: «Никаких интервью Лит Литыч не дает. Позвоните мне завтра, я сообщу место и время пресс-конференции». — «Кому позвонить?» — «Моя фамилия Жданов». Хорошая фамилия, партийная, звонкая. «У меня заказан для вас номер в гостинице», — бросил через плечо Жданова Говоров. Лит Литыч виновато улыбнулся: «Нас везут в загородный дом». — «Андрей, не трогай Лит Литыча! — властным голосом вмешалась государыня императрица. — Мы очень устали. Дай нам отдохнуть!» Женский хор негодующе взвыл: «Действительно, ни стыда, ни совести! Люди вырвались из лап КГБ, не спали сутки, а окаянным репортерам главное — свою зарплату отработать!» — и опять к Владе: «У-тю-тю, наше солнышко, у-тю-тю, наша маленькая». Партийные ряды снова сомкнулись, завертелся хоровод, который оттеснял Говорова все дальше и дальше к стенке. В какой-то момент Говоров почувствовал, что Лит Литыча уже увели, но «орлы» еще колыхались, отступали организованно, взвод за взводом, согласно предначертанной диспозиции.

Наконец зал опустел. Остались лишь Говоров да техник, который стоял, вытаращив глаза.

И потом, когда нашли Володю, и потом, когда сидели в гостинице, пили в номере и закусывали бутербродами, техник продолжал бормотать:

— Никогда ничего подобного не видел!

Володя стонал:

— Сорвали программу.

Говоров успокаивал команду:

— Пресс-конференцию они не посмеют от нас

скрыть. Запишем ее, отвезете пленку в Гамбург. Расскажите Герду, какая тут обстановочка.

— Но почему так?

— Ребята, вы тут с боку припека. Это не против вас. Это сведение счетов со мной.

— Неужели Лит Литыч и Влада не слышали тебя по Радио,— возмутился Володя.— Ведь ты...

Ведь он. Наверно, штук восемь корреспонденций сделал, посвященных Лит Литычу. Как и всех известных писателей, Лит Литыча вытаскивали из России по стандартному гебешному сценарию: сначала обыски, слежка, угрозы. Лит Литыч упирался. Тогда поставили перед выбором: или на Запад, или на Восток, в лагерь. Но как только Лит Литыч согласился на эмиграцию, выяснилось, что визу ему не дают. Писатель в панике к мировой общественности: мол, братцы, помогите, не выпускают! А ГБ ждет этого крика, им нужно зафиксировать для архивов, дескать, сам запросился, а теперь катись колбаской по Малой Спасской в свою заграницу.

Говоров прослеживал все эти этапы и, когда пришла пора, тоже заорал по Радио: «Вот-вот Лит Литыча арестуют!» И перечислял, кто из великих на Западе написал протест. А если бы Радио молчало, кто знает, как бы порешили в ГБ? Ведь в их сценариях всегда припасен другой финал.

— Конечно, Лит Литыч и Влада слышали,— сказал Говоров.— Но «Орлы» могли их настроить против меня. Что-то им наплели. Недаром их прятали.

— Однако баба у Лит Литыча! — не унимался техник.

— Влада— это его политбюро,— объяснил Володя,— я же с ними был знаком в Москве.

А Говоров вспомнил, что давным-давно, когда лишь начались разговоры о возможной эмиграции Лит Литыча, Лева Самсонов саркастически заметил: «Если Влада приедет в Париж, сразу бегу в Аэрофлот покупать себе обратный билет».

Пресс-конференцию Лит Литыча «Орлы» устроили в своем издательстве. И присутствовали на ней всего шесть журналистов, включая команду Говорова. Никто не пришел из немецких газет. (Казалось бы, Лит Ли-

тыч, с его именем и заслугами в диссидентском движении, должен собрать полный зал, радио и телевидение! Но немцы с партией «Орлов» связываться не желали.) И Лит Литыч не понимал, что «Орлы» его попросту гробят, что, взяв под свое крылышко, они заранее обрывают ему все возможные контакты. Как объяснить это Литычу?

Литыч между тем выступал интересно. В частности, сказал:

— Я убежден, после кремлевских старцев к власти в Союзе придут люди нашего поколения, пятидесятилетние. Промежуточный слой, кому сейчас шестьдесят, пропустили свое время.

Когда пресс-конференция окончилась, воспользовавшись общей суматохой и некоторой потерей партийной бдительности, Говоров шепнул Лит Литычу:

— Давай немножко пройдемся по городу.

— С удовольствием! — восторженно воскликнул Лит Литыч. — Глотну хоть свежего воздуха.

Они потихоньку смылись, и минут двадцать Лит Литыч глазел на витрины (первый раз на Западе!), а тут еще на углу «секс-шоп» выставил свои производственные причиндалы, и Литыч прилип к стеклу. «Как здоровье?» — «Вроде бы поправилось. Вчера утром Москву-реку переплыл». — «Разве в Москве можно купаться?» — «Очистили реку, порядок».

«Господи, о чем мы болтаем?» — спохватился Говоров и застрочил как из пулемета:

— Для тебя есть место в Гамбурге, хочешь начальником отдела культуры, хочешь в исследовательское бюро, работа не бей лежачего. Но решать надо сейчас, через год ты будешь одним из эмигрантов и в лучшем случае предложат внештатную, то есть без всяких прав. Партия в тебя вцепилась, потому что ты им очень нужен, до сих пор они не смогли заарканить ни одного писателя. Будь осторожен с «Орлами» они втирают очки американцам, дескать, вся Россия охвачена их агентурной сетью, на самом деле занимаются мелким жульничеством.

Было впечатление, что пулеметные очереди Говорова не задевают Лит Литыча, со свистом проносятся мимо ушей, а сам Лит Литыч углубился в созерцание цветной фотографии, на которой красотка с задранной юбкой становилась в аппетитную позу. Но вот Лит Ли-

тыч оторвался от стекла, и по его лицу Говоров понял, что Лит Литыч слушал все очень внимательно.

— Андрей, мы плохо ориентируемся в этой жизни. Я каждую минуту думаю о нашем будущем. Знаю, надо срочно выбирать. Мы в магазин без посторонней помощи не можем войти. «Орлы» о нас заботятся, они меня издавали, у них мои деньги, обещают мне дать журнал и полную свободу...

Взвизгнули тормоза. Распахнулась дверца, и с истерическим воплем выскочила Влада:

— Андрей, ты ведешь себя, как мальчишка! Лит Литыч перенес инфаркт. Ему нельзя двигаться. Как ты смел его куда-то потащить?

Лит Литыч покорно юркнул в машину. Восседавший за рулем партийный товарищ Жданов даже не повернул головы.

РОНДО-КАПРИЧЧИОЗО

За полгода до ЭТОГО,

Когда в Союзе отменили глушение всех зарубежных «голосов», приснился Говорову сон, что президенту Радио мистеру Пеллу вручают переходящее Красное знамя за ударную работу, перевыполнение плана и важный вклад в дело перестройки. Знамя вручает председатель комитета Гостелерадио СССР. Не ясно, то ли Говорова пригласили, то ли просто так, из чистого любопытства он отправился на это мероприятие, но уже во дворе, у окон консьержки, начинается очередь. Слышится русская речь. Говоров садится в лифт и, пока подымается на пятый этаж, видит, что очередь на лестнице густеет: вон на ступеньках несколько знакомых из Московского Дома литераторов, вон кто-то в генеральских погонах, а на четвертом этаже — два полковника в форме ГБ. У входа в бюро французские полицейские сдерживают напор толпы. Пользуясь тем, что на него никто не обращает внимания (почему?), Говоров быстро открывает дверь ключом (откуда у него ключ?) и влетает в бюро. В прихожей, где раньше все смотрели дневные новости по телевизору, теперь сидит Беатрис и пересчитывает на столе пачки денег.

— Наконец-то французы решили охранять

бюро? — на юморе спрашивает Говоров. — А на лестнице возмущенные советские трудящиеся протестуют против наших передач?

Беатрис хмуро смотрит как бы сквозь него:

— Наоборот, все советские командировочные и туристы нынче рвутся на Радио. Все хотят дать интервью, чтоб получить валюту.

И, вроде бы узнав его, улыбнулась:

— Эх, Андрей, вы понятия не имеете, сколько у меня сейчас работы!

Говоров идет дальше, к первой студии. Что творится? Все изменилось! Коридор расширился, на стенках висят портреты Ленина, Горбачева, Николая Второго, иконы. В студии, правда, все на месте, и Толя Шафранов привычно крутит ручки, ведет запись (так занят, что не отвечает на приветствие Говорова?), но за стеклом, Гбсподи, не крошечная комнатка, в которой Говоров с трудом размещал трех человек, когда организовывал «круглый стол», — за стеклом огромный зал, масса народу, суетятся операторы и осветители: советское телевидение транслирует напрямую! И перед Толей телевизор, на экране даже лучше видно, чем через стекло. Вот крупный план президиума: руководящие товарищи из Гостелерадио (их ни с кем не спутаешь!), Матус, мистер Пук, Уин, Лот, главный редактор «Советской культуры» Альберт Беляев, рядом — Лева Самсонов, Беатрис (когда она успела проскочить в зал?) и еще какая-то публика из Гамбурга. Камера перескакивает на мистера Пелла. Он под красным знаменем, командир полка. Толкает речугу (порусски!): «Наш дружный коллектив пробил брешь в «железном занавесе» мы вместе с Горбачевым дали народам Гласность и Свободу честь нам и хвала не расстанусь с комсомолом буду вечно молодым!»

Последние слова мистера Пелла (припев известной песни застойного времени) радостно подхватывает весь зал.

Как будто занавес дали или еще какой-то фокус проделали, только за столом в старой студии очутились трое: Ира Хренкина (почему она в Париже?), в середине — Пелл и сбоку — Боря Савельев. Вот они, их отделяет от Говорова стеклянное окно, но не видят они Го-

ворова — бестелесный он, что ли, или юпитеры телевидения их слепят?

На голубом экране симпатичная девушка звонким голосом объявляет:

— Дорогие телезрители, мы находимся в парижском бюро Радио, которое для нас, советских людей, годы считалось враждебным.

— Мы герои, мы герои,—хором перебивает ее троица за стеклом,—мы Россию перестроим! Мы герои, мы герои, мы Россию перестроим!

У Говорова впечатление, что усердствуют Хренкина и Пелл, а Савельев лишь губами шевелит.

— В этой студии,—продолжает девушка,—вели свои беседы Александр Галич и Виктор Платонович.

Троица застыла (или звук вырубил в телевизоре?), потом Хренкина изобразила на своем лице недоумение. Но Боря Савельев энергично зашептал в ухо Пеллу (Говоров уловил: «Их сейчас широко печатают в Советском Союзе»), Пелл значительно кивнул, Хренкина сразу завершала:

— Конечно, как же, они — наша слава боевая, нашей юности полет, с песнями борясь и побеждая, они тоже герои, вместе Россию перестроим!

— В парижском бюро,—продолжает девушка,—работал и Андрей Говоров.

Мертвая пауза повисла в студии, Боря Савельев осторожно зашептал в ухо Пеллу. Пелл сидел как каменный. Боря опустил глаза.

— Так Говоров работал в парижском бюро? — переспросила дикторша на голубом экране, видимо, не понимая, почему вдруг передача забуксовала.

— При чем тут Говоров! — взвилась Ира Хренкина.— По нашему Радио очень многие выступали! Даже такие знаменитости, как...

— Сука! — завопил Говоров.— Я только выступал? Я здесь не работал?

...И проснулся в сквернейшем настроении. И долго лежал, соображая, что сей сон означает.

VIII

У Говорова была типичная судьба писателей его поколения. Когда после бурного старта в молодости, бо-

льших надежд, рожденных «оттепелью», им все перекрыли и нечем стало дышать в литературе, они заматались в поисках новой жизни. А какая новая жизнь была им доступна? Только с новой женщиной... («А женщину зовут «Дорога», какая длинная она», — пел Окуджава.) Это как в театре, когда актерам на сцене нечего играть — меняют декорации, и тогда создается впечатление, что действие продолжается. А может, так им подсказывал инстинкт самосохранения: если утопающий хватается за соломинку, то они — за более надежную палочку-выручалочку — Любовь (в данном случае с большой буквы). Впрочем, когда начался роман с Кирой, Говоров долгое время контролировал ситуацию, то есть Наташа знала о существовании Киры, но терпела, ибо видела, что муж не рвется уходить из дома, наоборот, держится за нее и за Алену обеими руками. И еще, конечно, надеялась, что роман скоро кончится, ведь не первый он был у Говорова. Однако Кира, в очередной раз забеременев, не пошла на аборт, решила рожать, тут Наташа не выдержала, послала Говорова к чертовой матери, дескать, сделал ребенка — живи с ним, а нас оставь в покое. Несмотря на резкость формы, Наташа поступила благородно, но Говоров обиделся: выгнали из дома. Удобно было обидеться, не он, а она разрубила узел. Эмиграция казалась естественным завершением разрыва. Пожалуй, лишь в аэропорту Говоров понял всю необратимость происходящего и что это за ложечка допытывался таможенник разве нельзя конечно двенадцатая проба серебра выбросите ее в помойку зачем же так отдайте родственникам ботинок снимите зачем подметка тяжелая думаете я туда золото спрятал режьте каблук босиком поеду ладно но вообще подозрительно писатель вы известный а вещей у вас мало помогите чемодан закрыть на самолет опаздываем а это не моя забота маленький плакал на руках у Киры родные друзья знакомые кричали за барьером самые последние слова прощания под конец лопнула «молния» большой хозяйственной сумки и глаз не отрывал от своих девочек, подбегал к барьеру и повторял: «Алену и Наташку в машину посадите», — словно боялся, что ребята забудут их отвезти домой.

Маленький заснул сразу, как только взлетели. Кира рассеянно уставилась в окошко, и на губах ее теплилась

едва заметная улыбка. Кроме Говоровых, в самолете было еще три семейства (в Израиль) и два советских командировочных. Новоиспеченные эмигранты сбились в кучу и устроили радостный галдеж, командировочные скромно штудировали «Правду» и «Огонек». К Говорову подошел еврейский мальчик, попросил послушать его стихи. «Последний привет от родины,— подумал Говоров,— на Западе меня никто не будет узнавать в лицо». Конечно, надо бы было похвалить, сказать несколько ничего не значащих слов, сделать приятное неожиданному почитателю. «Плохо,— сказал Говоров.— Я вам советую, юноша, в Израиле заняться медициной».

«Переживет, думал Говоров, плюнет и забудет. Израиль станет его страной, и там он найдет себя. А что ждет меня? Моя родина—это мой народ, русский язык, мои друзья, Наташка и Алена, мои книги, которые я написал и которые здесь никому не нужны. Я расстался с ними, я расстался со своим прошлым, с самим собой. Мой котяра, когда я два дня тому назад перевез его к новым хозяевам, обнял миску, что я захватил для него из дома, и так лежал несколько часов, отвернувшись от людей. А миска не та, из которой его кормили, а та, куда, пардон, насыпали ему песок. Но хоть что-то родное. Вон евреи счастливы, вопят: «Мы вырвались из клетки!» Верно, твоя страна, с ее нелепыми законами и жуткой идеологией, давно стала клеткой, Большой Зоной, и так же дурно пахнет, как невымытая миска Котяры. Но я-то привык к этим запахам, так я прожил сорок лет... Не поздно ли мне начинать все сначала на чужой земле?

В Москве еще чувствовалась зима, а Вена встретила зелеными деревьями и аккуратно подстриженной травой. Подкатили трап. Стюардессы и летчики выстроились у выхода из самолета, на их лицах не было ни тени осуждения или сочувствия, они просто с любопытством смотрели на людей, которым разрешено. Дикая ужас охватил Говорова, ему захотелось отпрыгнуть от трапа и забиться в глубину салона за креслами родного Аэрофлота. Это длилось мгновение, но это было, и никогда Говоров об этом не рассказывал.

Говоров улыбнулся стюардессам, поблагодарил летчиков, крепко взял Киру за локоть и...

А дальше пошло как по маслу. Пока ждали багаж, Говоров увидел там, за стеклянной стеной, куда их еще не выпускали, высокого полного бородача, который знаками пытался привлечь его внимание. Бородач приложил к стеклу журнал «Вселенная», где на обложке была фотография Говорова. Говоров знал, что Лева Самсонов обещал опубликовать его рассказ. Но так подгадать!

Потом в общем зале подскочил какой-то тип из ХИАСа, сказал, что отвезет их в пансионат к пани Бертине, тут возник высокий-полный, вручил Говорову журнал и объяснил: я представитель издательства «Ульштайн», я уполномочен вести с вами переговоры об издании вашей книги, однако сейчас я хочу вам передать гонорар за рассказ. Почему вечером? Почему завтра? Господин Самсонов настоятельно просил, чтоб я это сделал прямо в аэропорту. И отсчитал Говорову тысячу марок. Наблюдавший эту сцену тип из ХИАСа живо среагировал: «А, вы тот самый, о ком нам уже звонили из газеты. Я везу вас в гостиницу».

По совету высокого-полного Говоров обменял в аэропорту сто марок на шиллинги. И когда в гостинице тип из ХИАСа, назвавшийся мужем пани Бертины, дрожащими пальцами отслюнявил триста шиллингов на два дня (от фонда полагалось по пятьдесят шиллингов в день), Говоров быстренько в уме произвел несложную математическую операцию, удивился прозорливости Самсонова, оценил настойчивость представителя «Ульштайна» и почувствовал себя богатым человеком.

В Вену Говоров прилетел в субботу, а последний привет от родины получил в воскресенье вечером. Затренькала в номере телефонная трубка, мужчина шинковал как капусту немецкие слова. Говоров различил свое имя, ответил («да!», потом «йес!», потом «я-я!»), пауза, баба по-немецки (что-то вроде «айн, цвай, драй, хэнде хох», а может, более умное) — и вдруг бодрый, приветливый голос московской телефонистки: «Товарищ Говоров, вас вызывает Москва!» И Говоров растаял, потек, впрочем, телефонистка, явно слушавшая разговор, больше товарищем его не называла, догадалась, что никакой он не «товарищ», а серый волк, про-

давший родину за чечевичную похлебку. Звонила Алена, интересовалась, как дела.

— Порядок,— ответил Говоров,— вчера я мог сказать маме лишь номер моего телефона, завтра поедем в ХИАС и тогда узнаем, на каком мы свете, но сегодня я подписал договор с «Ульштайном» на 20 тысяч марок. Они будут издавать сборник моих рассказов и повестей. Часть рукописей в Париже у Самсонова, остальные придут через голландское посольство.

— А сколько это — двадцать тысяч марок? — спросила Алена.

Утром Дениска распищался, и Говоров один поехал в ХИАС. Он уже знал, «на каком он свете». По намекам высокого-полного он понял, что договор с немецким издательством ему организовал Самсонов. Лева тоже вчера звонил, дал ЦУ: «Не надо ХИАС. В лучшем случае тебе предложат Америку, а в Америке ты потеряешься. Иди в Толстовский фонд, там все предупреждены. И в Париж дорога открыта. Во французском посольстве готовят твои бумаги». Тем не менее (по педагогическим соображениям) Говоров гнул свою линию и твердил Кире:

— Забудь, что ты — жена писателя, здесь мы никто, обыкновенные эмигранты, нечего выделяться из общего потока.

— Поступай, как считаешь нужным,— иронически хмыкнула Кира,— лично я пойду гулять с Дениской.

Обыкновенный эмигрант Говоров дисциплинированно отсидел в ХИАСе тридцать минут. Приемный зал чем-то неуловимо напоминал Ярославский вокзал. На полу ползали, играли и плакали дети. У столиков, где оформляли документы, скандалили. Коротая в ожидании время, ели вареную курицу. И все пытались пролезть без очереди.

На тридцать первой минуте Говоров четко осознал: если он не желает стать на всю жизнь антисемитом, то надо срочно что-то придумывать.

Зверски энергичная бабенка барабанила по пишущей машинке, на Говорова сначала ноль внимания, потом раздраженно вскинула глаза:

— Что вы тут шатаетесь?

— Поймите,— как можно миролюбивее сказал Го-

воров,—я хочу только поблагодарить государство Израиль за то, что помогли мне уехать из Союза. Я русский писатель. ХИАС не должен мною заниматься.

Бабенка притихла:

— Ваша фамилия? Да, кажется, нам звонили из Толстовского фонда. Минуточку.

Утопала. Вернулась, расцвеченная улыбкой:

— Наш директор очень просит пройти к нему в кабинет.

Потом Кира говорила, что когда они уже втроем с Дениской приехали после обеда в Толстовский фонд, там их встретили по стойке «смирно». Но Кира всегда любила преувеличивать.

* * *

У Говорова не было иллюзий, он повторял себе: на Западе литература никого не кормит, надо искать работу.

Однако на первых порах создавалось впечатление, что работа ищет Говорова. Еще в Вене ему предложили место в исследовательском отделе на Радио. Не колеблясь ни секунды, он отказался (хотя догадывался, что во «Вселенной» такая зарплата ему и близко не светит), объяснив, мол, его ждет Самсонов. И очень себя зауважал, ибо промолчал о поражении Сахарова, не козырнул! Джон настаивал, чтоб по дороге в Париж Говоров завернул в Гамбург—Радио оплачивало расходы. Самсонов тоже советовал не ссориться с американцами. Говоровы пробыли в Гамбурге двое суток. Жена Джона помогала Кире совершать с коляской экскурсии по магазинам (по мнению Киры — лучший способ повысить свой культурный уровень), а Говоров не вылезал из студий и кабинетов. Начальство с ним беседовало и обедало (для Говорова был новинкой такой метод делового общения), он экспромтом прочитал доклад в конференц-зале о положении в Союзе, раз десять выступал у микрофона — в полной уверенности, что отрабатывает тем самым гостиницу и дорогу. Поэтому был крайне поражен, когда за час до отхода поезда его привезли к кассе и выдали кучу немецких марок (причем

еще извинялись, дескать, не все успели оформить, дошлем в Париж).

Следующая остановка во Франкфурте. Вот сюда Говоров совсем не стремился, но Лева Самсонов гнул свою линию: «Партия «Орлов» очень обидится, если ты проедешь мимо, они же тебя издавали!» «Орлы» встретили радушно. Их книжный склад — стопки, ящики заприщенной в Союзе литературы, голубая мечта российских библиофилов — ошеломил. Говоров торжественно подарили экземпляры его книги (свой, единственный дошедший до него несколько лет назад, он оставил в Москве). Правда, гонорар за книгу оказался жидковатым, зато Говоров убедился в собственной правоте («На литературные заработки здесь не прожить»). «Орлы» деликатно намекивали: конечно, нам известны ваши планы, разумеется, господин Самсонов вам все устроит, но если передумаете — милости просим, у нас тоже свой журнал имеется. (Это, кстати, Говорову не понравилось. Ведь сами познакомили его с редактором журнала — милой, хорошо знающей советскую литературу дамой. Что ж, теперь ее в шею?) Да, в чужой монастырь со своим уставом не суются, и тем не менее, когда Говоров увидел в квартирах «Орлов» фотографии молодых людей в немецкой военной форме образца сороковых годов, у него закололо в груди. Невольно вспомнились все фильмы о войне... Председатель партии, седой, почтенный, принял Говорова в своем кабинете. На одной стене красовался портрет Солженицына, на другой — Самсонова (прямо как в домах отчаянных московских диссидентов, ни к чему не придерешься), и еще в коридоре Говоров заметил свою увеличенную фотографию, которую явно наспех повесили. «Нашего полка прибыло», — ласково заурчал председатель. «Чтоб все было ясно, — прервал его Говоров, — мой старший брат погиб под Вязьмой в Московском ополчении, мои покойные родители, старые большевики, были людьми абсолютно честными, и я ими горжусь». Они посмотрели друг другу в глаза.

В Париж поезд пришел в семь утра. Лева Самсонов помогал выгружать из вагона чемоданы, узлы и коляску. Говоров предполагал, что Лева и Катя разместят их у себя, но Самсонов нашел лучший вариант: в большой роскошной квартире друзей Самсонова из первой эмиграции им предоставили две отдельные комнаты.

Вечером Лева повел его в ресторан в Латинском квартале. Они вспоминали Москву, старых товарищей, Центральный Дом литераторов, и ни словом Говоров не заикнулся о своем будущем. Он верил, что Самсонов обо всем позаботился заранее.

Говоров готов был хоть завтра приступить к работе во «Вселенной». Но кто же знал, граждане, что устройство на постоянное жительство во Франции требует стольких формальностей? В журнальной команде Самсонова было всего три человека, все очень занятые, Самсонов — особенно, однако по просьбе Левы, точнее по его команде, всегда возникал кто-то, чтобы сопровождать Говорова в префектуру, ОФПРА, Толстовский фонд, к юристу (перевести и заверить документы), в агентство по найму квартиры, в банк (вот где пригодились немецкие марки, благодаря иностранной валюте Говорову открыли счет). По совету Левы Говоров пришел с визитом в «Русскую газету» («Жалко, что вас берет к себе Самсонов,— сказала княгиня Шаховская, шеф редакции и героиня, нет, не романов, а французского Сопротивления,— вы бы нам были нужны»). Говоров сделал театральный жест) и в парижское бюро Радио, куда его привел Петя Путака. Директор бюро Владимир Владимирович — благодущный, по-старому вежливый, похожий на моржа англичанин русского происхождения — тут же пригласил Говорова на ленч. В ресторане просидели два часа. Владимир Владимирович не гнал лошадей, охотно слушал московские новости и как бы между прочим поинтересовался, с кем Говоров успел пообщаться в Гамбурге, с кем отобедал. Галича и Константинова из отдела культуры старый морж пропустил мимо ушей, на главного редактора Матуса чуть скривился, при упоминании имени Джона понимающе кивнул (все-таки начальник русской службы), а вот когда очередь дошла до Вильямса, директора Радио...

— Он беседовал с вами в кабинете?

— Нет, мы обедали в ресторане, а потом ужинали дома у Галича.

— И Вильямс был?

— И Вильямс был, и Джон, и еще какая-то баба...

— Сделайте для нас несколько пробных скриптов.

— О чем? — спросил Говоров. — Я писатель, не политик.

— Вот и хорошо, — оживился Владимир Владимирович, — а то все эмигранты рвутся в политику. Пишите о литературе. И не откладывайте в долгий ящик. Я жду вас в пятницу.

«Почему бы не попробовать? — подумал Говоров. — Все равно время теряю на какую-то суету. Но когда? То дела, то гости... И Лева уверяет, мол, так надо, привыкай, все нужные люди».

Однако в тот же вечер Говорову «повезло». Самсонов потащил его к одной американке на авеню Фош. Прием на соответствующем уровне. Говоров как свежий человек из Союза был в центре внимания. Насовали ему визитных карточек с вензелями, просили звонить. В эйфории Говоров лишь на обратном пути заметил, что Лева мрачнее тучи. Почему?

— Кажется, мы не ударили в грязь лицом?

Самсонов взорвался:

— Зачем ты напялил эту жуткую советскую ковбойку? Я же подарил тебе рубашку от Кардена. Здесь следят, как человек одевается! С тобой стыдно приходиться в приличный дом!

Конечно, с ковбойкой Говоров и сам почувствовал, что перебрал. И Кира перед приемом стонала, умоляла. Но когда Говоров решался на чистое хулиганство, его трудно было остановить. Хорошо, раз Лева стыдится за него, то Говоров посылает светскую жизнь к е. м. Кроме того, прекрасный предлог освободить себе вечера. А чтоб Самсонов не обиделся, Говоров пересказал свою беседу с Владимиром Владимировичем: срочное задание, надо писать, надо зарабатывать деньги.

Такие аргументы подействовали. Лева успокоился. Когда речь идет о заработке, разве он не понимает?

За три вечера Говоров написал две статьи. Долго раскачивался над первой страницей, потом вдруг накатило, прорвало — поймал, что называется, кота за хвост. А в голове уже выстраивалась серия передач, ребята в Москве об этом не могут говорить, так он расскажет за них и о них — потом статьи лягут в основу книги «Мое литературное поколение». Ловко он приду-

мал: подрабатывая на Радио — написать книгу! Кого ж такая перспектива не вдохновит?

Радужные планы лопнули в пятницу. Владимира Владимировича не было в бюро, обедал с кем-то в городе (Говоров постепенно смирился с мыслью, что обедать — основное занятие американских начальников), но прочесть и отредактировать скрипты он поручил Краснопевцевой. Вроде бы отлично складывалось, и здесь свои люди, Краснопевцева — правая рука Самсонова!

...Они просидели два часа, спорили над каждой фразой, и, подписывая скрипты, Краснопевцева деловито подытожила: «Видишь, это не советская цензура, я не изменила ни одной твоей мысли, но теперь стало лучше. У меня большой опыт редактуры самиздата».

Вместо того чтобы хлопнуть дверью, Говоров машинально вошел в студию. Толя Шафранов настраивал микрофон. Этой паузы хватило. Говоров отложил в сторону отредактированный текст, прочел статьи по направлению второму экземпляру, написал записку Владимиру Владимировичу: я свое обещание выполнил, однако работать на Радио не буду. Тексты оставлю.

В воскресенье он виделся с Самсоновым и ничего ему не сказал. Не маленький, чтобы жаловаться. Конечно, обидно было расставаться с идеей книги, ладно, проживем без Радио, есть Толстовский фонд, немцы должны перевести гонорар, и в конце концов, Лева обещал ему место в журнале.

В понедельник утром Говорова разбудил телефон. Владимир Владимирович просил немедленно приехать в редакцию.

Говоров приготовился рвать и метать, а Владимир Владимирович рассматривал его с таким изумлением, будто перед ним был редкостный экземпляр природы: синий кактус, желтый слон или трехкрылая бабочка. Даже встал из-за стола и потрогал Говорова за рукав — дескать, не улетит ли, не испарится?

— К нам рвется много народу. Некоторым мы сразу даем от ворот поворот. Впервые вижу человека, который отказывается у нас работать. Что произошло?

Говоров рассказал, с трудом сохраняя спокойствие, а Владимир Владимирович развеселился:

— Я прочел оба варианта. Я не заметил особых расхождений. Ну, одна фраза длиннее, другая — короче, какие-то слова заменены... Неужели для вас это имеет значение?

— Имеет, — ответил Говоров. — Я писатель, мне важно каждое слово, я сам знаю, куда его ставить. И еще... — Говоров запнулся. Он почувствовал, что Владимиру Владимировичу крайне важно знать это «еще». Между ними возник контакт. Была не была, решил Говоров, что я теряю? — И еще, на мой взгляд, Краснопевцева — графоманка. Таких много на Руси. Они штурмуют Союз писателей, но чтоб попасть в союз, нужны элементарные профессиональные навыки. А Краснопевцева умудрилась не напечатать ни строчки, что вообще удивительно при той массе изданий и слабом уровне редакторов. Прошлая пятница для Краснопевцевой стала звездным днем. Когда она меня корежила, она брала реванш. Я не против, чтоб человек получал удовольствие, но я не мазохист. Вполне допускаю, что я не прав. Однако пусть Краснопевцева упражняется на ком-нибудь другом.

— Поймите, — без тени улыбки сказал Владимир Владимирович, — мне про вас ничего не было известно. Простите великодушно, я не читал ваших книг. Я прочел лишь два ваших скрипта. — И после некоторой паузы: — Вы придумали продолжение?

Говоров рассказал.

— Очень интересно. Я должен запросить Гамбург, уверяю вас, это чистая формальность.

— Я не буду больше писать, — повысил голос Говоров. — Я не хочу, чтобы...

— Помилуйте, батенька, — взревел старый морж, — ну, получилась накладка, я виноват, зачем пинать ногами старика? Неужели непонятно, что отныне в моем бюро Краснопевцева к вам близко не подойдет. Я буду читать ваши скрипты. Вас редактировать? А вы шутник. Впочем, не знаю, как у вас получится у Самсонова. — И выстрелил в упор: — Он действительно берет место в журнале для вас. Ему позвонили из Америки, очень посоветовали взять Краснопевцеву. Кто? Выясните сами у господина Самсонова. Условимся: я вам ничего не говорил. Одновременно в Гамбурге для Краснопевцевой придумали эту полуштатную редакционную должность. Короче, Краснопевцева сидит на двух стульях,

а вы сидите... Извините, хотел сказать грубое слово. Вы были со мной предельно откровенны. Я это оценил. Теперь моя очередь.

И Владимир Владимирович раскрыл Говорову карты. На Радио намечаются преобразования. Отдел культуры переведут в Париж, ибо в Париже на сегодняшний день вся литературная эмиграция. Поедет ли Галич? Галич мечтает о Париже. Ему плохо в Гамбурге. Он вам ничего не говорил? Александр Аркадьевич — человек гордый. Разумеется, это ошибка Вильямса, нельзя было предлагать Галичу пост начальника отдела культуры. Галич — творческая личность, а не канцелярская крыса. Но дружный коллектив Гамбурга — кстати, там много бывших советских — негодует: мы работаем в поте лица, пишем корреспонденции, а Галич только поет песенки и получает вон какую зарплату. Пусть сначала научатся писать такие песенки? Правильно! Но не напоминает ли вам это здешнюю ситуацию, которую мы недавно обсуждали? Теперь, надеюсь, вы меня поняли. Не скрою, заполучить культурный отдел в Париж у меня больше шансов, если у микрофона будет выступать писатель Андрей Говоров. Тогда нас расширят, переведут в другое помещение, объединят с восточноевропейскими редакциями. Видите, я в вас заинтересован и надеюсь со временем предложить вам редакторское место. Но пока о наших планах прошу не распространяться.

Говорову надо было как-то пережить новость о журнале. Так вот почему Лева не спешит привлекать Говорова к делам! Ладно, подождем, когда Самсонов сам это ему объявит. И в данном случае Радио как запасной вариант...

— Вы хотите сказать, что предоставляете мне полную свободу?

— Почти,— хитро улыбнулся Владимир Владимирович.— Как директор бюро, я обязан осуществлять политическую цензуру.

— Например?

— Ну если вы напишите, что в Америке по статистике большинство преступлений совершается неграми, я вычеркну. И не потому, что противоречит истине, а потому, что противоречит политическим установкам Радио. Если вы обзовете Брежнева болваном

и негодяем, извините, тоже не пропущу. Про Брежнев дайте мне это понять, изъясняясь вежливым дипломатическим слогом,—я подпишу с удовольствием.

И, полуобняв Говорова за плечи, Владимир Владимирович повел его в другую комнату, где сказал высокой, неопределенного возраста, густо накрашенной блондинке:

— Познакомьтесь, Беатрис, с господином Говоровым. В приятнейшей беседе провел с ним несколько часов. Кстати, мы должны ему деньги за два скрипта.

Беатрис рассиялась в очаровательной улыбке.

— «Бывают же такие милые люди»,—думал Говоров, складывая в бумажник тысячу двести франков.

«Все образуется»,—писал мудрый Лев Николаевич Толстой. Через полгода Говоров кончил свою серию передач «Мое литературное поколение». Действительно, получилась книга, которую издали в Америке. К этому времени сбылись планы Владимира Владимировича: отдел культуры перевели в Париж, сняли новое, можно сказать, роскошное бюро, из Гамбурга приехали Галич, Константинов и молодой политический обозреватель Боря Савельев. Париж привлек новых авторов и стал выдавать программы стахановскими темпами. С такой нагрузкой редактор Краснопевцева просто физически не могла справиться, сидеть на двух стульях не удавалось. Лева Самсонов полагал, что Краснопевцева предпочтет работу на Радио (денежно более выгодную) и тогда освободится место для Говорова во «Вселенной». Но Краснопевцева осталась в журнале. Владимир Владимирович тут же пригласил Говорова.

Будь у Говорова хоть какой-то дар предвидения, он должен был бы немедленно бежать в церковь и поставить свечку Краснопевцевой за ее выбор, но пока ничто не предвещало ухудшения его отношений с Самсоновым. Наоборот, дружба крепла. Он буквально с восхищением наблюдал, как изменился Самсонов: из полуннищего советского писателя-алкоголика Лева за два года жизни в Париже превратился в солидного западного джентльмена, бесспорного лидера русской эмиграции,

всегда прекрасно одетого, всегда знающего что, кому и когда сказать. Даже Марья Васильевна, которую Говоров пытался помирить слевой (впрочем, безуспешно), называла Самсонова не иначе как «наше правительство». Старые эмигранты из известных аристократических семей, профессора, литераторы, чудом уцелевшие мастодонты из той великой послереволюционной волны русских во Франции, потомки первой и второй волн, преуспевшие, офранцузившиеся, но не порвавшие с русской культурой,— все с почтением прислушивались к Самсонову. (Лева объяснял Говорову: «Они бежали из России побежденными, их России больше не существует, мы же представители новой России, они чувствуют в нас силу»). Иногда добавлял с иронией: «Они начинали в Париже с того, что мыли полы на лестницах и водили такси, а мы сразу снимаем квартиры в хороших кварталах, открываем журналы, берем в свои руки Радио. Пойми, это тоже действует»). И когда в Париже Ростропович дал благотворительный концерт в пользу русской эмиграции, то список нуждающихся составлял Самсонов.

Ладно, разобрались с русскими. Но почему в заседаниях редколлегии «Вселенной» участвовали седовласые поляки, глава болгарской оппозиции во Франции, французские молодые интеллектуалы, рвавшиеся в знаменитости? В маленькую квартирку на четвертом этаже, где Лева разместил редакцию журнала, приходили Раймон Арон, Эжен Ионеско, Пьер Эммануэль, и Говоров сам был свидетелем того, как Раймон Арон с жаром объяснял, что, мол, с избранием Картера в президенты у Америки нет политики, Самсонов важно кивал головой. В гостях у Самсонова Говоров встречал американских и итальянских сенаторов, депутатов немецкого Бундестага, парламентариев из Швеции и Норвегии (причем, удивительно, всегда находился переводчик. Самсонов, не знавший ни слова на других языках, шутил: «Кто хочет со мной общаться, пусть учит русский»). Что они забыли в эмигрантском журнале, люди, перед которыми были открыты страницы мировой многотиражной прессы? Однако мировая пресса кричала о преследованиях диссидентов в Советском Союзе. То, о чем пишет мировая пресса, становится модой...

На какие-то конгрессы, симпозиумы и конференции

Самсонов летал в Штаты и Австралию, ездил в Германию и Швейцарию, причем все это без утилитарной цели (для представительства, объяснял он Говорову), хотя порой и хвастался: «Вот выбил в фонд «Вселенной» 80 тысяч.— И тут же добавлял: — Никогда не проси у богатых — богатый человек с первых твоих слов ждет, что ты попросишь денег, у него естественная негативная реакция, сделай так, чтоб он сам тебе предложил».

В Западном Берлине устроили расширенное заседание редколлегии «Вселенной». Тогда приехало много народу с двух континентов, громкие имена. Из русских были такие звезды, как Галич, Виктор Платоныч, Буковский, Коржавин, Эрнст Неизвестный. Самсонов прекрасно вел дискуссию, вежливо, тактично (что было совсем для него не характерно) полемизировал с ораторами («В Лева пропадает руководитель Союза советских писателей», — заметил В. П.). А потом был прием, на котором вдруг появился Шпрингер в сопровождении двух телохранителей (за ним уж тогда охотились террористы из немецкой «Красной Армии»). Шпрингер!!! Говоров видел, что в зале возникла суета. И вот уже редактор израильского русскоязычного журнала подскочил к газетному магнату, за ним еще кто-то потянулся... Лева Самсонов мрачно расхаживал между столиками. Ни разу не взглянул на Шпрингера. Говоров потихоньку увел всех братцев литераторов в кабачок, где их ждал Аксенов. (Аксенова в советском посольстве строго предупредили, мол, проявляйте бдительность, в Западном Берлине собрались нехорошие люди. Аксенов догадался, о ком идет речь, и через свою немецкую переводчицу разыскал Говорова.) И вот, как конспираторы-заговорщики дореволюционной эпохи, они сидели в углу ресторана, плотно сдвинув два столика, — Галич, Виктор Платоныч, Самсонов, Коржавин и расспрашивали советского гостя: что там? как там? И Говоров чувствовал себя абсолютно счастливым — наконец-то, словно в старые, добрые времена, собрались все свои. Но только тихая беседа, согласно жанру, не получалась, ибо оркестр гремел со сцены, мешая разговору. А когда оркестр заиграл известный по всем военным кинофильмам марш и публика стала подпевать, стуча в такт пивными кружками, Говоров возмущенно заорал переводчице: «Куда ты нас привела?»

В реваншистский вертеп?» Переводчица Аксенова, худенькая очкастая девица из западноберлинских леваков, обиженно шмыгнула носом: «Это не нацистский марш. Это наша народная солдатская песня».

Из Западного Берлина, вдрызг поругавшись с советским посольством, Аксенов прилетел в Париж. У Самсонова дежурил местный диссидентский актив, когда Говоров и Аксенов позвонили в дверь. Лева обрадовался — молодец, Вася, не испугался. Катя быстро накрывала на стол. Но Говоров навсегда запомнил ошеломленные, растерянные взгляды диссидентов. Для людей, прошедших тюрьмы и психушки, мир был четко разделен на два лагеря: свои и чужие. (Та же советская психология, но под другим флагом.) Аксенов, популярный писатель, баловень судьбы, да еще по заграницам ездит — не иначе как задание КГБ выполняет, — явно принадлежал к чужим. То, что его сопровождал Говоров, ничего не означало, более того, Говоров, как и Виктор Платоныч, скомпрометировали себя в глазах диссидентов статьей в газете «Монд» (посмели выступить против диссидентской демонстрации на вечере советских поэтов, дескать, не надо путать литературу и политику). Однако Лева Самсонов принимает Аксенова, как дорогого гостя. Полная сумятица, привычный мир рушился.

...В одной из самсоновских книг полицейский следователь насмешливо пророчил арестованному студенту: «Вы, милостивый государь, торговать не умеете, конторское дело вам скучно, науки вас не привлекают, работать не любите. Попробуйте найти себя в революции». В частных беседах с Говоровым Самсонов не скрывал своего скептического отношения и к современным диссидентам-революционерам: «В Москве диссидентство стало профессией. Напишут петицию — разносят по домам. Их встречают как героев. Где накормят, где рюмку поднесут. И у человека ощущение, что он важным делом занят. А на Западе смелыми речами и письмами никого не удивишь. Тут работать надо». Тем не менее не было ни одного диссидентского мероприятия (советский штамп в данном случае четко соответствует смыслу) в Париже, где бы Самсонов не председательствовал, произносил речь, высоко нес, крепко держал, давал отпор — словом, всюю

функционировал. И хватало у него на это времени и сил.

Как-то устроили поэтический утренник Краснопевцевой (на вечер она не потянула), и Говоров, увлекшись разговором, проводил Самсонова до дверей. Краснопевцева радостно махала из окошка: «Ребята, через пять минут начинается...» — «Может, ты зайдешь? — как-то неуверенно сказал Самсонов, — все-таки надо поддержать человека». — «Я? — возмутился Говоров. — Что я, сумасшедший?»

И потом, у Говорова был длинный язык, не стеснялся повторять, что, мол, когда академик Сахаров, доктор физических наук Юрий Орлов, генерал Григоренко, драматург Галич шли в диссиденты, то тем самым они совершали поступок, ибо все теряли, тогда как другим, как пролетариям Карла Маркса, нечего было терять, кроме. Они лишь приобретали. В этой говоровской теории был серьезный изъян. Разумеется, приобретали те, кого с шумом выдворяли из Союза и на Западе принимали с распростертыми объятиями, как мучеников. А что приобретали десятки и сотни безвестных, кроме обысков, увольнений, ранних инфарктов, психушек, тюрем и лагерей? Вот этим ребятам Говоров искренне сочувствовал, но в Париже ему приходилось иметь дело с иными деятелями... Сидит у него в кабинете некто, с виду неплохой парень, но который называет себя генеральным директором независимого профсоюза России. Предварительно, по совету Владимира Владимировича, Говоров позвонил в Гамбург, просил навести справки. Ему ответили, что пару раз в каком-то самиздатском письме мелькнуло упоминание о независимом профсоюзе, а так — больше никто не слыхал об этой мощной и представительной организации.

— Давайте прорепетируем нашу беседу у микрофона, — предлагает Говоров.

Парень за словом в карман не лезет:

— Хочу выразить свой протест продажным профсоюзам Запада. Никто не явился на мою пресс-конференцию. Понятно, коммунистический профсоюз куплен Советским Союзом, остальные профсоюзы — крупной буржуазией. Я, как генеральный директор...

— «Я как представитель независимого профсоюза...» — уточняет Говоров.

— Нет,— упрямится парень,— я, как генеральный директор, заявляю, что игнорирование нашего многомиллионного профсоюза французской прессой... Даже из «Фигаро» поленились прийти...

Выяснилось, что на пресс-конференции генерального директора в Париже присутствовало два человека — из журнала «Вселенная» и от партии «Орлов». Вот так толкли воду в ступе примерно час, после чего Говоров отменил беседу у микрофона и сказал генеральному директору:

— Ваша беда, что вы поспешили эмигрировать из Союза, не подготовив заранее свои позиции на Западе.

— То есть как?— удивился парень.

— Вам надо было бы в Москве собрать иностранных корреспондентов — в Москве вы бы их собрали — и заявить, что сейчас, на их глазах, вы с разбегу пробьете головой кремлевскую стену. Ручаюсь, с вашим упорством и волей вы бы пробили. Фотографии и телекадры сего происшествия обошли бы всю мировую прессу. После чего на Западе вас бы чествовали как героя. Увы, нет у меня уверенности, что на следующую вашу пресс-конференцию придет хоть один человек. А пока обратитесь к Самсонову. У него есть фонд при журнале для разовой помощи диссидентам. К тому же у него большие связи со старой эмиграцией. Может, подыщет вам малярные работы.

Вполне понятно, что такие «номера» не прибавляли Говорову славы в диссидентских кругах. А в Монжероне, когда немецкое телевидение снимало «весь цвет» русской эмиграции, он громко хлопнул дверью.

...В принципе идея Самсонова была неплохая: пусть немцы сделают не просто интервью с «рядом лиц», а определенный сюжет на фоне картин неофициальных советских художников, выставленных в Монжероне. И все собрались вовремя, да немцы опоздали. Наконец приехали, долго расчехляли свою аппаратуру, Галич спел перед телекамерой «Облака», Самсонов произнес в микрофон нечто значительное, прошлись по первому этажу выставки. Затем немцы объявили перерыв на ужин. Им поднесли заботливо припасенные бутерброды, сосиски, вино, водку, пиво. Немцы ели и пили основательно, рассказывали друг другу какие-то истории,

веселились и явно не торопились приступить к работе. А в залах музея и в монжеронском дворце уныло слышался «цвет эмиграции», ожидая, когда немцы соблаговолят обратить на них внимание: заставят петь в индивидуальном порядке или всех построят поротно и попросят сплясать «Камаринскую» или «Барыню», чтобы потом в Кельне или Мюнхене не так было скучно смотреть на телеэкран. Говоров взглянул на часы: полдвенадцатого ночи.

— Немцы считают, что с «руссишен швайн» можно не церемониться,— сказал Говоров, так чтобы все его услышали.— Но у меня завтра рабочий день, я уезжаю.

— Для меня есть место в машине? — спросил Вика.

За ними во двор выбежал Миша Шемякин, бормоча:

— Ребята, поймите, художникам надо думать о рекламе. Это входит в нашу профессию.

— Прими мои соболезнования,— ответил Говоров.— Но что хотят рекламировать Путаки, Краснопевцева и вся их партийная кодла?

Говоров включил дальний свет и вывел машину на ночное шоссе. Вика вздохнул:

— Зря ты шпыняешь наших диссидентов. Они славные ребята и на площадь выходили. Им тут трудно себя найти. А с телевидением ты прав. Оно их притягивает, как огонь твоих фар — ночных бабочек.

* * *

Еще на первом ленче в Гамбурге, в присутствии Джона и Вильямса, Галич полушутя-полусерьезно обронил:

— Чтоб работать на Радио, тоже нужна смелость.

«Ну, Саша дает,— удивился Говоров.— Как можно сравнивать жизнь в Советском Союзе и на свободном Западе?»

Однако в тот же день, в одном из гамбургских кабинетов, Говоров по ошибке назвал главного бухгалтера «мистером Тупеллом», перепутав с президентом Радио. Главный бухгалтер взвился со своего кресла. «Я мистер Пук, мистер Пук!» — в ужасе лепетал пожилой, благообразный американец, про которого Говорову рассказывали, что это самый ревностный служака,

в контору является раньше всех, к шести утра. «Чего же он так испугался?» — подумал Говоров.

У Бори Савельева в Париже тоже сначала был несколько затравленный вид. Он настороженно реагировал на каждое замечание, пока Говоров его не успокоил: «Хватит нервничать, Боря, это не Гамбург, здесь никто не кусается».

Вот Галич ничего не боялся. В Париже у него был кайф. Правда, на работу он приходил к девяти утра, лениво читал газеты, записывал раз в неделю свою получасовую программу (и все сотрудники собирались в студии и слушали, затаив дыхание, а Галич говорил без бумажки, и после ни одного слова не надо было вырезать. Класс!), зато после обеда Галича никто никогда в бюро не видел. Все знали, что Галич работает над новой книгой. Галич часто уезжал на выступления, и Владимир Владимирович не препятствовал этому, более того, засчитывал Галичу гастроли как рабочие дни. Охотнее всего Галича приглашали в Италию. «Вот видишь, — сказал однажды ему Говоров, — ты нашел в Италии свою аудиторию». — «В Италии меня любят, — согласился Галич. — Но знаешь, когда я пою, русские смеются и хлопают после одного куплета, а итальянцы — после другого. Реакция русской и итальянской публики никогда не совпадает». Из последней своей поездки в Италию Галич привез новую стереосистему и 15 декабря, пробыв полдня в бюро, побежал домой, чтоб ее налаживать. При включенной в сеть системе он воткнул не туда антенну.

...Года два после смерти Галича советская пресса не унималась. Сначала злорадствовали: предатель, отщепенец погиб как собака, потом изменили сюжет: оказывается, Галич исписался, на Радио им тяготились, и тогда полковники ЦРУ Вильямс и Владимир Владимирович решили его убить.

В Париже Галич проработал чуть меньше года. Десять лет на его месте просидел Говоров, однако всем посетителям, впервые пришедшим в редакцию, объяснял: «Это кабинет Галича. Все как было при нем, так и осталось».

По-иному чувствовал себя в Париже Константинов. В Гамбурге он фактически руководил отделом культуры (Галич лишь формально был начальником). Но когда Говорова назначили редактором, амбиции Констан-

тинова улетучились через несколько дней. Сын русских эмигрантов, свободно владевший несколькими языками, Константинов неплохо разбирался в русской литературе, а уж западную живопись и кино знал намного лучше Говорова. Первый же скрипт Константинова, попавший ему в руки, вызвал у Говорова головную боль. Он бился над ним час, перечеркивал, правил, потом переписал начисто. Показал Константинову, извинился:

— Для меня ваш текст был загадочным. Все слова русские, а звучит не по-русски. Например, ваша фраза: «Спекулируя в этом направлении...» Вы знаете, что значит по-русски слово «спекуляция?» Потом я догадался, что ваш русский — это обратный перевод с английского или французского. Не понимаю только, почему в Гамбурге вам никто об этом не сказал.

И заметил, как Константинов испуганно съезжился.

...С утра Константинов успевал сделать несколько страниц и дальше ждал, когда придет на работу Говоров. Отныне без говоровской правки он никому свой текст не показывал. И всю вторую половину дня Константинов безостановочно стучал на машинке. Иногда Говоров пытался его образумить: «Куда вы гоните? При таких стахановских темпах я вынужден половину ваших страниц выбрасывать в корзину. Вы хоть сначала обдумайте свой текст, а потом пишите». Константинов виновато опускал глаза.

— У вас тяжелая рука,—как-то подобострастно пропела Говорову Беатрис.— Видите, как Константинов вас боится.

Тяжелая рука? Это Говорову понравилось. Он давно заметил, что вроде бы Беатрис в редакции сбоку припека, копается в своих бумажках, тем не менее в курсе всех дел и отношений. И Галич у нее был в любимчиках. Правда, перед Галичем ни одно существо женского пола от двух до девяноста лет не могло устоять. Вот Константинова она явно не баловала. И именно поэтому не хотелось Говорову унижать своего коллегу.

— Глупости, Беатрис, чего ему бояться?

Вопрос был искренним. Ведь сам не раз упрасивал Константинова не надрываться, дескать, солдат спит, служба идет. Ему уж недалеко до пенсии.

— Он боится, что его уволят.

— Как можно уволить человека в 57 лет? — изумился Говоров.

Беатрис взглядом и мимикой изобразила театр по системе Станиславского.

Через полгода Константинов скоростижно скончался от кровоизлияния в мозг.

Редактирование Константинова, вернее, переписка его текста раньше занимала у Говорова половину его рабочего времени. Теперь он вроде бы остался не у дел. Переводить статьи с французского, как Константинов, Говоров не мог, не хватало еще знания языка. Тогда Говоров решил попробовать написать серию очерков о французской жизни, причем делать их в юмористическом ключе. Владимир Владимирович с одобрительной улыбкой их визировал, но из Гамбурга не было ни ответа ни привета. Идут ли материалы в эфир, выбрасывают ли их в корзинку — поди знай! В Москве убрали в отставку товарища Подгорного. По этому случаю Говоров вдохновился на фельетон. Боря Савельев прочел, посмеялся, но посоветовал в последней фразе: «Парижский пролетариат собирает на площади Пигаль подписи под петицией: «Дайте работу Николаю Подгорному!» — выбросить упоминание Пигали, дескать, в Гамбурге не любят таких рискованных шуточек на политические темы. Говоров уперся — ни за что, не изменю ни одного слова! Потом он вспомнил предупреждение Владимира Владимировича: на Радио не пропускают издевки над советским руководством. Гамбург продолжал хранить молчание, тогда Говоров попросил Владимира Владимировича позвонить в главную редакцию и узнать, что они там себе думают. Через день Говоров получил телекс, подписанный новым начальником русской службы Фрэнком Стаффом: «Ваши статьи — золото для нас. Именно таких материалов мы от вас ждем».

С этого ли момента Говоров понял, что у него на Радио особое положение? Или уверенность в себе пришла после истории с альманахом «Метрополь»? Говоров заранее предупредил гамбургское начальство: в Москве готовится интересная акция, что именно — сказать не имею права, увидите сами. И когда разразился скандал с «Метрополем», все комментарии по Радио делал только Говоров, никого не подпускал к этой теме. Во всяком случае, до или после этого (Го-

воров точно не помнит) он задал президенту Радио Трипеллу сакраментальный вопрос.

...В Париже была чудовищно удушающая жара, и мистер Трипелл поразил Говорова тем, что явился в бюро в затянутом галстуке и темном костюме, застегнутом на все пуговицы, и ни единой капельки пота на лбу. Вот что значит американская вышколенность! (В свою очередь мистер Трипелл, увидев Говорова в распашонке с короткими рукавами, несколько скривился.) Целый час, стоя, как британский гвардеец, посередине комнаты, президент делал доклад о положении в Союзе и в Восточной Европе. Боря Савельев шепотом переводил Говорову высокий текст с английского и пристанывал: «Боже, какую чушь мелет!» Говоров вынес президенту стул. Мистер Трипелл метнул удивленно-благодарный взгляд на Говорова, но не сел, лишь облокотился и продолжал держать речь. «Подлизываешься к начальству?» — съехидничал Савельев. «Угу», — ответил Говоров. Но когда президент иссяк, Говоров встал. Боря догадался, попытался закрыть своей рукой Говорову рот... Поздно. Президент ласково смотрел на Говорова, ведь такой любезный служащий, у вас вопрос?

— Мистер Трипелл, покажите, пожалуйста, на карте город Владивосток.

Толя Шафранов в беззвучном смехе скатывался со стула. Беатрис, кажется, рухнула в обморок. Савельев, спасая положение, перевел вопрос в виде шутки, однако президент шутки не понял, развернулся к карте на стене и четким жестом ткнул в Ленинград.

И еще многое чего было. Например, в отчетах об уже прошедших по Радио передачах Говоров поймал сделанный в Нью-Йорке скрипт, посвященный смоленскому воззванию генерала Власова. Говоров взвыл и накатал в Гамбург докладную записку в таком тоне: «Грубейшая политическая ошибка, будь советская пропаганда поумнее, то сразу бы напечатала этот текст в газете «Правда» без всяких изменений, с одним комментарием: «Вот каково оно, истинное лицо американского Радио». Авторов подобных ляпов нельзя подпускать к микрофону».

Из Гамбурга прилетел Марк, заместитель директора русской службы, визировавший этот материал. Марк был симпатичен Говорову. Интеллигент, университет-

ский профессор с мягкими манерами, по-русски без акцента. Марк доказывал, что автор скрипта не имел злого умысла, лишь пытался восстановить историческую правду. «Автор — бывший власовец?» — спросил Говоров. «Мои родители — тоже из второй эмиграции», — уклончиво ответил Марк. «Марк, я ничего не имею ни против твоих родителей, ни против тебя, ни против второй эмиграции. Они пережили трагедию. Но генерал Власов написал свое воззвание в Смоленске в 43-м году. Если в 41-м году у кого-то могли быть иллюзии по поводу намерений Гитлера, то в 43-м все давно поняли, зачем Гитлер пришел в Россию с огнем и мечом. И генерал Власов должен был это знать в первую очередь, ведь он как раз проехал по местам, где немцы проводили массовые расстрелы еврейского населения. И вот в 43-м году из Смоленска Власов призывает советских людей переходить на сторону Гитлера и сражаться против союзников Сталина, американцев и англичан! И мы это транслируем на страну, где в каждой семье кто-то погиб на войне? Нет, Марк, сожалею, моя докладная остается в силе».

Марку не продлили контракт в Гамбурге, он исчез на несколько лет, а потом, как бывает с американскими чиновниками, всплыл наверх, в Вашингтон, в Комитет по радиовещанию. И может быть, когда решалась судьба парижского бюро, кое-что припомнил Говорову. Впрочем, кто знает, кто знает...

И еще много чего было. И та конференция в Лос-Анджелесе, посвященная литературе третьей эмиграции.

В огромный зал университета южной Калифорнии съехались все русские с Западного побережья — посмотреть на своих писателей. Из Лос-Анджелеса, через нью-йоркское бюро, Говоров посылал в Гамбург репортажи о ходе конференции, поэтому в дебатах почти не участвовал, но все же несколько раз вынужден был взять слово. В частности сказал:

— Несправедливо обвинять Виктора Платоныча в том, что он якобы говорит о своих заслугах, мол, он воевал и тем самым делал себе карьеру, зарабатывал звездочки на погоны. Будем откровенны: здесь, вероятно, удобнее говорить о своей ненависти к коммунизму, чем о том, что ты в коммунизм верил, за это боролся, ошибался, и это была твоя беда... Говорить, как Виктор

Платоныч — это требует мужества. И кроме всего прочего, отвечая на обвинения против Виктора Платоновича, я хочу отметить маленькую подробность: дело в том, что на войне еще и стреляли. Участвовать в войне было несколько опаснее, чем участвовать в этом заседании.

На конференции, несмотря на яростные споры, все как-то потом помирились, и на заключительном банкете в русском ресторане с верандой, выходящей на тихоокеанский пляж, лихо отплясывали со студенточками-славистками, и солист русского оркестра пел: «Гитлеровские румяные, от мороза чуть пьяные...»

И мало ли еще чего было.

Так вот,

Тринадцать с половиной лет до ЭТОГО

на вокзале в Гамбурге Говоров с Дениской на руках спускался по ступенькам из вагона, и первым, кого он увидел на перроне, был Джон. Конечно, уже не тот элегантный дипломат, каким его помнил Говоров по американскому посольству, — располнел, полысел, появилась седина — но все-таки.

— Джон, ты молоток, — сказал Говоров вместо приветствия. — Прекрасно выглядишь. Наверно, еще к бабам ходишь.

— Вот кто совсем не изменился, так это ты, — ответил Джон, беря у Говорова ребенка. — Вот с тобой и пойдем.

Тут появилась Кира, вся при параде. Говоров почувствовал, что Джон сделал на нее стойку, Кира умела производить впечатление. Тем лучше. Говоров бросился обратно в вагон, вытаскивать вещи. Совершил три челночных рейса. Джон рвался ему помочь. «Держи ребенка», — крикнул ему Говоров. Ну вот, кажется, все, ничего в поезде не забыли. Дениска перекочевал к Кире. Джон мужественно выбрал два чемодана потяжелее, но по-прежнему внимание на Дениску. (Или на Киру?) «Не похож на тебя». — «Как, ничего общего?» — «Абсолютно, очень умный мальчик, не в пример отцу». Краем глаза Говоров заметил, что около них крутится мужик, который тоже норовит схватить чемодан. Вроде бы мужик приличный, как и Джон, в твидовом пид-

жаке. Да кто их знает, гамбургских воров? Конечно, нет у Говорова ценных вещей — книги, московские шмотки, постельное белье, Кира кое-что подкупила в Вене себе из одежды — и все-таки жалко. Мужик тем временем поднял сумку, чемодан и, поймав взгляд Говорова, улыбнулся.

— Джон, ты знаешь этого человека? — настоятельно спросил Говоров.

— Ой, забыл вас познакомить, — в ужасе охнул Джон. — Это Рональдс Вильямс, директор Радио.

. . . . .

Конец

Читатель, перед тобой только что законченный роман русского писателя Анатолия Гладилина «Меня убил скотина Пелл».

Анатолий Гладилин стал знаменитым в 20 лет. В 1956 году журнал «Юность» опубликовал его повесть «Хроника времен Виктора Подгурского», за ней последовали еще несколько повестей, закрепивших репутацию Гладилина как одного из основоположников молодежной прозы.

После 1964 года, когда началось (в который раз!) целенаправленное удушение всего талантливого в литературе, жить литературным трудом стало невозможно.

В 1976 году Гладилин эмигрировал. Он поселился в Париже и стал сотрудником русской службы парижского отделения радио «Свобода», блестящим радиожурналистом, чьи передачи, продираясь сквозь глушилки, доходили до советских слушателей.

Несколько книг, изданных писателем в эмиграции, в Союзе загорялись в спецхраны, а названия старых, «оттепельных» книг безжалостно изымались из каталогов советских библиотек.

И вот писатель Анатолий Гладилин возвращается.

«Меня убил скотина Пелл» — прямодушная, сбивчивая, горькая, правдивая автобиографическая книга. Главный герой книги — радиожурналист Андрей Говоров — процветает в русской редакции Радио в Париже, но в один злосчастный день получает бланк с уведомлением об увольнении.

По-разному, наверное, воспримут книгу русские читатели в СССР и за рубежом. Для эмигрантских кругов (особенно для третьей волны) она может стать скандальной. Вынесен сор из избы. Все дрязги, интриги на Радио и в редакциях, весь этот маленький, замкнутый мир запечатлел писатель, никого, в сущности, не пощадив. В романе многие маститые эмигрантские литераторы — Виктор Некрасов, Александр Галич, Василий Аксенов — живут и действуют под своими именами. Автор зашифровал лишь несколько имен; многие (хотя и не

все!) прототипы угадываются легко. Да и кого затруднит понять, что за названиями «Вселенная» и «Запятая» скрываются два наиболее известных эмигрантских журнала «Континент» и «Синтаксис»?

Несравнимо больше даст чтение романа «Меня убил скотина Пелл» отечественным читателям.

«Хлеб эмиграции горек». Мы все еще не верим этому и другим пропагандным клише. Все еще заводим будильники, чтобы бежать в очередь за анкетами в посольство. Молодые столичные интеллектуалы все еще наивно полагают, что, протусовавшись тут без определенных занятий пару-тройку лет, они начнут свою жизнь «набело» там...

Наверное, никто не распакует чемоданы и не сдаст билеты на самолет, прочитав книгу Гладилина. Но кого-то она избавит, по крайней мере, от обольщений, иллюзий, к которым мы все стали так склонны из-за своей жажды лучшей жизни.

Герой книги Андрей Говоров, узнав, что он стал безработным, решает свести счеты с жизнью, берет пистолет и кружит по Парижу в поисках места, где он смог бы осуществить свое намерение. Потеря работы для него равносильна полному жизненному краху: не на что жить, невозможно содержать семью, а их у него две.

Да, они ехали туда за свободой творчества, от душегубной чиновничьей машины, не дававшей им жить. Что же они обрели? Гладилин отвечает на этот вопрос так, как мог ответить только он.

Жизнь можно прокрутить назад только в мыслях или в книге. И, читая Гладилина, понимаешь, как важно, что хоть в книге это можно сделать.

Гладилин А.

Г 52 Меня убил скотина Пелл. Роман, Худож.
Вл. Медведев.— М.: СП «Слово», 1991.— 270 с.

ISBN 5—85050—306—4

Новый роман Анатолия Гладилина «Меня убил скотина Пелл» — горькая, правдивая автобиографическая книга. В ней под своими именами живут и действуют писатели эмиграции — Виктор Некрасов, Александр Галич, Василий Аксенов, имена некоторых других автор зашифровал. Писатель не щадит никого и ничего, запечатлевая замкнутый мир русской редакции Радио «Свобода» в Париже.

Г 4702010201—
Г 128(03)—91 Без объявл.

ББК 84Р6

Анатолий Гладилин

МЕНЯ УБИЛ СКОТИНА ПЕЛЛ

Редактор *Н. М. Долотова*

Художественный редактор *В. В. Медведев*

Технический редактор *Л. И. Витушкина*

Корректоры *Г. И. Киселева* и *Т. И. Томашевская*

Сдано в набор 8.08.91. Подписано в печать 23.08.91.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,46. Тираж 100.000 экз
(2-й завод: 5001—45000 экз). Заказ № 750. Цена 5 р.
СП «Слово» 121433, Москва, Б. Филевская ул., 37, к. 1.
Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига»
Государственного комитета по делам печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Читатель, перед тобой только что законченный роман русского писателя Анатолия Гладилина.

«Меня убил скотина Пелл» — прямодушная, сбивчивая, горькая, правдивая автобиографическая книга. Главный герой книги — радиожурналист Андрей Говоров — процветает в русской редакции Радио в Париже, но в один злосчастный день получает бланк с уведомлением об увольнении.

В романе многие маститые эмигрантские литераторы — Виктор Некрасов, Александр Галич, Василий Аксенов — живут и действуют под своими именами. Автор зашифровал лишь несколько имен; многие (хотя и не все!) прототипы угадываются легко. Да и кого затруднит понять, что за названиями «Вселенная» и «Запятая» скрываются два наиболее известных эмигрантских журнала «Континент» и «Синтаксис»?

«Хлеб эмиграции горек». Мы все еще не верим этому и другим пропагандистским клише. Наверное, никто не распакует чемоданы и не сдаст билеты на самолет, прочитав книгу Гладилина. Но кого-то она избавит, по крайней мере, от обольщений, иллюзий, к которым мы стали так склонны из-за своей жажды лучшей жизни.

Жизнь можно прокрутить назад только в мыслях или в книге. И, читая Гладилина, понимаешь, как важно, что хоть в книге это можно сделать.